

А Л Е К С А Н Д Р
Б Е Л О В

кино в формате книги

М е ч т ы с б ы в а ю т с я

СЕСТРЫ

Александр Белов

Сестры. Мечты сбываются

Можно быть одиноким в толпе, а можно в семье. И тогда просыпается невероятная потребность в близости, в ком-то, на кого можно опереться, кому можно сказать: «Если ты меня разлюбишь, в тот же вечер я умру...»

Свете, падчерице криминального авторитета, пришлось с оружием в руках отстаивать свое право на одиночество, но, как это часто бывает в жизни, идя налево, она пришла направо и встретила свою любовь...

Содержание

Литературно-художественное издание	0005
1	0006
2	0009
3	0014
4	0018
5	0024
6	0029
7	0035
8	0044
9	0054
10	0064
11	0075
12	0084
13	0094
14	0103
15	0110
Эпилог	0119

Александр Белов - Сестры. Мечты сбываются (книга 2)

Литературно-художественное издание

Александр Белов

СЕСТРЫ

Мечты сбываются

Книга 2

Ответственный за выпуск *А. Денисов*

Редактор *Т. Прокопьева*

Художественный редактор *А. Гладышев*

Технический редактор *Л. Бирюкова*

Компьютерная верстка *Е. Тюпич*

Корректор *Л. Лысенская*

Исключительное право публикации книги А. Белова «Сестры. Мечты сбываются» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Литературный редактор *Наталья Смирнова*

1

Шиза не престаивал удивляться наглости Алки: она наезжала на него в его собственном доме! Вот ведь без тормозов баба! Влезла с ногами на диван и принялась отчитывать, как жена:

– Ты что, прокольщик? Такое простое дело спортачил. Я же тебе письмо дала, там все про девчонок написано. Ты их что, не нашел?

Шиза перед ней отчитываться не собирался. Сидел за столом, курил, выпуская дым в потолок, и делал вид, что ее нет и быть не может. Но вопросы она ставила болезненные, и он злился.

– Я тебе подсказываю, а ты все заваливаешь, – упорствовала она. – Может, под Костю копаешь?

– Да замолчи ты, дура! – не выдержал Шиза. – Не лезь не в свое дело.

– А может, оно мое? – с загадочным видом спросила Алка. – Между прочим, письма-то еще идут. И местопребывание там указано. Только надежды на твоих пацанов никакой. Инвалидная команда!

Шиза поразился Алкиной осведомленности. Откуда она все знает? Что Цыпа выбыл по ранению, что у Каратиста беда с сухожилием после штурма дома художника, который теперь охраняют военные? И девиц там нет, это точно. Шиза потушил в пепельнице начавший тлеть фильтр сигареты и тут же закурил новую, зло сощурившись на Алку. Вид у нее был спокойно-торжественный. Только поза и стройные ноги, которыми она изредка взбрыкивала, выдавали тайную радость.

Алка теперь знала все. За неделю все у нее сошлось, вытанцевалось и постылая жизнь обрела смысл. Она уже все решила, оставалось только сделать последний ход.

Все началось с Диминых писем, найденных в гараже. Там хранилась его тайна. Женщина, которая ждала его из армии, писала о ребенке, дочери. Алке читать это было невыносимо радостно. Все те, кто последние годы окружал ее, были уроды. Безмозглые подонки, уголовники. И чужая жизнь, и своя собственная для них была не дороже копейки – чуть, что, пускали в ход пушки и ножи. Только Дима дорожил жизнью. Теперь стало понятно, почему. И у него оказалась дочь. Надо будет ее непременно отыскать, узнать, где она и кто ее мать. У Алки теперь было все, что нужно для достойной жизни: магазин, деньги, квартира, и она готова была нажитым делиться. Вот только смысла жить у нее не было.

Решившись, Алла отправилась к Диминой матери. Та после настойчивых уговоров и небольшой mzды назвала ей имя бывшей жены сына. Алка от потрясения чуть не отключилась. Она торопливо попрощалась с несостоявшейся «свекровью» и через несколько минут очутилась за стойкой бара ближайшего к дому кафе: ноги отказывались нести ее дальше.

Она сидела на высоком одноногом стуле, пила крепкое темное пиво и постепенно приходила в себя. Эта тайна за семью печатями могла изменить ее жизнь.

Дочь Димы оказалась падчерицей Алика. Знал ли об этом Алик, не известно, но Дима определенно знал, потому что дочь носила его настоящую фамилию и отчество. Ребенком он никогда не интересовался, во всяком случае, Ал-

ка этого не замечала. Но Дима явно позволял Алику больше, чем тот заслуживал. Это необоснованное попустительство бросались в глаза.

С другой стороны, со старшей девочкой Алик вел себя нормально: содержал и мать Натальи, и чужого ребенка. Однако жить с ними под одной крышей не захотел. Да что ему дети, когда у него одни баксы на уме? Кому они, вообще, нужны, дети, тем более чужие?

Все должно быть по-человечески. Надо, чтобы родители детей любили и зависели друг от друга. Вернее, нуждались во взаимной помощи. Если бы у Алки была дочь, можно было бы отдать ее на танцы, только не в ресторан, конечно, а в студию или в школу. Можно было бы вместе заниматься цветочным магазином. Да мало ли занятий для девочек?

Алка живо представила себе их будущую жизнь вдвоем. Общие дела, учеба, развлечения, путешествия, поездки к морю. Обсуждение нарядов. Обычная жизнь – как у всех, банальная, повседневная – на самом деле так хороша! Без нее, как без воды, женщина раньше времени сохнет и старится. Или мечется, как зверь, как загнанная кошка.

Теперь можно будет все начать заново, посвятить свою жизнь девочке. Пусть она уже не ребенок, а подросток, почти женщина, только юная, неопытная, но она нуждается в поддержке. Только Алка с ее отрицательным жизненным опытом может помочь ей стать человеком, не дать свернуть с прямой дороги, осторожно поддержать, чтобы девочка не запуталась и не наделала ошибок. А чтобы все срослось, нужно-то всего ничего: чтобы не было Алика! Когда его жена Наташка останется одна, ей будет не до Светы...

Алка опустила ноги на пол и откинулась на спинку дивана. Покосилась на Шизу, смолившего одну сигарету за другой.

– У меня в тех местах, ну, где они прячутся, есть знакомый, – доверительным тоном сказала она. – Перекупщик один, мастак на все руки. Он сам их привезет, если заплатить. Хочешь, поговорю?

– А чего раньше молчала? – недоверчиво спросил Шиза, подозревая подвох.

– Раньше я тебе так помогала, а теперь у меня условие. Личный интерес.

– Что за условие?

– Старшая девчонка – моя.

– Нафиг она тебе? – удивился Шиза. – Да и как это – твоя? У нее мать есть родная.

– Она – Димина, – торжественно произнесла Алка. – Его дочь!

Шиза Алке не поверил. Бредни какие-то. Но, в сущности, какая разница, чья дочь старшая. Его проблема – Дина, маленькая, та без базара папина любимица. Только так можно его прищучить.

Шиза поглядел на Алку: та сидела довольная, улыбочивая, с ямочками на щеках. Прямо, расцвела на глазах! Вопреки рассудку, она ему нравилась. Хотя связываться с этой ведьмой небезопасно, но в том-то и фишка. Поэтому он и тащился от нее.

Шиза принес с кухни стаканы и бутылку вина, поставил на стол, молча откупорил. Алка с любопытством наблюдала.

– Выпьем? – предложил он. – «Оджалеси» называется. Что за название у вина, мрак.

– За наш договор? – сощурилась Алка.

– Просто так. Кстати, ты обещала мне один раз. Не припоминаешь?

Сегодня дьяволица была сущим ангелом. Образцом сговорчивости. То ли перед ней маячили радужные перспективы, о которых Шиза не подозревал, то ли просто настроение было на это дело. Она выпила вина и расстегнула пуговицу на блузке. Долила в стакан, выпила еще и расстегнула вторую. Шиза пересел на диван и помог ей освободиться от одежды, поразившись ее хрупкой бестелесности. На сцене она выглядела более крепкой, правда, это было еще до похорон Димы. Алка ласково потянула его к себе, он прижался щекой к ее стриженной голове с жалкими вихрами, и внутри у него что-то оборвалось. Влюблен он, что ли?

Он скинул одежду и перестал отвлекаться на пустяки. Алка с самого начала принялась его морочить. Игра шла на повышение. Когда он почти доходил до пика, она вдруг его отталкивала, и он впадал в бешенство, пытаясь вернуть гаснувшее возбуждение, а вернув, снова плыл назад. С такой техникой ему еще не приходилось сталкиваться, он так истомился желанием, что когда оно перешло в оргазм, он закричал, как раненый. И рухнул на нее трупом: не мог ни говорить, ни дышать. Это было подобие смерти, полное отсутствие желаний.

Он позавидовал Фараону, который, наверное, переживал такое каждую ночь. Каждую ночь умирал на своей женщине и оживал вновь. Жизнь его была еще интересней, чем казалась на первый взгляд.

Шиза лежал на спине рядом с Алкой, поглядывая на нее искоса с удивлением: знает она, в чем ее фишка или нет? Пользуется этим, цепляя мужиков? Может, она просто профессионалка, а сама ничего не чувствует, как надувная резиновая баба? С профессионалками тоска зеленая – неинтересно. Вставил, вынул и забыл. Как в сортире – вошел, сделал свое дело и вышел. О чем тут вспоминать?

Он не заметил, как задремал. Когда проснулся, уже в сумерках, Алки не было, но остался в воздухе какой-то невидимый след. Послевкусие какое-то. Сейчас она казалась ему лучше, чем была на самом деле, загадочней. Захотелось ее вернуть, погладить по ошипанной голове.

Старость, что ли, усмехнулся Шиза. Он сам себе удивлялся, своей неожиданной сентиментальности. Раньше девок по подъездам тискал и трахал без всяких чувств, теперь охота по голове гладить. Точно, старость и есть.

Он набрал ее телефонный номер. Она взяла трубку не сразу.

– Алла, – сказал он, – ты будь осторожней. Я тебе не говорил, но Аликовы меня пасут. Гурама тоже.

– Это, надо понимать, любовное признание? – спросила она ехидно и бросила трубку. Все эта стерва о себе знает, решил он. Продуманная. Сволочь расчетливая. И отдалась нарочно, с умыслом.

2

Девочки стояли на платформе, погода вдруг начала портиться, закапал маленький, хилый дождичек. Дина притихла и нахохлилась, вспоминая о козе Маруське. Показалась электричка. «Нужно ехать, – подумала Света, – все равно куда». Электричка встала, двери открылись. В тамбуре стоял цыганский пацан, тот самый, что в Куровской дал Дине денег за пение, и курил. Увидев их, он неожиданно скомандовал: «Чего встали, заходи!»

Они одновременно шагнули в вагон, поезд тронулся. Через несколько станций цыган кивнул им, чтобы выходили, и выскочил сам. Из соседнего вагона выкатились его цыганские сестры. Они пристроились к брату сбоку, чуть позади и дружно зашагали к старой белой «Волге». В ней горел свет, за рулем сидел старый толстый цыган, а рядом с ним молодой и длинноволосый красавец. Красавец все время улыбался, показывая длинные, как у лошади, зубы. Половину заднего сиденья занимала цыганская бабушка. Пацан с эскортом нечесаных сестричек забрались на заднее сиденье, и все громко и непонятно заговорили.

Света с Диной остановились поодаль. Где-то надо было ночевать, но идти к цыганам – это уже чересчур. Они же детей воруют. И неизвестно, что потом с ними делают. Наверное, работать заставляют. Может, и нестрашно, если действительно работать, а не по поездкам деньги клянчить.

– Пойдем, – потянула Свету Дина.

– Я к ним не пойду, – покачала головой Света, вдруг заметив улыбку молодого цыгана. В ней было что-то не так. Подвох какой-то.

– Че они нам сделают-то?

– Тебе, может, и ничего...

Цыгане перестали гомонить и теперь смотрели на них. Света, не желая выдавать свои опасения, сделала несколько шагов к машине и остановилась. Молодой цыган ласково ей улыбнулся, блеснув золотом.

– Здравсьте, – сказала ему Света.

– Здравствуй, – вежливо ответил парень.

– Мы на экскурсию приехали и заблудились... – решительно начала Света.

– Легко заблудиться можно, – согласился парень и перебросился парой слов со стариком...

– Надо родителям позвонить. Откуда можно? – строго спросила Света.

– Недалеко здесь, садись.

Они влезли в машину, хотя на заднем сиденье вместе с цыганской бабушкой их оказалось шестеро. Сестрички, как обезьянки, пристроились на бабушке, Дина с пацаном – в середине, а Света – с краю. Когда «Волга» разворачивалась, мелькнуло название станции – Куровская. В темноте все выглядело иначе, сразу она станцию не узнала. Откуда уехали, туда и приехали. К родственничкам поближе, горько подумала Света. Может, здесь их искать не будут, ведь тут уж наверняка искали. Как они это делают, отслеживают? Может, кто-нибудь за ними следит, а они не знают?

Цыганский дом, куда на «Волге» доставили всю компанию, оказался большим, светлым, с хрустальными люстрами, коврами и дурацкими пестрыми обоями в цветах. Под ногами путалось штук пять детей. Все галдели, толка-

лись, усаживаясь за огромный стол. Цыганские сестрички стремительно подрались из-за места, но бабушка посадила одну из них на руки и прикрикнула на Свету с Диной так, будто они были одним существом:

– Иди кушать.

Они присели за длинный общий стол. Там набралось человек двадцать, из них мужчин было пятеро. У женщин на головах были наверхены прически, прикрытые тонкими блестящими платками, и почти все носили одинаковые фиолетовые кофты, широкие юбки и теплые тапочки. Арбуз уже разрезали. Вилки не хватало, да никто в них и не нуждался. Все хватало со стола руками. Дина, поняв, что скоро ничего не останется, тоже отправила картошку в рот рукой. Только Света сидела, не притрагиваясь к еде и ежась под любопытными взглядами. Молодой цыган взял пульт и включил огромный телевизор. Начались новости, и гвалту прибавилось. Все принялись перекрикивать телевизор.

– А позвонить можно? – крикнула Света цыганской бабушке, которая казалась ей главной.

Та в свою очередь что-то прокричала невесткам, и одна из них принесла телефонную трубку. На минуту за столом все притихли, слушая, что скажет Света, но аппарат не работал. Дина со Светой переглянулись. Все бурно загалдели, что-то обсуждая. Одна из маленьких сестричек сбегала в комнату и принесла другую трубку. Все снова с интересом уставились на Свету. «Ну же, ну, соединяй!» – упрашивала Дина трубку. Гудки были, но к телефону никто не подходил.

– Ты кушай! – утешил Свету молодой цыган, а одна из невесток прошлась по ней ревнивым взглядом. Но Света этого не заметила. Позвонить бабушке? А что она ей скажет? Что на даче у Климкиных? Так она и так попросила Леху позвонить и подтвердить это. Нет, бабушку тоже нельзя в это дело впутывать. Напугается – и в больницу под капельницы. Но звонить бабушке ей не хотелось еще по одной причине. Она боялась узнать что-нибудь ужасное. Например, что с Наташей что-нибудь случилось. Мама не взяла трубку, а уже вечер, почти ночь.

Пока она размышляла, стол опустел, все разбрелись по комнатам, девочки остались за столом одни. Дина догрызала куриное крылышко, Света нехотя поковыряла арбуз. Аппетит пропал, есть не хотелось. Она очень надеялась дозвониться. Чем дольше они с Диной одни, тем меньше надежды оставалось, что их вообще ищут. Может, и искать-то уже некому. Если снова посадили Алика, на маму с бабушкой надежды мало. Света понимала, что он единственный, кто что-то может реально. Женщины, даже такие хорошие, как Зина, или самые близкие, как мама, могут немного. А Алики сволочь. И почему-то за его фортели отдуваться должны они с Динкой, а ведь дети за родителей не отвечают. Света ненавидела его все сильнее. И деньги его, и приятелей, и машину, и улыбочки, и походку – все.

Появились невестки, быстро убрали стол, оставив только Динину тарелку, и исчезли. В гостиную зашел молодой цыган и начал, разгуливая, наигрывать на гитаре, лукаво поглядывая на Свету. Сначала он исполнял что-то печальное, потом переборы пошли быстрее, он напевал себе под нос, а дальше пошло-поехало разудалое. Сзади, у Светы за спиной раздавался все нарастающий непонятный шум, но она не могла оторвать глаз от пальцев цыгана, пока

Дина не дернула ее за рукав: «Смотри!» Света оглянулась: в дверях танцевали цыганские дети, притопывая босыми ногами. Десять или двенадцать босых грязных ног топали в ритм музыки. Вдруг они все, как по команде, разбежались: один за другим в гостиную вошли четверо мужчин и снова расселись вокруг стола.

Молодой цыган уселся напротив девочек и коварно улыбнулся. Старик устроился во главе стола, еще один, в кожаной куртке, видимо сын старика, сбоку от них. Пятый прилег на диване. Они начали переговариваться, Дина отодвинула тарелку с костями подальше:

– Спасибо.

– Кушай на здоровье, – молодой чему-то засмеялся. – Тебе сколько лет? – он глядел на Свету, и все остальные тоже принялись ее разглядывать, точно она предмет.

– Тринадцать, – ответила она.

Цыгане встретили сообщение бурно и обсуждали его минут пять.

– Поработать хочешь? – спросил снова молодой.

– Не знаю, – Света пожалала плечами. – Кем?

– Сестра твоя? – он кивнул на Дину.

Девочки переглянулись.

– Да.

– Что умеешь? – он опять насмешливо улыбнулся, и Дина не выдержала.

– Я петь умею! И на скрипке играть. А она может стрелять!

Цыгане снова загомонили, и было видно, что разгорался спор.

Тот, что в кожаной куртке, говорил зло, ссорился со стариком и наконец скомандовал Свете: «Встань, иди сюда».

Света машинально поднялась и вышла из-за стола. Он потянул ее за куртку к себе и быстро ощупал с головы до ног. Света дернулась назад, но он вцепился крепко. Дина выскочила из-за стола и отчаянно замолотила по его куртке кулаками:

– Не тронь! Не тронь, тебе говорят!

Цыган свободной рукой схватил Дину за голову:

– Вши есть?

Дина вывернулась и отскочила в сторону:

– Не трогай! Я папе скажу, что вы меня трогали, он вас всех убьет! И тебя, и тебя особенно! Мой папа бандит! Алик Муртазаев его зовут! – кричала Дина. – А это моя сестра!

Цыган с досадой оттолкнул Свету. Они снова загомонили, размахивая руками. Тот, что в кожаной куртке, зло сплюнул на ковер, встал и вышел. За ним следом поднялся старик и еще один, почти все время молчавший, а последним вышел молодой и веселый. На Свету он больше не глядел. Как предмет, она его больше не интересовала.

Света без сил опустилась на стул:

– Может, пойти в милицию и все рассказать? – спросила она неизвестно кого.

– Не надо, – отвергла идею Дина. – Вдруг папу снова в тюрьму посадят?

Они сидели в гостиной одни, пока не явилась цыганская бабушка:

– Там спать иди, – она махнула на закрытую комнату и исчезла.

В комнате, что она показала, свет уже не горел, под ногами валялось что-то

мягкое, по углам раздавалось хихиканье. Они остановились посередине, чувствуя, что в комнате полно людей. Немного привыкнув к темноте, Света разглядела, что на полу, на раскиданных матрацах и одеялах, лежат девочки. Они не спали, ворочались, шепотом переговаривались. Света нашла свободный угол, набросала туда одеял и легла. Дина пристроилась ей под бок и зашептала: «Хочешь, что-то расскажу?»

– Не хочу, – отрезала Света. Из темноты вдруг поднялась лохматая голова и заявила: «Я хочу. Сказка знаешь?»

– Знаю, – Дина, у которой после битвы с кожаным мужиком желание спать пропало, мигом села: – Слушайте. Только все тихо. Я буду рассказывать шепотом. История про стеклянную куклу.

«Однажды мама, папа и дочка пошли в магазин. И девочка увидела там стеклянную куклу, очень красивую. И она стала просить родителей, чтобы они ее купили. Но папе кукла не понравилась, он сказал, что она заколдованная и приносит несчастье. Тогда девочка принялась упрашивать маму, мама сжалилась над ней и купила.

На следующий день папа поехал в командировку и оставил дочке записку: «Не надевай на новую куклу голубое платье». Но девочка была еще маленькая и читать не умела, и поэтому надела на новую куклу голубое платье. Поздно вечером она услышала стук. Это кукла подошла к ее постели. Кукла забралась под подушку и стала шептать: «Ляг в постель, я тебя задушю». Девочка подумала, что это ей только кажется, и легла. Кукла ее задушила. Потом то же самое повторилось с мамой. Папа вернулся домой и увидел, что все мертвы, а кукла сидит на диване, смотрит телевизор и смеется. Папа схватил куклу и швырнул ее об пол. Кукла разбилась на много маленьких осколков, а мама и дочка сразу ожили».

В комнате на было слышно ни единого звука.

– Зря старалась, – сообщила Света. – Они спят давно. И по-русски не понимают.

– Понимают, – раздалось из угла. – Они усталые, потому заснули.

Света вгляделась в темноту: в углу сидела девушка и кормила грудного ребенка. Она отложила младенца и поманила Свету к себе:

– Или сюда. Покурить хочешь?

– Не вздумай, – прошипела Дина. – Я маме скажу.

Света поднялась, шикнула на Дину и подошла к цыганке. Вблизи было видно, что она очень молодая, года на два старше Светы. Та достала сигареты: «Будешь курить?» Света покачала головой, что нет. Девушка закурила, блеснув в темноте белками, и спросила:

– Муж есть у тебя?

– Она девочка, какой еще муж, – проворчала Дина.

– А тебя не спрашивают, – пресекла разговоры Света.

– А мой далеко. Скучаю по нему, – сообщила цыганка.

– В тюрьме?

– Кузнец, решетки делает. Он с моим табором на заработки ушел, а меня со своими оставил. Они меня любят. Потому что я светлая. Работать не заставляют. Только с их детьми сижу, маме помогаю. Ты тоже светлая, тебя цыган любить будет. А мой далеко... плачу...

И она вдруг заплакала. Света немного посидела рядом, не зная, чем ее уте-

шить, потом легла. Это была уже черт знает какая по счету бездомная ночь. Черт знает какой чужой дом. Почему-то для нее – самый тяжелый. Сегодня она струсилась по-настоящему, не знала, что делать, что отвечать. Сегодня ее выручила Динка. Может, это и называется быть сестрами?

Но как бы то ни было, день прожит, и завтра все изменится. Должно измениться. Иначе невозможно, так не бывает. Просто не может быть.

Света закрыла глаза. Молодая цыганка докурила, вытерла слезы и тоже легла. Дым медленно уходил в форточку, дети спокойно спали. Им завтра работать.

3

Утром в комнату заглянул пацан, громко свистнул, и все сразу повскакивали. Забегали по дому, зашумели, стали хватать куски со стола. Цыганская бабушка на них покрикивала.

Мужчины спали, и дети отправились на станцию пешком. Впереди с сигаретой за ухом вышагивал малолетний вождь, чуть сзади, по бокам, две, забывшие причесаться сестрички, а дальше – Света с Диной.

На станции цыганские девочки увидели, как из магазина вынесли и поставили на землю коробку с сосисками, и стали их хватать. Мужик, что выкинул сосиски, прикрикнул на них, чтобы не вздумали жрать. Но они и не собирались есть, а обматывали сосиски вокруг талии, а потом одна догадалась, что можно использовать их как скакалку. Они прыгали и веселились, пока брат не докурил. По его команде, побросав сосисочные хвосты в пыль, они шмыгнули в первую электричку, а Дине со Светой было приказано ждать у киоска. День был ясным, солнечным, а настроение у Дины – вполне бунтарским.

– Чего он тут раскомандовался? – недовольно пробурчала она.

Ждали недолго. Вскоре он вынырнул из-за угла со старым скрипичным футляром и коробкой. Поставил Дину возле ограды перрона, открытый футляр водрузил на коробку, а скрипку подал Дине. Отошел, полюбовался на получившуюся композицию, затем передвинул Дину с коробкой чуть левее и снова прищурился. Дина, наконец, возмутилась:

– Я на такой не играю. Я на трехчетвертной играю.

– Не можешь на скрипке, значит? – презрительно спросил он.

– Это целая. Для взрослых. Понятно? Я на такой не играю еще.

– Надо для взрослых играть, – сухо заметил мальчик.

– Че я как дура тут буду... Плохо получится...

Но руки уже взяли скрипку и пристроили ее у подбородка. Было неудобно, но играть хотелось.

– Хорошо не надо, – бросил пацан напоследок. – Надо жалостно.

Жалостно и получилось. Звуки были душераздирающие. Люди начали обращаться, одна женщина схватилась за сердце. Дина, поджав губу, упорно играла. Все равно это было лучше, чем петь. Все видели, что она не просто девочка, а музыкантша. Настоящая. Будем надеяться, думала она, все понимают, что скрипка ей велика. Краем глаза она видела, как дядька бросил в футляр десятку. Потом посыпалась мелочь, и Дина перестала смотреть на деньги, старательно выводя мелодию и раздумывая, что сегодня, она, конечно, не ожидала, что придется выступать, но в другой раз нужно подготовиться как следует. Шляпка из дома мертвеца сторела на пожаре, но помада-то у нее в кармане. И нужно будет посмотреть, как эти цыганские матери наворачивают себе прически. А еще лучше попросить платок, сделать повязку поперек лба и просто распустить волосы, без прически.

Света стояла у киоска и делала вид, что происходящее ее не касается, но тут рядом с ней возник цыган с пластмассовым ящиком-термосом, открыл крышку и показал содержимое:

– По пятнашке бутылка. Нам по рублю.

– Я по электричкам что ли, с этим должна шляться? – возразила Света.

– На рынке тоже хорошо берут, – посоветовал он.

Света фыркнула и под унылые звуки Дининой скрипки побрела по рынку, стараясь не очень сгибаться под тяжестью ноши. Начало припекать нежаркое осеннее солнце, и появились покупатели. Она подходила к торговкам на рынке, к мамашам с детьми и предлагала: «Кола, пепси, спрайт». Люди брали, ящик постепенно пустел. На пять пирожков с картошкой она уже заработала. Краем глаза она поглядывала на Дину, которая, перестав играть, аккуратно собрала деньги и растолкала их по карманам. Потом снова раздались заунывные звуки. Света пошла дальше, но тут на маленькую рыночную площадь въехал черный «мерседес», и из пего вышли четверо.

«Эта братва вся одинаковая, – подумала Света, – точно из одного инкубатора. Первый раз видишь – и сразу все ясно».

Парни разминали ноги – видно, ехали издалека, – и оглядывали окрестности. Глядеть, собственно, было не на что – рынок из четырех коротких рядов, шашлычная, здание станции, табачный киоск, тир.

Один из них, в черной водолазке, вдруг увидел Свету:

– Эй, малая! Это что за деревня?

– Станция Куровская, – ответила Света и напряглась. Слишком он был для бандита красивый. И улыбался одними глазами. Рот не смеялся, смеялась одна глаза. Он смерил взглядом: Свету и заметил термос:

– Пиво-то есть у тебя?

– Кола, пепси, спрайт, – заученно ответила Света.

Парень достал бумажник и протянул ей сотку:

– Будь другом, притащи пива. Сдачу себе оставишь. Туда притащи, – он показал на тир. Света хотела ответить грубо, но вместо этого молча взяла сотку и посмотрела вслед. Он уже шел в сторону тира, потом вдруг развернулся и спросил, смешно изображая озабоченность:

– Слушай, а бандитов-то нет тут у вас?

Его спутники заржали.

Света тоже улыбнулась, а он – ей. Зубы у него оказались крупные и детские.

– Пива притащишь? – совсем доверчиво попросил он.

Дина, решив немного передохнуть, огляделась по сторонам. Чего, спрашивается, она тут на жаре будет убиваться, как рабыня, да еще на целой скрипке? Шестьдесят три рубля и восемьдесят копеек уже есть. А этот командир явится в два часа, сам по электричкам, поди, ворует. Вот кто вор настоящий, а вовсе не папа. Наверняка его милиция ищет.

Дина опасливо поглядела на белый милицейский коробок с синими полосами, возле которого курил толстый коротышка в форме. Он как будто поглядывал на Дину, но она изобразила, что занята делом, протирает скрипку носовым платком. Не платок, конечно, а ужас какой-то. Потом она увидела Свету, которая быстро шла к киоску. Дина ее окликнула, но та не услышала. Она вздохнула, закрыла футляр, коробку спрятала в кусты и отправилась за сестрой, волоча скрипку.

В тире, куда направилась Света, раздавались звуки выстрелов. Дина заглянула: какие-то дядьки стреляли, а Света смотрела во все глаза. «Тоже хочет, а денег нету», – Дина полезла в карман, но потом передумала, решив сделать за-

пас. Для них обеих, между прочим, не все же отдавать этому мелкому.

Стреляли там по свечкам, которых вначале горело пять. Самый толстый и огромный промазал. Из четырех затушил только три, и все над ним посмеивались. Толстый ворчал на хозяина тира: «Ружье-то пристреляно?»

Хозяин в черной майке, с лысиной, сам тоже черный, как цыган, отвечал непонятно:

– Обязательно, обязательно пристреляно, дорогой, должно быть, наверно...

Верзила сделал последний выстрел и снова промазал. Разозлился, вытащил из кармана деньги и бросил на стойку. Деньги себе в карман положил самый маленький и симпатичный. Повернулся к другим: «Ну, кто еще хочет?» Никто не хотел.

– А можно мне? – вдруг спросила Света и сделала шаг вперед. «Сейчас она им покажет», – обрадовалась Дина.

– Давай, – сразу согласился красавчик. – Чего ставишь?

– Как это? – не поняла Света.

– Ну мы на деньги играем, а ты что ставишь?

Кто-то хмыкнул. «Чего ржут, как дураки», – обиделась Дина и неуверенно потрогала в кармане деньги. Света молчала.

– Ладно, ставь шарманку свою, – заявил красавчик. Света посмотрела на ящик с колой.

– Это не мое, – и опустила ящик на пол.

– Бывает, что и чужое проигрываешь.

Он уже взял ружье и прицелился. Света молча наблюдала. Стрелок он был неплохой. Можно сказать, силы были равны. Она успокоилась. В худшем случае ничья. Парень промазал только один раз, и у Светы появился шанс.

Дина снова выглянула из-за двери. Света взяла ружье, и теперь все смотрели на нее. Слышно стало, как цокали пульки, и одна за другой гасли свечки. Тишина стала полной, когда осталась горящая свечка одна.

«Давай же, давай, покажи им», – Дина изо всех сил сжала на двух руках пальцы крестом и отвернулась, чтоб не видеть последнего выстрела. Села на корточки спиной к тире, крепко зажмурилась. Наконец выстрел раздался, она вскочила и заглянула внутрь. Последняя свечка потухла. Дина была горда. В тире все молчали.

– Молодец, малая, – красавчик вытащил из кармана и протянул Свете деньги.

– Как ружье-то? – уважительно спросил Свету верзила.

– Да так себе.

Все загалдели, но верзила обвел всех грозным взглядом и уперся в хозяина:

– Понял, чудилка?

Компания, весело переговариваясь, высыпала наружу. Красавчик пристально посмотрел на Свету.

– В телохранители пойдешь ко мне? – спросил серьезно. Света небрежно пожала плечами, но сердце отчего-то заколотилось. Она ответила как можно равнодушной:

– Пойду.

– Забили. Подрастешь, я тебя заберу отсюда, – он подмигнул: – в Москву.

Все уже уселись в машину. Верзила оказался водителем. Красавчик все еще медлил и вдруг спросил уже совсем всерьез, даже глаза его перестали улы-

баться, когда он смотрел на Свету:

– Слышь, малая, никакая тварь тебя не обижает здесь?

Света молча помотала головой. Почему-то в горле встал комок. Правильный был вопрос, но не могла же она ему рассказать про родственников, которые их не пустили, про пожар, про цыгана в куртке, хватавшего ее, про «яичного желтка», наконец... Он все равно был чужой, из того, Аликового мира.

– Если тронет кто, мне скажешь. Ну бывай, малая, – он улыбнулся, подал ей визитку, и Света улыбнулась в ответ.

Станный получился разговор. Словно бы они о чем-то стоворились, но о чем? И слова значили совсем не то, что улыбки и взгляды. Станные какие-то взгляды, словно намек или обещание. Но обещали они хорошее, и Света продолжала улыбаться, пока «мерседес» не скрылся за поворотом. Потом медленно, точно запоминая навсегда, прочла написанное на визитке имя и бережно спрятала в карман.

– Что, влюбилась? – спросила, откуда-то вывернувшись, Дина.

– В бандита? – Света медленно приходила в себя.

– У тебя все бандиты, – проворчала Дина. – Раз на машине, сразу бандит.

– Не все, – возразила Света, – еще бывают милиционеры. – Она кивнула на уазик возле станции, возле которого стоял и поигрывал ключами на цепочке толстый коротышка.

– Это разве машина? – заявила Дина и презрительно сморщила нос. – Это коробка из-под обуви. – Здрасьте, – удивилась она, обернувшись на звук мотоцикла. – Давно не виделись.

– Привет, – Семен лихо развернулся на небольшом пространстве перед тиром, подняв облако пыли. – Что, – он кивнул на отъехавший «мерседес», – с проезжающими знакомились? Не советую.

Света взгляделась в Семена. Никогда не поймешь, шутит он или серьезно. Он широко улыбнулся и махнул, показывая куда-то в сторону:

– В Брусяны на конную площадку лошадей из города привезли. Хотите поглядеть?

– Хотим, – сразу согласилась Дина.

Но Семен ждал, что ответит Света. Света в конце концов небрежно кивнула в знак согласия, и они оседлали мотоцикл, забросив туда скрипку и ящик из-под колы.

4

Вся деревня сошлась на поляне, пытаюсь из-за изгороди разглядеть происходящее. Желаящих поглядеть собралось много, но близко никого не подпустили, чтобы не волновать лошадей, поэтому описывал происходящее мужичок, забравшийся на дерево:

– А сейчас он ногу на нее закинул, а она как рванет назад! Уперлась и спину выгнула.

Внизу, под деревом, любопытная публика вытягивала шеи и требовала подробностей. Но мужик артачился, хотел глядеть, а вести репортаж ленился. В конце концов, ленивого мужика общими усилиями согнали с дерева, а на его место забрался Семен. Это оказалось еще хуже. Он начал во все горло хохотать, а рассказывать вообще не стал.

Когда и его прогнали, сообщил, что лошади симпатичные, а наездник дурак, а хохотал он от неожиданности. Ну, не видал он таких кувыркков, что ж поделаешь, не городские мы, деревня. И ехидно поглядывал на Свету. Свете с небольшого холма кое-что было видно. Тот, кто всеми распоряжался, маленький, скинувший куртку, с резкими движениями, показался ей смутно знакомым. Как будто она его раньше встречала. Или была с ним знакома. Худобой, ловкостью и костюмом он напоминал матадора.

– А черный Юра вас потерял, – сообщил ей на ухо Семен. – Ищет, прямо с ног сбился. Чего хочет, думаешь?

– Да он Динку припахал к своему промыслу. Она снова с ним весь день проехала.

– А-а! – Семен подмигнул Дине: – Ну и как дела воровские?

Дина обиженно отвернулась. Вот еще. На глупые вопросы отвечать. Как будто она сама все это затеяла с Юрой.

– Пойдите здесь, – Света заметила, что наездники, закончив работу, начали собираться.

Она двинулась вокруг поляны, вглядываясь в лица. Ей казалось, что если она разглядит лицо, то она его узнает. С тем, кого искала, она столкнулась неожиданно нос к носу.

– Привет, – удивился он. – Ты как здесь?

Света не знала, как его зовут, зато, вглядевшись в лицо, вспомнила, где они встречались. Она видела его на ипподроме, куда они этим летом ездили с Климкиным. Наездник был приятель Лехинового старшего брата, и в перерыве между заездами они немного поболтали. Это было месяца два назад. Света удивилась, что он ее запомнил. Это же знаменитость, говорил Леха. Климкин был очень горд таким знакомством, называл незнакомца надеждой конного спорта.

– Здорово вы ездите... – они посмотрели друг на друга оценивающе, Света – немного с вызовом.

– Работа такая, – он пожал плечами, улыбнулся и пошел прочь, прихватив куртку.

Откуда-то вывернулась Динка:

– Ну что, ты знаешь его что ли?

– Раньше один раз встречала... Как будто знаю, из прошлой жизни... – растерянно улыбнулась Света.

– В телевизоре ты его встречала, – ехидно уточнила Дина. – Забыла что ли? У Славы, когда смотрели. Я тоже не сразу вспомнила. Лицо такое, – она пренебрежительно сморщилась, – обыкновенное. Не запомнишь с одного раза.

Света смотрела на Нее, на криво улыбавшегося Семена и не понимала, откуда они вообще здесь взялись. За спиной у нее за сегодняшний день выросли крылья, и не было ничего, чего бы она сейчас не смогла. Могла разбежаться и взлететь. Запросто. Только что-то мешало.

– Тебя ведь попросили на месте постоять, – укорила она, вдруг сообразив, что, например, Динка ей мешает.

И Семен с его кривой улыбкой тоже мешает. Лучше бы их не было. Забрал бы он ее что ли. В конце концов, Динку же ищут бандиты, а не ее. И родители тоже ищут Динку, а на нее всем наплевать. Поэтому она может распоряжаться собой, как захочет.

– Сема, – Света потянула его за рукав в сторону и зашептала: – Слушай, возьми к себе Динку. Ненадолго. Буквально на пару дней. Я говорила с матерью: ее скоро заберут, уже чуть-чуть осталось.

– Я что, нянька?

– Ну просто выручи меня. Я не забуду.

– Да? А ты куда намылилась? – Семен скривился. – Ты обо мне уже забыла. У меня глаза есть, не слепой, – Семен засунул руки в карманы и отвернулся, собираясь уходить. – У него, – он мотнул головой в сторону наездников, – таких, как ты, пять штук на каждом углу. Б ля буду...

– Света, – к ней подошла Дина, которой, невзирая на предосторожности, удалось подслушать их разговор, – ты что, хочешь меня бросить? Из-за этого? – она мотнула головой в ту сторону, куда удалился матадор.

– С чего ты взяла? – растерялась сестра, которую вопрос застиг врасплох. Она и себе не смогла бы объяснить, что ее толкнуло просить Семена взять на время Дину. Что-то изменилось. Произошло нечто, из-за чего ей захотелось освободиться от всех разом: от Дины, от Семена с его пристаиваниями – и начать жить заново, с чистого листа. Они, и вправду, мешали ей мечтать. Ей хотелось остаться одной и думать о том, о ком ей хотелось думать. Больше ничего.

Света поглядела в темные растревоженные Динкины глаза.

– Тебе меня папа поручил, а ты хочешь бросить? Отдать Семену? Ладно, я могу и одна к нему вернуться, – в голосе у Динки уже звучали слезы.

– Не реви. Я тебя не брошу, и не потому, что Алик поручил. Просто нашло. Прости.

Света посмотрела в спину Семена, который медленно уходил прочь насвистывая. Семен, как всегда, ничего не понял. У нее на шее ребенок, им снова надо как-то устроиваться, и думать об этом приходилось ей, Свете. Она потрогала в кармане визитку стрелка из тира. Тонкий клочок картона придавал ей силы. В конце концов, неважно, как далеко находится тот, кто ее дал. Пусть даже в Москве, но важно, что он есть.

Все равно они выберутся из этой западни, и тогда Света обязательно его отыщет. Наймет в телохранители, и все пойдет по-человечески. Не время просить помощи, тем более у такого, как он. Слишком он хорош, так хорош и так далек, что, чтобы приблизиться, надо сделать тысячу шагов. Или как там: сносить семь пар башмаков. Но когда-нибудь она это осилит, а пока просто на-

до жить. Искать жилье.

Света огляделась и увидела мужичка, который ленился вести репортаж с дерева. Односельчане звали его Петькой.

– Эй-эй, – Света не знала, как обратиться. Мужик остановился. – Не знаете, тут кто-нибудь сдает жилье?

– Да хоть кто, – поведал мужик. – Хоть я. Дачники-то уже уехали, а ты чего?

– Надо, – решительно заявила Света. – Двое нас. С сестрой.

– Ах, с сестрой... – потянул он. – Тогда дороже выйдет.

– Сколько?

– Двести за двоих в неделю, – брякнул Петька и прижмурился, ожидая криков возмущения, но ничего не произошло.

– Хорошо, – быстро согласилась Света, и они двинулись за мужиком.

Дина удивилась, откуда у Светы деньги, а потом вспомнила, что она же выиграла в тире. Еще она вспомнила, что у Семена в коляске осталась цыганская скрипка и ящик для колы. Пришлось догонять Семена и забирать свое хозяйство. Вдруг цыгане потребуют?

Дом Петра показался им красивым и хорошо прибранным, хотя ничего особенного там не было. Деревянные лавки возле стола, фикус, герани и белый тюль на окне. Но все-таки не так, как у Семена. Хозяйка, Татьяна Гавриловна, встретила приветливо и накормила щами, только попросила показать деньги. Света молча отдала обрадованной женщине двести рублей. Отдавать деньги не хотелось. Не оттого, что было жалко, а оттого, что деньги были стрелка из тира. Он держал их в руках, бумага хранила его тепло.

Им выделили отдельную комнату с двумя койками, кружевными занавесками и цветами на узеньком подоконнике. В углу стояло слегка запылившееся трюмо, и Дина сразу принялась разглядывать себя в зеркале. Вид был довольно ужасный: колготки вытянулись на коленях, туфли потрескались. Она вытащила из кармана плаща помаду, накрасила губы и пошла укладываться спать. Так хоть немного получше. Перед сном она уговорила Свету завтра купить на станции новые колготки, пусть не красные, любые, но все-таки новые лучше, чем эти, штопаные, с пузырями на коленях.

Утро выдалось ненастное. Позавтракав овсянкой с маслом, Дина от нечего делать принялась терзать скрипку. Хозяин скривился, как от зубной боли, и убежал, Татьяна Гавриловна вздыхала, но крепилась, хотя по всему видно было, что хватит ее ненадолго.

В окно вдруг постучали, потом в дверях возникла бледная рыжая девушка в очках и с шустрыми ручками. Она ими что-то невидимое теребила.

– Здравсьте, я Юля, тренер. Кто это у вас так чудненько играет?

– А дачники, – приветливо улыбнулась хозяйка.

– Девочка, пойдем со мной, в гости сходим. Тут близко.

Дина оглянулась на Свету и спросила:

– А можно с сестрой?

Получив утвердительный ответ, они вышли из дому с Юлей, прихватив скрипку. Хозяйка проводила их с облегчением. Дина шла и страдала, что колготки рваные, скрипка взрослая, а губы она не накрасила. Хорошее впечатление не произведешь. Но, наверное, все равно надо идти. Оля Яницкая, напри-

мер, бегом бы побежала в любые гости, да ее не звали.

Рыжая Юля постучала в двери, втроем они зашли в огромный дом, где за столом спокойно пил чай вчерашний матадор. Сидел, в наброшенной на плечи куртке, по-детски грыз ногти. Рядом стоял остывший чай в подстаканнике.

– Филипп, – сказала Юля, – я гостей привела. Смотри, какой ребенок. Сама прелесть, а играет – кошмар.

– Привет, – смело ответила Дина. Подумаешь, знаменитость, в телевизоре один раз показали. Чего с ним так уж церемониться? Пусть Светка, если она в него влюбилась.

– Сыграй что-нибудь, – попросил он и отодвинул стакан подальше, точно тот мог помешать ему слушать.

– Не могу на этой скрипке, – посетовала Дина. – Она взрослая, а я только на трехчетвертной могу.

– Неважно, – ответил он. – Сыграй, как получится.

– Дрянь получится, – убежденно заявила Дина, а он снова улыбнулся. Улыбка ему шла.

Свете опять припомнился стрелок на станции Куровской. Когда на него смотришь, хочется, чтобы он улыбался всегда. Пока не улыбался, он выглядел почти как все. Но все равно был другим. Чем-то неуловимо отличался. Спокойствием, что ли. Спокойной уверенностью.

Дина открыла футляр, вытащила скрипку, пристроила ее у подбородка и заиграла. У слушавшего в глазах появился смех, смех все разрастался, но человек ничего обидного не сказал и не засмеялся. Терпел. А терпеть он мог, видимо, бесконечно, хотя Юля, не стесняясь, заткнула пальцами уши. Дина, вздохнув, прервала игру сама.

– Круто, – оценил хозяин. – А петь умеешь?

Дина оглянулась на сестру, Филипп тоже посмотрел в тот угол, где незаметно стояла Света, и немного удивился:

– Это снова ты? – он помолчал, в глазах что-то появилась. Мелькнуло какое-то мечтательное выражение и скрылось. – Часто встречаемся.

Света хотела ответить, но только кивнула. Он собрался было усмехнуться, но передумал. Опять, как в тот раз, на площади возле тира, эти взгляды, когда слова значат меньше, чем обычно. Словно за ними что-то стоит, о чем нельзя говорить. Что-то серьезное, значительное, важное. Когда люди так перегадываются, они оба что-то знают, но и не договаривают. Игра, что ли, такая?

– Так что? – он адресовался уже к Дине. – Споем?

Та кивнула, а Свету рыжая Юля потащила в другой дом знакомиться с массажисткой. Зачем, Света не понимала, но терпеливо сопровождала Юлю, бредя вслед на ослабевших ногах. Странно, куда бы она сегодня ни шла, душа ее пребывала на месте. На том самом, где оставался стрелок из тира. На пыльной привокзальной площади станции Куровская. Да что же это с ней такое, удивлялась Света. Что случилось? Ну улыбнулся он ей, попросил пива. Почему теперь везде он? Так не договаривались. Это из-за него ей хочется всех бросить. Из-за него хочется стать свободной и зажить по-другому.

Юля бегала туда-сюда, как заведенная. У массажистки выяснилось, что лошадь Грацию нужно срочно отправлять в город, и Юля поехала на станцию, выяснять насчет вагона для транспортировки. В одиночку делать дела она то

ли не хотела, то ли не умела и поэтому забрала с собой Динку. Дина, воспользовавшись тем, что Света впала в задумчивость и внимания на нее не обращает, решила покататься.

Когда Юлины переговоры закончились, и они засобирались назад, в Брусяны, кто-то больно схватил Дину за плечо. Она испугалась – это был черный Юра.

– Куда смотрелись? – спросил он. – Я вас уже сутки ищу.

Дина вывернулась из-под его руки.

– А что такое? – спросила она как можно строже. – Мы ни о чем таком не договаривались.

– А работать? Старух объедали в два горла, а потом на лыжи встали и куку?

– Мы работали! – возмутилась она. – Ни дня не пропустили! – И даже топнула ногой от такой несправедливости.

Тут подошла Юля и стала подталкивать Дину к машине.

– Гражданочка, – Юра мгновенно изменил голос, лицо тоже стало придурковатым: – Где у вас тренировки-то?

– Тут, в Брусянах, – бросила общительная Юля.

Вот зачем сказала, сетовала на нее Дина. Хотя этот Юра и так бы выследил, если надо. Только чего он хочет? Воровку из нее делать, так фиг ему! Будет приставать – узнает, кто мой папа! Алик ему задаст. Покажет кузькину мать, как говорит бабушка.

– Знаешь, Света, по кому я скучаю? – сообщила Дина, вернувшись в Брусяны. Они сидели в комнате, каждая на своей чистой кровати, Дина смотрела на себя в зеркало: – По козе Маруське.

– А я думала, по папе и маме, – усмехнулась Света. – А козу можем и навещать, дело нехитрое.

– Вряд ли, – усомнилась Дина, – на станции был черный Юра, требовал с меня деньги. Что мы его старух объели и сбежали, не отработав. Теперь он знает, где мы. Вот кто нас бандитам продаст за копейку! И Семен не спасет! – торжественно заключила Дина. – Свет, – она продолжала совсем другим тоном, – что я последнее время думаю. Вот кому труднее жить, взрослым или детям?

– Детям, – сразу ответила Света. Но немного подумав, поправилась: – Нет, взрослым.

– Почему?

– Отвечать приходится за всех.

– Конечно, – согласилась Дина, – хочется быть старше. Но иногда не хочется.

– Иногда очень не хочется, – подтвердила Света.

– Это из-за меня? – заподозрила Дина.

– Нет.

– А из-за чего?

– У взрослых нет своей жизни.

– А у нас разве она есть?

– Тоже нет. Но по-другому. Мы зависим от старших, это неприятно. Но старшие отвечают за младших. Это трудно.

– Тебе со мной трудно?

– А думаешь, легко?

– Света, но ведь мне с тобой тоже тяжело, как же ты не понимаешь? Характер у тебя не сахар. Это мама говорила.

– Не нравится, иди к Семену, – огрызнулась Света. – Пусть он тогда и отвечает за тебя.

– Но ты ж моя сестра? Он-то никто, ему просто меня поручили и деньги дают.

– Не знаю я, ничего я не знаю! Ничего. Ничего!

Света вдруг взялась за голову и принялась раскачиваться на кровати взад и вперед, твердя одно и то же: «Ничего не знаю, ничего, ничего...», а Дина поднялась и погладила ее по голове, утешая.

В окно постучали, появилась рыжая Юлина голова. Она прокричала, что ждет их к себе на чай с шоколадками, и девочки, одевшись, отправились в гости.

5

Вокруг стола уже сидели девушки из конной группы, накладывали себе варенье в розетки и курили, болтая о том о сем. Над головами висел оранжевый абажур с шелковыми кистями по кругу, вокруг него плавал дым. В доме быстро стало жарко. Пили чай, обсуждали, у кого какая уздечка, потом посплетничали про косолапого Борю, ушастого Мишу и рыцаря без страха и упрека Филиппа, потом вместе собрались к Варе, у которой дом был с освещенной террасой и имелся в наличии магнитофон. Договаривались, что там можно будет потанцевать.

Девушки вскакивали, то и дело выглядывали в окно посмотреть, не идет ли тренер Боря и Миша. Но никто не шел, они в конце концов обиделись и договорились, что когда те появятся, устроить бойкот. Наконец явился Миша, но сильно запоздал, и с ним никто не разговаривал. Дина догадалась, что когда делают вид, что человека вообще тут нет, точно он невидимка, это и есть бойкот. Миша ерошил длинные волосы и беспокойно заглядывал в лицо одной из девушек:

– Люда, Люда, – просил он, а она изображала бойкот. Остальных бойкотов этот Миша не замечал, а из-за Людиного очень распереживался и волосы свои тербил все сильнее, точно собирался выдрать. Но никто, кроме Дины, его не видел, все беседовали как ни в чем не бывало.

– Я люблю «Ахмад» с бергамотом, – сказала Люда.

– Убью я этого Ахмада! – заявил Миша. – И Бергамота впридачу убью!

Люда прыснула, остальные тоже засмеялись, и бойкот закончился. Заявилась хозяйка и сообщила, что у Вари всю уже пляшут. Девушки засобирались, и вся стайка выпорхнула из дома. Обнаружился Варин дом по звукам музыки и громким восклицаньям. Гулянка шла прямо на веранде, слышно было за версту.

Настроение улучшилось, захотелось тоже кричать, плясать и веселиться. До дома оставалось несколько метров, как вдруг впереди, прямо в саду, откуда слышались музыка и радостный гомон, раздался оглушительный грохот, вспыхнул огонь, на разные голоса страшно закричали люди. Из сада вылетела доска и шлепнулась на дорогу. Раздался треск падающего дерева.

«А-а-а!» – завыл женский голос.

– Взорвали, взорвали! – надрывался мужской голос.

Люди в страхе отбегали от дома, потом, поняв, что опасность миновала, останавливались и возбужденно обсуждали.

Наконец появился Боря с черным от сажи лицом и проворчал:

– Хулиганы гребаные! Испортили праздник! – в руке у него были осколки бутылки. Он поднес их к носу, понюхал: – Зажигательная смесь, что же еще! Деревья в щепки разнесло. Хорошо еще, никто не пострадал!

Все сбились в небольшую испуганную, враз протрезвевшую кучку, курили, обсуждали ситуацию. Собрались ехать за милицией, составлять акт. Водитель пытался вывести из гаража автобус, но внезапно выяснилось, что нет бензина. То ли сперли, то ли слили, но факт тот, что ехать было не на чем.

Так и разошлись по домам, отложив на утро все разбирательства.

Юля зазвала девочек к себе. Снова пили чай с малиной, закусывая бублика-

ми, а Юля брякала ложечкой в стакане и сетовала, что деревенский народ городских презирает и всех их считает бездельниками. Отсюда и враждебность, и слава Богу, что все еще хорошо обошлось.

Юля вышла на двор мыть в тазу посуду и что-то там напевала.

– Что ты такая? – спросила Дина Свету. – Насупленная? Что, взрыв тоже из-за нас что ли?

– А скажешь, нет?

– Бандиты, что ли? А вдруг, – Дина сделала страшные глаза, – это черный Юра мстит за то, что сбежали?

– Да не знаю я. Только куда ни приедешь, тут же начинается...

Дина забеспокоилась, как бы Света опять не принялась раскачиваться и подвывать: «Не знаю я, ничего я не знаю». Но Света лишь отмахнулась, а чтобы Дина не относилась ко всему, как к игре, все-таки напомнила: дом у соседа Климкиных сожгли раз, Зину высекли два, Колюню повесили, Мариванну с Нонной избили. Теперь этот взрыв. Что, мало?

Дина вытаращила глаза. Ей и в голову не приходило все это друг с другом сопоставить. Все оказалось куда ужасней, чем она себе представляла. Везде после них оставались следы разрушений. А они просто селились в автобус или поезд и ехали дальше. Им было уже не до Мариванны с Нонной. Но на новом месте все начиналось сначала.

– И что, думаешь, во всем мы, что ли, виноваты?

– Алик твой.

– Я знаю, что мой папа бандит, знаю! – зло крикнула Дина. – Но он все равно лучше всех! А ты... У тебя никакого отца нет, потому ты злишься...

Света опустила мгновенно повлажневшие глаза.

Вернулась Юля, бренча посудой, расставила на полке, села за стол с чистой клеенкой и сказала: «Ну, чего носы повесили? Рассказывайте чего-нибудь».

Дина тут же согласилась. И рассказала историю про девочку:

«У одной девочки папа был миллионером. Ее задумали украсть бандиты, чтобы получить за нее миллион. Но папа догадался и спрятал ребенка в пустой квартире. Это оказалась квартира мертвеца, там в аквариуме плавали сгнившие мертвые рыбы, а на окне рос заколдованный кактус. Ночью, когда девочка была одна, бандиты прокрались в эту квартиру, но она, услышав шаги, успела перелезть на соседний балкон и убежала. Села на поезд, приехала к родственникам и попросилась к ним, но те ее прогнали, сказав, что они боятся за своих детей. Тогда девочка отыскала неподалеку пустой дом и забралась туда переночевать. А на следующий день она отлучилась, а когда вернулась, дом был объят пожаром. Девочка бросилась бежать, поняв, что бандиты ее выследили и будут преследовать. Вскоре ее приютил один очень хороший художник. Он брал ее с собой в лес и учил рисовать природу. Но однажды, рисуя в лесу, они увидели, как на холм, где стоял его дом, взобрался черный-черный, квадратный, как гроб, автомобиль и стал их поджидать. Тогда художник велел девочке ехать на автобусе в милицию, а сам пошел выручать свою мать, оставшуюся в доме, которую бандиты связали, избили и собрались пытаться. Мать спасти удалось, но девочка тем временем заблудилась в лесу и пришла на кладбище. На кладбище жила женщина, которая разговаривала с мертвецами, считая их живыми. А на живых она смотрела, как на временное, и всем им уже распределила на кладбище места. Девочке она тоже хотела выбрать

место, но та уговорила хозяйку кладбища, что это еще нескоро и чтобы та за нее не беспокоилась. С кладбища она ушла, и тогда ее приютили две старухи, мать и дочь, у которых была говорящая коза. Девочка хотела взять эту дрессированную козу и выступить с нею в цирке, чтобы зарабатывать деньги, но тут явился их племянник, черный человек, и заставил девочку воровать. И она стала настоящей воровкой...»

Дина остановилась.

– А дальше? – попросила Юля.

– Дальше ничего не было...

– Вот же Бог поцеловал в макушку, – восхитилась Юля. – Какая фантазия! Обязательно продолжение сочини!

Дина окаменела от изумления.

– Но это все правда! – возмутилась она и тут же получила под столом пинок. Она изловчилась и тоже лягнула Свету по ноге, что означало, что она этого терпеть не намерена.

– И говорящая коза – правда? – улыбнулась Юля, подмигнув Свете.

– Честное слово! Можно завтра съездить в Фоминки и проверить.

– Ловлю на слове! – заверила Юля, обожавшая всякие развлечения и поездки.

По пути домой девочки поссорились. Света ругала Дину за то, что она все выболтала, а Дина не понимала, почему они должны молчать. Юля же не продаст их бандитам. Она нормальная. Не черный человек. И вообще, уже надоели эти секреты. Они не шпионы-разведчики, а попали в беду.

– Слухи пойдут, разыщут и зажарят, как баранов, – заключила Света.

Дина замолчала. Конечно, в такие ужасы не верилось, но кто знает? Может, правда, лучше не рисковать и говорить поменьше. Но Юля уже поймала Дину на слове. Днем, пока шли тренировки, она только весело ей помахивала, а к вечеру появилась на пороге и с ходу заявила: «Поехали! Козу твою посмотрим».

Они приехали в Фоминки. На машине, которую Юля сама водила, оказалось недалеко. Ехали не больше часа. Постучали к Ангелине, там горел свет. Ангелина вышла, Дине не обрадовалась. Видимо, обиделась. Но Маруську показать согласилась.

Маруська Дину узнала сразу и с ходу принялась жаловаться на сестер. Заперли, в дом опять не берут. Жаловалась-жаловалась, а в конце вдруг ясно произнесла: «Мама!» Юля чуть в обморок не упала. Коза и впрямь оказалась говорящей. Не на сто процентов понятной, но разобрать можно было.

Ангелина пригласила их в дом. Они вошли, и на пороге Дина обомлела. За столом спиной к ней сидел Юра и разговаривал с какой-то женщиной. Дина очень надеялась, что его тут нет. Она спряталась за Юлину спину, но он ее, конечно, увидел и оскалил желтые зубы. Подвинул стулья, пригласил садиться. Одет он был в футболку, и голова по сравнению с плечами казалась крошечной, а руки длинными. Больше всего он походил на картинку в энциклопедии, изображавшую обезьяну гамадрила. И этот нос шевелящийся. Какой противный!

Женщина, напротив, выглядела взрослой девочкой в коротком малиновом платье. Только глаза были чересчур черные, а волосы на голове стояли торч-

ком. Она сразу принялась разглядывать Дину, а Юра ей сообщил с каким-то намеком: «На ловца и зверь бежит».

– А Света где? – спросил он у Дины.

– Влюбилась и кое-кого охмуряет, – ответила та, и, чтобы он не думал, что они беспомощные, слабые и можно их заставлять делать что вздумается, добавила: – А про вас милиция спрашивала.

– Тебя? – взвился он.

– Нет. Другого человека. Не хочу говорить, кого.

Женщина красноречиво переглянулась с Юрой и попросила проводить ее до станции. Уже темнело.

– А хочешь, – она вдруг оглянулась на Дину, – я тебя домой отвезу? Я знакомая Алика. Все равно в город еду.

У Дины внутри все замерло от счастья. Вдруг раз, как в сказке, и оказаться дома, с мамой, куклой Анжеликой Варум, тигром Сашей, Олей Яницкой, бабушкой, соседом Илюшей.

– А Света? – растерянно спросила она.

– Можем и Свету взять, – согласилась женщина. – Если хочешь...

Юра переводил взгляды с женщины на Дину. Дина думала. Нет, что-то не так. Вот если бы она не была знакомой Юры, это другое дело. Может быть... Может быть, он и ее обманывает. Дина захочет поехать с нею, а он... Нет, без Светы никак. Хочется, но нельзя.

Она отрицательно покачала головой. Теперь-то уж, раз папина знакомая здесь, он точно узнает, где они. Юля нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и что-то крутила своими шустрыми ручками. Дина уже знала – это значит, Юля о чем-то задумалась.

Как только сели в машину, Юля рванула с места. А как только рванула, высказалась:

– Ну и рожи! Разбойничий притон какой-то. И еще предлагает свои услуги! А ты еще стояла, думала! Неужели б я тебя с такой профурой отпустила? Дурой надо быть, чтобы с ней куда-то ехать. На роже все написано, – негодовала Юля. – Педофилов обслуживает, наверно. А мужик у нее! Ну и харя! Ты что, с ними жила?

– Да, – гордо ответила Дина. – Это и есть черный человек.

– Который заставлял девочку воровать? Е-мое! – восклицала Юля и гнала по ухабам все быстрее. – Прямо под боком такое творится! Не может все быть правдой. Просто не может!

Юля, побывав у Ангелины и поглядев на обитателей дома, никак не могла успокоиться. Живут же такие уроды! С такими рожами – и на свободе! А женщина, разве такие вообще бывают? Некуда пробы ставить. Бомжи и то пристойней выглядят. А это какое-то отребье человеческое.

Остаток пути Юля потратила на то, чтобы отделить зерна от плевел: выяснить, что в Дининой страшилке было придумано, а что правда. Но Дина отвечала неохотно. Что все правда, ничего не придумано, а наоборот, многое даже пропущено. А когда Юля принялась выяснять, кто их родители и почему они живут в Бруснях, когда все дети давно пошли в школу, Дина притихла. Пусть у Светы спрашивает. Та лучше расскажет. Дина, конечно, знает, но ведь неприятно, когда тебе не верят, объяснила она свою скрытность.

Кроме того, она не со всем была согласна. Например, насчет женщины в

малиновом платье. Очень даже миленькая и папу знает.

– А кто такая профура? – задала она вопрос.

– Проблядь! – ругнулась Юля.

– Юля, – Дина сделала укоризненное лицо, – как ты выражаешься при детях?

– Извини, напугалась. Прямо разбойничье гнездо. И старухи эти, ведьмы. Только коза милая. Коза просто отличная. Филиппу бы понравилась.

Дине заявление было не по вкусу. Что это они все о Филиппе и о Филиппе? Ну, конечно, он знаменитость и на лошади сидит ловко. Дина ревновала к нему Свету. Светка совсем с ума сошла, ни на кого внимания не обращает. Может, правда, влюбилась? Что она все бродит и молчит. Молчит и молчит. И домой уже, кажется, расхотела. Господи, что за беда с такой сестрой... Любила бы Семена, и все бы уладилось. А еще взрослая, называется. Таким еще детей доверяют!

6

Света, оставшись одна, осуществила свою мечту. Вышла на улицу и гуляла в полном одиночестве. Думала, как же все-таки случилось, что из головы у нее не выходит стрелок. Она прошла до конца пыльной деревенской улицы, где в окнах одна за одной зажигались лампы. То настольные, то под абажурами, то в стеклянных колпаках с цветочками, то яркие, то тусклые. Везде началась вечерняя жизнь, с ужинами, разговорами, отдыхом. Света остановилась под окном матадора.

Он ее не видел, сидел за столом под зеленой лампой, грыз ногти и что-то записывал в тетрадь. Лицо его, и так невеселое, к вечеру стало еще грустней, точно на него набегали вечерние тени, оседали заботы или печальные мысли. Было бы средство от дурного настроения, размечталась Света, которое можно было принять, как лекарство, и снова стать улыбчивым и ясным, как утром.

Хорошо бы было еще средство от скуки. Не от той, которой скучаешь, когда тебе нечего делать, а когда скучаешь по человеку и без него жизнь кажется тусклой, запыленной и лишенной цвета. Серой. Вот за столом сидит обычный человек, а в нем скрывается непостижимый и недоступный мир. И как туда проникнуть, как понять, о чем он думает, как стать в нем своей? Чтобы не томиться на улице под окнами, а говорить, слушать, понимать. Сил у нее было много, и все хотелось отдать ему.

Но не этому, что печально сидел над тетрадью, совсем другому, который или еще в пути, или уже доехал до Москвы и тоже, может быть, сидит с кем-нибудь за столом. Света была уверена, что стрелок со станции Куровская распорядился бы ее даром, как надо. Если бы она ему хоть чем-то могла пригодиться! Пива бы попросил еще раз купить, что ли.

– Ну, попроси же, попроси, – заговаривала она пространство. – Я все сделаю.

Человек в окне поднял голову и взглянул на улицу. От неожиданности Света метнулась в сторону, но взгляд ее достал. Филипп запахнул куртку, вышел на двор, потянулся и окликнул Свету:

– Пойдем прогуляемся!

– Пойдемте.

Света передернула плечами. Одиночество ее было нарушено, но она ничего не имела против. Можно с ума сойти, если все время думать об одном. Они направились прямо по улице, начинало смеркаться, но солнце еще не зашло. Двигались прямо на пламеневший закат. В фиолетовой вате тонуло и гасло алое светило. Говорить не хотелось, казалось, что слова все испортят. Облака ежеминутно меняли форму и цвет, их несло ветром, и казалось, на небе происходила неслышная, зато видимая борьба, вечная схватка тьмы со светом.

Они встали на холме и не могли оторвать глаз от этого необыкновенного и яркого кино. Наконец тьма победила, солнце зашло, и только отсветы мелькали, отражаясь то в одном, то в другом быстро бегущем облаке.

– У тебя парень есть? – помолчав, спросил он.

– Нет, а что?

– Да так просто. Ты же симпатичная девчонка, странно, что нет. Нос задиралась, наверное?

– Что-то меня часто об этом спрашивают...

Света вспомнила о Семене. Он тоже этим вопросом интересовался. Но Се-

мен-то понятно. Она все еще не могла прийти в себя от зрелища заката. Как будто ей показали самое главное, что нужно знать об этой жизни. И о Семене думать не хотелось. Вообще ни о чем. Все казалось слишком маленьким и глупым, чтоб об этом думать. Все человеческие желания.

– А что вы пишете? – спросила она. – Я видела в окно – вы писали.

– Разное. Вспоминал про Париж. Про праздность и безделье. Мы сидели с девушкой в маленьком кафе, заказали мясо, нам принесли блины с начинкой. Пока мы разбирались, официантка блины унесла и отдала паре за другим столиком, извинившись, что перепутала. Кафе было не больше комнаты в этом доме, и клиентов всего четверо. А она умудрилась перепутать. Это расслабленность, праздность. Когда много работы, вокруг лес, деревня, испытые лица, тогда приятно вспомнить Париж. Но жить бы я там не стал... Жить бы я стал все-таки в Москве.

– Разве плохо быть спортсменом?

– Хорошо, конечно. Но я люблю посидеть над тетрадями, книжками. Один. А спорт поглощает, съедает без остатка, не можешь быть собой и хочешь славы.

Он улыбнулся, а Света задумалась. Хочет сказать, что работа ему не слишком по душе? Почему ж тогда все отлично выходит? Нет, дело в другом. Все его любят, хотят быть ближе, а он, наверное, устал. В душе-то он все равно человек, а не выставочная модель. Ногти грызет, закатами любит...

Тут крылась какая-то загадка. Какая, Света понять не могла. Ей очень не хотелось походить на тех, кто смотрит ему в рот. Наверняка таких много. Например, что он подумал, когда увидел ее за окном? Что она чокнутая поклонница? Поклонница-то она может быть и поклонница, но только не его. Хотя он, похоже, славный. Никого из себя не воображает. Юля говорила, что у него травма позвоночника, а он все равно ездит, преодолевая боль.

Они незаметно миновали дом, где за столом под зеленой лампой осталась лежать его тетрадь и шли уже по мягкой поселковой дороге вдоль леса. «Дойдем до того столба, – загадала Света, – и я спрошу его, почему он меня позвал гулять».

Но сзади раздался треск мотоцикла, и они одновременно повернулись на звук. Их, хорошо разогнавшись, догонял Семен. Левой рукой он держал руль, а правой чем-то размахивал. В сумерках было не разобрать чем. Пронесшись мимо, он крикнул «Лови!» и ударил матадора по плечу. Света успела заметить в его руке что-то вроде книжки. Ее спутник вдруг напрягся и сделал движение догнать мотоцикл, но остановился.

– Спер тетрадь, гад! – ругнул он Семена.

Они повернули назад, в деревню, но треск за спиной повторился, из сумерек снова вынырнул Семен и помчался прямо на них. Света с наездником бросились в противоположные стороны, Семен вывернул руль и с треском направил мотоцикл прямо на Филиппа. Тот отскочил. Это начинало напоминать корриду. Один уворачивался, другой, развернувшись, кидался в погоню. Место было открытое, ровное, бежать было некуда. Бой мог продолжаться бесконечно. Когда Семен в очередной раз проносился мимо, Света уловила запах его дыхания. Он был в стельку пьян и отчаянно весел. Успевал размахивать тетрадь и издавал воинственные крики.

Филиппу надоело уворачиваться, и он прихватил на обочине толстый сук.

Когда Семен в очередной раз наехал, он с размаху врезал по мотоциклу. Фара разлетелась вдребезги, резко стало темно. Семен выругался, развернулся и снова нажал на газ. Наездник встал посреди дороги. Стало ясно, что бегать он больше не собирается. Семен, стиснув зубы, мчался на таран, Филипп, окаменев, не двигался с места. Света закрыла глаза от ужаса. Раздался звук удара, снова треск мотора. Семен несся по темной дороге, ее спутник лежал на земле, рядом с ним валялась тетрадь.

Света бросилась к лежавшему. Глаза его были закрыты, тело неподвижно. Метнувшись туда-сюда и поняв, что поблизости никого нет, она грохнулась на колени посреди дороги и заревела. Слезы текли ручьем, она схватила его за воротник и принялась трясти: «Ты не умер! Не умер!». Через минуту он открыл глаза, и Света испуганно отшатнулась. Он молчал, словно о чем-то думал, смотрел в небо, где уже засветились звезды, потом спросил:

– Так говоришь, нет у тебя парня? А это кто был?

– Семен.

Света вытерла слезы рукавом куртки. Он поднялся и попробовал шагнуть. Это удалось с трудом. Сильно хромая и опираясь на Светино плечо, он доковылял до дому. Мотоцикл ударил по надкостнице и проехал по ноге. «Ничего страшного, – сказал он. – Травмой меньше, травмой больше, уже ничего не решает».

В доме по-прежнему было пусто и горела зеленая лампа. Света расправила постель и усадила его. Сняла ботинки.

– Так и погибнуть можно ни за грош... – сказал он. – В деревне какой-нибудь. Где телевизор не смотрят. – И улыбнулся: – А ты говоришь «звезда»!

Света не говорила «звезда». Она слова не могла вымолвить, точно заклинило. Действительно, ведь пьяный Семен мог и убить. И в тюрьму сесть. Ему на все плевать. Хуже нет этих отчаянных, как Семен или Алик. Все беды из-за них. Из-за них погибают лучшие.

– Как же тебя зовут? – спросил он. – Скажи уж теперь, раз так получилось.

– Света.

– А меня Филипп.

– Думаете, я не знаю? – Света слегка покраснела.

– Может, ты телевизор не смотришь. А дружок у тебя лихой.

Света помогла ему освободиться от куртки, подложила под ногу подушку, как он просил, и потушила свет. Домой идти не хотелось. Хрупко же все. Все хрупко. И вдруг вернется пьяный Семен? Надо прислать кого-нибудь, чтобы присмотрели, а лучше бы он ей разрешил остаться самой.

– Что не уходишь? – спросил он. – Поставь мне воды на табурет и иди спать.

– Можно я тут останусь?

– Нельзя. Ты несовершеннолетняя. И вообще... та еще штучка.

Хотя лица в темноте было не различить, Света поняла, что он шутит. Налила воды, поставила, как он велел на табурет, и пошла в Петькин дом. Там поджидала не на шутку рассерженная Дина. Но на Свету упреки в исчезновении не подействовали. Она сидела безучастная и как будто вовсе не понимала, о чем с ней говорят. Погуляла, называется. Дине стало ее немного жалко. Сидит насупленная, волосы растрепались, думает о чем-то.

– Света, а Свет...

– Ну.

– Пожалуйста, не отвечай мне «ну». Ну – это ничего. О чем ты сейчас думаешь?

Ответом ей было молчание.

– Горюешь об этом джокере?

– Каком еще джокере? Ты у черного Юры таким словам выучилась? Хотела сказать жокее? Так он на самом деле тренер.

– Ну и что? – возразила Дина. – Пусть хоть кто, мне все равно. Ты же его лучше. Во-первых, красивей, а во-вторых, моложе. Подумаешь, на лошадях он скачет и по телевизору один раз показали...

– Спасибо, конечно. Только ты пальцем в небо попала. Заметила, какие у него грустные глаза?

– Ну и что такого? Что в этом хорошего, спрашивается...

– Ничего, – Света опустила голову и замолчала.

Дина думала, что же это за любовь такая, просто тоска зеленая. Невыносимо даже смотреть. Вместо того чтобы радоваться, Светка хмурится. Джокера нашла себе тоже невеселого. Зачем, спрашивается, нужна такая любовь? Вот ей, допустим, нравится Илюша, так с ним весело, он все время новое придумывает. Через гаражи прыгать или костер палить. Или пластиковые бутылки топтать. Дина задумалась о том, что сейчас делает Илюша, с кем дружит. Ничего, даже если он пока с Олей Яницкой, когда она вернется, все будет по-прежнему.

Света пришла к его дому, как только встала. Да и спала ли она вообще? За окном суетились Юля и женщина-фельдшер в халате. Они делали компрессы, заставив весь стол баночками, коробками и пузырьками. Посреди этого натюрморта красовалась запыленная, побывавшая в бою тетрадь с воспоминаниями о Париже. Постояв на улице, Света зашла внутрь. Лицо у него было бледней обычного, широкие брови почти сошлись возле переносицы.

– Ночью болела нога, – сказала Юля.

Сделав обезболивающий укол и поставив компресс, все разошлись. Света осталась, тихо села в угол и смотрела. Филипп незаметно уснул.

Она слышала его ровное дыханье, глядела в окно, где на площадке шла обычная тренировка. Без него работали недолго, видимо, не справлялись. Иногда Юля прибежала, бесшумно пробиравась к постели, смотрела, поправляла компресс, исчезала. Света просидела без воды и питья полдня, спина одеревенела, но уйти казалось невозможным. Вот уйдет она и что будет делать? Куда отправится? Чем займется?

В полдень он проснулся, открыл глаза и спросил:

– Не устала здесь сидеть?

– Нет.

– А что ты вообще тут делаешь? Я имею в виду в Бруснях. Почему не в школе?

– Правду? – исподлобья взглянула Света.

– Только.

Света, немного подумав, ответила честно. Что все произошло по вине Дининого отца. Из-за него им приходится скрываться, что родня от них отказалась, а мама просила ждать, пока их разыщут, и не пытаться самим вернуться

домой. Вся страшная и запутанная жизнь последних дней промелькнула перед глазами, как в ускоренном кино.

Праздник в доме Алика, где мама танцевала с ним «Как упоительны в России вечера...», «дом мертвеца» с синими шторами, где она стучала зубами на балконе, прижимая к себе Динку, чердак архитектора с пятью пустыми диванами и вор Максим, которого Слава пинал ногами, электричка, не пустивший в свой дом Валерка, сторевшая дача рыбака Мелентьева, спасительница Зина и дом бабы Паши, халупа Семена, дом Арсения и нынешний, уже седьмой по счету, после цыганского, приют.

Когда она рассказывала, Свете не казалось все это как прежде сплошным испытанием. Все выглядело трудностями, которые можно было перетерпеть. А как вынести чары стрелка? Что делать с желанием бросить все и отправиться его искать? Что делать, куда бежать и спастись? Но никто за ней и не гонится. А лучше бы гнался.

Филипп выслушал все до конца:

– Мужественные вы девочки. Другая бы на твоём месте уже была в истерике. А ты ходишь и помалкиваешь. Я ещё думал, что она такая задумчивая... Влюбилась, наверное. Парень этот твой ничего. Лихой.

Света неожиданно вспыхнула:

– Об этом я не хочу...

Вдобавок никто ничего не понимает. Семен думает, что ей нравится тренер, тренер – что Семен. Как оба далеки от правды! Как не похоже то, что видно снаружи, на то, что внутри тебя. И хорошо, что не похоже, иначе бы любой мог узнать о ней все.

– Ладно, не смущайся. Я подумаю, как вам помочь, – произнес Филипп.

– Спасибо. Вы очень... Спасибо вам.

Света поняла, что когда настойчиво искала его в толпе, она не ошиблась. Конечно, ей нужна была помощь, и инстинктивно она чувствовала, кто может помочь, а кто нет. Приключения не прошли для нее бесследно. Она научилась чувствовать людей. Например, черного Юру она невзлюбила с первого взгляда. Семен тоже не вызывал доверия. Зато ей сразу понравилась Зина, и именно она дважды их выручила.

Света, как зверь, должна была прятаться и искать укрытие, и, как у зверя, у нее развилось чутье на опасность. Ещё она научилась отыскивать помощников, тех, кто реально мог им помочь. Может быть, поэтому они все ещё не попались бандитам. Хороших людей не меньше, чем дурных, но их надо уметь находить. Филипп, с его спокойствием и силой, показался ей именно таким, нужным и важным человеком, очень хорошим, хотя это последнее вовсе не бросалось в глаза. Другое дело, что он относился к ней как-то иначе, не так, как она к нему. Он на нее смотрел, и взгляды эти что-то подразумевали.

– А ты знаешь, на кого ты похожа? На польскую актрису Анну Романтовски, – сказал он, словно отвечая на незаданный вопрос. – Ты ее, наверное, не видела. Это старое кино.

Тут в дверь заглянула Дина, скроила сердитую рожицу, покрутила у виска и скрылась. Света встала и, не попрощавшись, вышла.

Из окна она видела, как Дина «помогала» Юле в ее многочисленных делах, путалась под ногами и давала советы, но Юля не злилась, обращалась с Диной уважительно и вполне заменила ей сестру. После обеда Юле удалось погово-

рить со Светой. Они сели за стол, уставленный медикаментами, и Юля спросила Свету об их обстоятельствах. Почему, черт возьми, они не учатся в школе, как все, а живут в деревне?

– Я расскажу Филиппу, ладно? А то он о тебе постоянно спрашивает.

– Что спрашивает?

– Все. Откуда тут взялись, что делаете, а я ничего не знаю. Теперь расскажу. Можно?

Света пожала плечами. Ведь она уже все ему рассказала.

Наташа уже смирилась с ролью злой мачехи, не пустившей детей домой. Алик очертил ей круг задач, которые предстояло решить. К возвращению девочек все должно быть готово: квартира продана, паспорта и визы получены, вещи собраны. Все могло решиться в любой день, и многое зависело от того, как они подготовят отъезд. Все делалось обстоятельно и последовательно.

Наташа замерла, как гусеница в коконе, ожидая, когда можно будет упорхнуть, развернув узорчатые крылья. Для этого нужно было скрывать каждый шаг. Она научилась ходить оглядываясь, замечать тех, кто хотел остаться незамеченным, прятать от чужих глаз горе и напряжение. Она словно окаменела.

Только Светины телефонные звонки заставляли ее громко рыдать по ночам. Особенно последний, когда пришлось сказать, что детям нельзя возвращаться домой. Ей казалось, что эти слова произнесла не она, а какая-то другая, холодная и волевая женщина. Без души, без сердца. Наутро, проревевшись, она знала, что поступила правильно. И если девочки две недели сумели продержаться без их помощи, значит, продержатся еще несколько дней. Зато потом все будут в безопасности. Игра стоила свеч. Все закончится, все скоро закончится, уговаривала она себя. Осталось совсем немного, Алик придумал, как им выбраться. Он знает, что делает.

От мужа она получала инструкции. Сам он пропал, по телефону ничего важного не говорил. Иногда Миша или Толик приносили записки. Иногда передавали на словах. Толик рассказал, что видел девочек на станции. Наташе на минуту стало грустно, что Динкина жизнь течет без нее, с чужими людьми. В то же время она гордилась, что дети оказались не беспомощными. Еще Толик добавил, что уследить за ними трудно, меняют дислокацию, но можно, потому что далеко не отъезжают, держатся вблизи Куровской. Если пропадают, то снова отыскиваются. Так что Наташа почти успокоилась. Человек устроен так, что ко всему может привыкнуть. В том числе и к тревоге. Постепенно она утихает, тускнеет, как бронза, и тебя уже ничем не проймешь. То, что убивало вчера, сегодня даже не ранит.

Единственное, что ее беспокоило, так это преследование со стороны Алки. Она не знала, что это Алла, не знала, что она вдова Димы Чуфарова. Она и самого Диму никогда не видела, знала лишь по рассказам. Она только заметила, что слишком часто встречается эту миниатюрную особу, старавшуюся всякий раз одеться по-другому и не столько из кокетливости, сколько из желания остаться незамеченной. При ее крошечном росте это было трудно. Маленький рост так же заметен, как высокий, поэтому все Алкины ухищрения с париками и нарядами не дали заметных результатов. Может, кого-нибудь они могли обмануть, но только не женщину. Наташа мгновенно запомнила ее походку, форму ног, манеру курить. Ей казалось, что эта особа следит за ней, собирая информацию, и это тревожило. Ее опасения рассеялись за час. Но зато на их месте вырос настоящий страх.

Она встретила Алку в собственном подъезде. Вышла вынести пакеты в мусоропровод и столкнулась с ней нос к носу. Та стояла и нервно курила. Наташа впервые разглядела ее вблизи. Хорошо вычерченный нос и скулы высоко

подняты, лицо красивое, но жесткое, а глаза, чересчур черные, выдавали южную кровь. Выражение их мгновенно менялось: взгляд то вспыхивал, то становился мертвым, как пепелище.

Алка сделала шаг ей навстречу и произнесла: «Надо бы поговорить».

– О чем? – Наташа инстинктивно шагнула назад.

– Я Алла. Вдова Чуфарова. Можно зайти?

Наташа, чувствуя, что совершает ошибку, приоткрыла дверь, пропуская гостью в квартиру. От той веяло опасностью, но желание узнать, зачем здесь Димина вдова, пересиливало. Наташа в последнее время опасалась всего. Например, узнать что-нибудь о муже, чего она не знала. Но этот страх почему-то толкал не назад, а вперед. Чтобы перестать бояться, нужно было знать, чего боишься. Увидеть свой страх в лицо.

Алка, не церемонясь, обошла квартиру, отметив про себя, что детская комната только одна. Гостиная, спальня, кабинет, кухня и детская. Точно в доме только один ребенок. Квартира ей понравилась, здесь было уютно, светло, просторно и чувствовалась женская рука. Алка бы, конечно, расставила мебель иначе, но хозяева ее не спросили. Она поинтересовалась, где купили бамбуковые занавески, ответ был: в Таиланде.

Прогулявшись и осмотрев все, гостя вернулась на кухню, где Наташа заправила кофеварку. Алка нарочно тянула с началом, держала паузу, чтобы создать напряжение. Кроме всего прочего, ей самой нужно было успокоиться. Разговор все не начинался, время тянулось медленно. Хозяйка поставила чашки, сахарницу, разлила кофе и в упор посмотрела на гостью. Та, не дожидаясь вопроса, порылась в крошечной сумочке, достала старый конверт и выложила на стол:

– Это ты писала?

Наташа раскрыла конверт, на котором адрес воинской части был написан ее полудетским почерком с аккуратными круглыми буквами, и прочла письмо. Уже дочитав до конца, она продолжала делать вид, что еще не закончила. Это было письмо Саше, Светкиному отцу. Но как оно оказалось у этой особы и зачем она его принесла? Наташа вдруг побледнела, догадавшись, что это шантаж. Алику с его дикой ревностью такое письмо показывать нельзя. Она, стараясь держаться холодно, сложила письмо в конверт:

– Откуда оно у тебя?

– Нашла в гараже, в коробке...

Снова повисла длинная пауза. Наташа не торопилась попасть в западню, обдумывала каждое слово, глядела в окно. Потом, прикурив, спросила:

– А чей гараж?

– Мужа.

Ясности ответ не прибавил. Значит, нужно спрашивать что-то другое? Но что?

– Как оно туда попало?

Алка молчала. Ей, тем более, нельзя было спешить. Наташу нужно было сломать. Сделать мягкой, податливой, согласной на все. Мучить неизвестностью, пугать непонятками. Не замечать ее нервозности, но использовать ее. Молчание дало свои плоды, хозяйка срезалась:

– Это что, шантаж?

Вопрос поставил все на свои места. Хорошо, если она боится этого, пусть бу-

дет шантаж.

– Отгадала, – согласилась Алка и тоже щелкнула зажигалкой, вытащив ее из-под локтя хозяйки.

Наташа ожидала чего угодно ужасного об Алике. Но она была не готова, что примутся за ее скелеты в шкафу. Она молчала, заставляя себя успокоиться. Если на то пошло, чем ей грозят эти давние письма? Вряд ли Алик в теперешней ситуации вдруг примется ревновать. Раньше, когда все было спокойно или в первый год жизни, тогда, пожалуй, да. А теперь не до этого. И все-таки сомнения были.

– Сколько? – спросила она.

– Мне не нужны деньги. Я богатая вдова. Я хочу удочерить твою девочку. Старшую.

– Что? – не поняла Наташа. – Старшую?

– Да. Она Димина. Димино настоящее имя Александр Малахов. Он жил по чужому паспорту.

Теперь глаза ее сверкали, и Наташа поняла, что перед ней не шантажистка, а сумасшедшая. Свихнулась от горя или наркотиков. Но руки у нее затряслись от гнева, и она не могла заставить себя думать. Ей было все равно, кто по какому паспорту жил. В ней заговорила мать.

– Об этом, – она произносила очень отчетливо, разделяя слова, – не может быть и речи! Ребенок мой. Мой, понятно? А тебе нужно завести своего.

Она внезапно зарыдала от долго сдерживаемого напряжения. Собеседница помолчала.

– У меня не может быть детей, – сообщила Алка хрипло. – Это моя последняя надежда. И муж мой умер. У тебя дети будут, а у меня уже нет.

Наташа, закрыв лицо, продолжала рыдать, точно не слыша. Хотя все она слышала, но разве могла она отдать дочь этой чокнутой наркоманке? Алку было жалко, себя жалко, а Свету? Как отдать Свету? Она что, думает, что ребенок – предмет? Маньячка, дура безумная...

– Нет, нет, нет! – прорыдала она.

Алка, опершись об угол стола, тяжело поднялась со стула. Словно старуха:

– Алик хочет слинять с кассой, – каждое ее слово давило, как гиря. – Паспорта купили, жилье продали. Не получится. Он заплатит. Если ты мне поможешь, я тоже тебе помогу. Трое из четверых уедут. Или никто.

Наташа зарыдала в голос. Вот она и узнала об Алике все. Последнюю правду. Он хочет сбежать с кассой, но ему не позволят, возьмут в заложники детей, ее. Убьют, в конце концов. Или деньги придется возвратить. Или и то, и другое: и отнимут деньги, и убьют. Положение у нее было безвыходное: на мужа она повлиять не могла. Могла лишь бессильно ненавидеть.

– Мне его не жаль. Из-за него Дима погиб, – мстительно добавила Алка. – Звони, если надумаешь. Вот телефон.

Не притронувшись к кофе, гостя ушла. Дверь она не закрыла, и Наташа еще долго сидела в распахнутой квартире, всхлипывая, прокручивая разговор и обдумывая, что делать дальше. Ничего не придумав и промерзнув на сквозняке, она наконец сообразила запереть дверь и легла на кровать не раздеваясь.

Ночью, скрываясь ото всех, что уже в последнее время вошло у него в при-

вычку, дома появился Алик, и Наташа, расплакавшись от радости, что видит его, рассказала все. Всю тяжесть того, что узнала, она переложила на него, а собственно, на кого еще? Кто все закрутил, не она же? Отрыдавшись и высказав все свои страхи и тревоги, Наташа ненадолго заснула.

Алик в эту ночь не ложился, ходил по квартире, курил, открывал балкон. Хлопали двери, взвивались от холодного осеннего ветра легкие шторы, Наташа засыпала и просыпалась, думала о муже, детях. Что бы ни делал Алик, он всегда знал, чего хочет, и поэтому задуманное у него получалось. Он шел к цели прямо, тупо, не сворачивая, ничего не страшась, и побеждал. С этой успокоительной мыслью Наташе удалось заснуть до утра.

Алик, поспав пару часов, встал рано: нужно было подготовиться к встрече. В полдевятого он был на выбранном месте, вышел из старого джипа, огляделся. Вокруг были только лодки и катера, закрытые брезентом. Дальше за ними мерцал залив. Место, ввиду бессезонья, оказалось безлюдным. Алик вернулся в машину, выкурил две сигареты, потом снова вышел, уже с револьвером, заполз под машину и набрал номер.

– Да, – ответил кто-то.

– Скажи Косте, на месте я, – сообщил Алик.

– Все привез?

– Все.

Через пятнадцать минут из-за поворота со стороны дамбы вывернули Гурам с Витьком на «мазде». Они подъехали к джипу Алика и остановились. Ничего не происходило. Джип стоял неподвижно-зловеще, точно был пуст, но такого не могло быть, транспорт без водителя не ездит. Значит, он внутри. Гурам, подождав пять минут, занервничал, опустил стекло и начал вглядываться в затемненный салон, пытаясь что-нибудь разглядеть.

Поняв, что разглядеть все равно не удастся, Гурам решительно вскинул автомат и дал очередь по водительскому месту. Тишина пристани раскололась треском, испуганно закричали птицы. Витек, открыв заднюю дверь, присоединился к Гураму, автоматы строчили на пару. Потом снова наступила тишина. Отстрелявшись, они сделали паузу, чтобы понять, каковы результаты усилий.

Машина Алика осела, корпус был изрешечен пулями, стекла выбиты. Гурам с Витьком неторопливо вышли из автомобиля. Витек дал еще одну очередь в лобовое стекло. Они осторожно обошли расстрелянную машину и заглянули внутрь. Салон был пуст. Водителя не было. Они переглянулись. Общим стало не по себе. Гурама прошиб холодный пот. Появилось нехорошее чувство, что их подставили, но в чем тут фишка? Гурам прислушался – берег был пуст, и ни одного звука, даже чайки затихли.

В этот миг Гураму обожгло обе ноги. Точно по ногам полоснуло ножом, и он, коротко вскрикнув, упал, последнюю пулю получив в шею.

Витек успел сделать пару шагов на его возглас, но тут же закричал, схватившись за раздробленную ступню. Следующий выстрел по ногам свалил его на землю, и он попытался отползти, но через секунду крик оборвался. С третьего выстрела с ним тоже было покончено. Шум снова всполошил птиц, но через несколько минут все стихло, берег был спокоен, день обещал быть ясным и безоблачным. Тем двоим, что лежали возле джипа, это было уже безразлично...

Алик выбрался из-под своей машины и, не поглядев на трупы, забрал из изрешеченного салона-документы, диски и кассеты. У Алика еще полно было головняков, помимо этих трупов. Его день обещал быть длинным и непростым. Из Костиных людей, которые занимались его персоной, реально оставался Шиза с командой. Их слегка потрепали поселковые жители, но это семечки, а теперь все начнется всерьез.

Шизе в это утро тоже поспать не удалось. Накануне вечером позвонила плачущая Рита. Затея с турбюро закончилась неудачно. «Еще и мать! – подумал Кирилл. – Как нельзя кстати. В самый неподходящий момент».

Рита продемонстрировала отменную женскую логику. Важное она не отличала от неважного. Тем для слез было две: первая и для нее главная – на даче повалился новый сортир. Прямо в тот самый момент, когда она там находилась. Только вчера рабочие сделали яму, сколотили будку, а сегодня будка рухнула. Рита плакала, оттого что ей стукнуло по спине и вообще обидно. Эти работяги, черти бы их взяли, выпили и съели столько, что и платить им не стоило. Нет, заплатила, а сортир рухнул. Второе, это то, что Родэ теперь не хочет брать ее в дело, потому что нанял секретаршу и с ней спит. А что они вместе покупали офисную мебель, телефоны, факсы, компьютеры, он уже забыл.

– На мои деньги, – возмущенно добавила Рита.

– На мои, – уточнил Кирилл. – На что ты надеялась? Сутенерская рожа этот твой Родэ.

Рита насчет рожи возразила, что с лица не воду пить и был бы человек нормальный. А Родэ не так уж плох, в делах соображает, но насчет дамочек слабоват и надо его пресечь. Рита помнила историю с директором вышивального цеха и выражалась осторожно, особенно не напирала, но и этого было достаточно.

– Пресечь? Пристрелить, что ли? – Шиза плюхнулся в кресло и схватился за голову. Не хватало еще хахалей строить. И чьих? Родной мамочки.

– Нет. Это лишнее, – беспокоилась Рита. – Вернуть все назад. Чтобы этой стервы не было, а дело шло. Я не хочу все потерять! Столько сил и средств вложено!

Рита нервно покрутила рыжий завиток за ухом. Хорошенькая женщина, легковес, вполне привлекательная для своего возраста. Только что у нее с головой? С мошенниками связывается, точно зануд кругом мало. И как она их отыскивает? Или они ее?

Рита нетерпеливо перекинула ногу на ногу:

– Ты, наверное, меня осуждаешь... Думаешь, что могла бы вести себя иначе в моем возрасте... А я тебе на это отвечу: я вообще не жила. Готовила обеды, ходила на службу, жизни не видела, все промелькнуло, как поезд. И ничего, о чем стоило бы вспомнить... Ничего. Пусто. Никому бы не пожелала такой жизни. Я тебе не советую правильно жить. И заметь, твой образ жизни не осуждаю, а даже поддерживаю.

«Что б ты знала про мой образ жизни...» – подумал он. Не знает, и слава Богу. Но Рита права, у него была моральная поддержка. Что бы ни произошло, мать всегда была на его стороне, как в детстве. Они были вроде сообщников. Она тоже могла позволить себе дурить, потому что он ее безоговорочно защи-

щал.

– Ладно, адрес давай.

Рита заерзала:

– Только, пожалуйста, без кровавостей!

– А это уж как получится...

– Кирилл...

Он отверг бесполезные возражения, встал и направился по адресу.

Через час господин Родэ сидел привязанный к стулу, а его секретарше Болт то заламывал руки, то задирали юбку. По настроению. Настроение же у обоих было скверное, потому что по пути случился неприятный разговор с Костей. Гурама с Витьком нашли возле изрешеченного автомобиля Мирзы, а сам он скрылся вместе с женой и деньгами. Единственный шанс его поймать – это найти дочь и использовать, как наживку. Этого Шиза сделать не сумел, и соответственно выслушал от Кости в свой адрес кое-какие обещания. Поэтому оба они с Болтом были на взводе, дело явно шло к насилию, ну и хрен с ней, с секретаршей, а этот Родэ получит урок.

Когда, надавав оплеух Родэ и изнасиловав секретаршу, они отбыли, в офис заглянула Рита. Ее неверный бизнес-партнер и его девица были абсолютно деморализованы и мало напоминали людей. Рита призадумалась, что же такое ее сын, и как можно за час превратить двух самоуверенных наглецов в желеобразную массу.

Она же предупреждала Родэ, что пожалуется сыну. Он не верил, запирался тут со своей девицей, потом открывали, а на его щеке была помада, девица нагло хихикала. Понятно, чем они занимались тут на диване, который Рита выбирала в «Икее». Но зрелище победы не доставило ей удовольствия. Два раздавленных существа, похожих на насекомых с выпущенными кишками. Их словно парализовало от ужаса, и это при том, что никаких особенных следов побоев. Никто их не пытал. Неужели ее сын внушает такой страх?

Рита поставила чайник, молча заварила чай, разлила в чашки. Никто не пошевелился, не поблагодарил. Белокурая, как все секретарши, кукла лежала наискосок дивана в разорванных пополам колготках и растерзанных чувствах, смотрела бессмысленно. Родэ сидел на стуле с опущенной головой. Взглянул на Риту один раз и отвел глаза. Рита его подняла и усадила на диван, немного подвинув куклу. Все продолжали безмолвствовать, и она забеспокоилась. Потрясла Родэ за плечо: «Володя, что случилось?»

Он освободился от ее руки, отклонившись в сторону. Девица пошевелилась, с трудом встала, притянула к себе чашку с чаем, сделала два глотка, встала и шатаясь вышла из комнаты. Они остались одни. Рита потянула Родэ на улицу. Ей тоже захотелось уйти из этого места, оно стало казаться грязным.

Она потащила Родэ к себе, он безвольно согласился. До ее дома доехали на частнике. Там, сев на диван, он попытался с ней объясниться.

– Рита, я понимаю, что обидел тебя. Всякий может увлечься, но так мстить нельзя. Они изнасиловали Катю у меня на глазах. Они нелюди, подонки. За измену не грозят отрезать уши. Зачем ты это сделала? Перетерпела бы, мы бы вместе работали, делали деньги, крутили дела. Теперь это уже невозможно. Как будто мне кости переломали, позвоночник. Я инвалид. Тебя боюсь, всего боюсь. Это наказание, которое превышает вину... – он облизнул сухие губы. – Ты говорила, что любишь меня... Зачем ты это говорила? Чтобы потом меня

уничтожить?

Рита слушала его серьезно. Теперь он ей снова нравился. Там, в офисе, он выглядел раздавленным, а теперь в нем появилась гордость.

– Но мы не договаривались... Ты не предупредил, что возьмешь секретаршу... – она пробовала оправдаться, но он смотрел горько.

– А если бы предупредил? Я ведь и сам не знал, что так получится...

– В другой раз будешь знать... – обиделась Рита.

– Другого раза не будет. Силой можно все сломать, но как ты силой заставишь жить вместе, работать?

Заставлю, подумала Рита. Не надо было лгать и обещать золотые горы. Придется выполнить обещанное.

– Придется, – сказала она. – Нужно делать, раз начали.

– Я не могу с тобой...

– Куда ты денешься... – она вздохнула. – Никуда не денешься. Взятся – выполняй. А то развелось безответственных мужчин. Никто не хочет отвечать за базар. А ты ответишь.

– Да... – задумался он и взглянул ей в лицо: – Яблоко от яблони... Ничего у вас не выйдет.

– Посмотрим, – заявила Рита и отправилась в кухню варить кофе.

Ей, чтобы заснуть, нужно было на ночь выпить кофе. Молола зерна, заливала воду в кофеварку и думала, что все в этом мире делается силой. Силой муж отнял у нее целую жизнь, не любовью же. Всегда настаивал на своем, заставлял выполнять обязательства, вот и прожил с женой, а не один. И если бы не было силы, которая действует на людей, то вообще бы ничего не происходило, потому что большинство лениво и безответственно. И хорошо, когда есть кто-то, кто может их заставить.

Что Родэ? Тряпка, мошенник, ветренное существо, куда ветерок – туда и умок. С собой не справляется. Значит, ему нужен кто-то, кто бы с ним сладил, иначе никакого толку в его жизни. Рите, конечно, в одиночку этого не осилить, но с Кириллом можно. Он умеет пугать. И вообще, все это нытье бывшего научного сотрудника Родэ. Слюни, сопли. Катю изнасиловали. Ему ведь это безразлично, волнуется то, что он не смог ее защитить. Таких хватает только на то, чтобы быть подкаблучниками, так пусть он это знает. Нечего тешить себя иллюзиями о своей полноценности. Инвалидом он, видите ли, стал... Но не сегодня же, дорогой, ты им стал, а всегда был. Просто сегодня ты узнал об этом.

Рита ушла спать в спальню, постелив Родэ на диване. Ночью ей снились сны, какое-то странное месиво из реальных картин и глупых и гадких событий. То появился кинотеатр «Комсомолец», убогое кирпичное здание на рабочей окраине со скрипучими стульями и полом, усыпанным шелухой от семечек. Вот она, с длинными белокурыми волосами и в клетчатых брюках. Гимнастка с шикарной фигуркой, гибкая, как змея. Она вскакивает в трамвай, и там какой-то прыщавый серый гад в сером плаще гладит ее бедра, расстегивает молнию, и она выскакивает из трамвая, поддерживая брюки... То она бежит по пустырю, а за ней гонится матрос с розочкой – бутылкой с отбитым горлом. Она запинается об какого-то человека на земле, падает, успевает вскочить и отпрыгнуть, а за спиной ее раздаётся крик порезанного матросом...

Среди ночи Рита проснулась в злой и жестокой тоске. Посмотрев картины

из своей жизни, этого нелепого и страшного кино, она поняла, что проиграла жизнь полностью и окончательно. Проиграла красоту, растратила попусту, прожив хоть и не несчастную, но тоскливую супружескую жизнь. Попыталась зажить иначе, почувствовала свободу, и тут же стало ясно, что в одиночку она ни с чем не справляется: ни с хозяйством, ни с денежными проблемами, ни с мужчинами. Она никто, ничто и звать ее никак. Пшик на ровном месте в оболочке сорокапятилетней дамочки. За этим фасадом – полная пустота, проигрыш по всем статьям, убытки. И ведь сколько всего съедено и выпито, сношено платьев и башмаков, вымыто полов. Сколько мама убирала за ней горшков и заплетала косичек, а все впустую, вся жизнь впустую. Все прах. Все проигрыш.

Рита поднялась с кровати и, жалобно завывая, пошла в комнату, легла на диван рядом с Родэ, гладила его по плечу, просила прощения, а он спал, спокойно дыша, не слышал, не проснулся, потому что был легкий человек, все с него сходило, как старая кожа, и он умел легко и правильно спать, так, как будто в этом мире вообще все в порядке, а если не в порядке, то ненадолго. Не было в нем злой печали, что терзала Риту и заставляла делать глупости и мерзости. За это она им восхищалась и этим дорожила. А не то, что вместе деньги делать... Деньги ей и Кирилл дает.

Алла, вернувшись от Наташи, поняла, что дошла до края. До того момента, когда все должно измениться либо в ту, либо в другую сторону. Словно бы она рыла тоннель и уперлась в скалу. Теперь либо пропадет во тьме, либо выберется на воздух. Почему из массы способов выжить она выбрала этот, с незнакомой девочкой, мать которой ее так просто не отдаст, Алка не понимала.

Бог знает, что может прийти в голову несчастному человеку. Наверное, нелепость этой идеи соразмерна ее горю. Но что ж теперь делать, если это утешает, а больше не утешает ничего... Если в этом ребенке есть хотя бы одна Димина черта, есть смысл жить. А если нет? Этого быть не может, так не бывает. Обязательно что-нибудь есть, пусть даже запах или оттенок кожи, но есть. С девочкой вернется жизнь, и можно будет заниматься тем, чем прежде. Цветы закупать, составлять букеты и знать, что все правильно, все на своих местах и ребенок растет там, где надо, с тем, кто в нем нуждается.

Люди живут не с теми, кого любят или кто их любит. Все гораздо проще. Люди живут друг с другом по нужде. Кто в чем нуждается, тот то и ищет в окружающих. Наташке Димина дочка зачем? Она ее жалеет, потому что вырастила, а так-то, собственно, какая в ней нужда? А у Алки настоящая. И полно таких историй, когда дети живут с бабушками, а иногда даже и не своими родными, а какой-нибудь десятой воде на киселе. С приемными родителями, потому что своим не очень нужны, а это чувствуется. Алка Диме была нужна. И он ей тоже. Он был ее отцом, а она – его трудным ребенком, с которым только он один справлялся. Теперь она будет матерью его ребенка. Все правильно и даже справедливо. Не оставлять же ее Мирзе. Этому вообще дети ни к чему. Странно, что он не свалил в одиночку. Видимо, еще не прижало.

Мирза из упрямства хочет всех переломать. Понятно. Кроме Димы, некому было прищемить ему хвост, поэтому позволяет себе. Никаких других причин его наглости нет. Дима был у братков опорной балкой. Если ее сломать, завалится дом. И балка эта из самого крепкого дерева. И девочка Димина должна быть такой же крепкой. Алка представляла себе ее невысокой, ладной и

немного пасмурной. Во всяком случае, не хохотушкой и не кокеткой. Она может стать красавицей с правильными чертами. Хорошо бы была не душой. В меру, конечно, не заучкой в очках, но серьезной. Хотя дурость – дело поправимое, с годами проходит. Алка мечтала, и чем нелепей выглядела эта мечта, тем сильнее она в этом упорствовала. Что ж, все поставлено на одну карту. Теперь либо пан либо пропал. Любой из этих вариантов лучше ее пустого прозябанья. Смерти она не боялась.

8

Свете было не по себе. Она снова, как неприкаянная, бродила по темной Деревенской улице. Неужели она влюбилась в незнакомца, которого видела двадцать минут? Хотя, может быть, только незнакомое и непонятное волнует по-настоящему. Недоразвитые, те вообще влюбляются в звезд. Которые с комплексами, так и компенсируют неполноценность. Девочка, которая обожала Влада Сташевского, выйдет замуж за соседа по подъезду. А с другой стороны, не в соседа же влюбляться? Его можно пожалеть, как Семена, но как его любить? У него прыщи, как у Климкина, или походка враскорячку, или он курит, пуская дым в лицо.

А стрелок... тут устоять невозможно. Если разглядывать каждую часть его лица – брови отдельно, губы отдельно, и это выражение радостной беспечности, – невозможно не проникнуться всем этим. Есть прекрасные человеческие существа, и сопротивляться бесполезно. Надо радоваться. Она и радуется: Света улыбнулась. Это чары, плен человеческих чар. Просто бывают совершенные люди, ей встретился такой, и пусть все идет, как идет. Только долго ли продлится? Еще немного или всю жизнь?

Невдалеке слышались шаги, появилась Юля и испуганно остановилась, заметив силуэт:

– А, это ты! Чего полуночицаешь? Не спишься? А я договаривалась машину починить да засиделась с мужиками. Завтра Филиппа в гости свожу. А то он заскучал, – сообщила Юля.

– А к кому?

– Недалеко здесь. К одному деятелю. Меценат тоже. Любитель искусств и художеств. Чудо-юдо в перьях. Надо развеяться, там не заскучаешь.

Света, слушая Юлю, раздумывала о том, как здорово, что, когда человеку грустно, кто-то бросается его развлечь. А она что будет тут делать? В пустом, в общем-то безлюдном месте. Хотя люди тут есть, но все не то... Света загрустила, поняв, что Филипп уезжает, и ему в общем-то нет до нее дела. Может быть, он просто о ней забыл. Зря она все ему рассказывала.

– А где это?

– Что где? – спросила Юля.

– Ну, чудо в перьях?

– Да тут, в трех километрах усадьба у них. С холма башню видно. Дворец!

Юля хмыкнула и, попрощавшись, пошла к дому. Света, уходя спать, все раздумывала, что нужно сделать, чтобы встретить того, кого хочешь встретить. Для начала надо было добратся до Москвы. А чтобы добратся до Москвы, необходимо выпутаться из этого бесконечного приключения. Нужно было что-то придумать...

Утром она караулила возле дома Филиппа. Просто так, чтобы он о ней не забыл. Прибежала Юля, они сели в машину, дверца захлопнулась, Филипп улыбнулся на прощанье, на дороге за клубилась пыль. А Света с Диной пошли на прогулку. Прогуляться по дороге. Минут через сорок они дошли до замка, обнесенного кирпичным забором, за ним высилась башня. Дине сразу припомнился коврик с оленями и охотником в доме бабы Паши, захотелось заглянуть внутрь, узнать, что за забором.

Они сели на обочину дороги и принялись оглядывать окрестности. Внизу, под холмом, журчала речка и по тропинке снизу кто-то поднимался и разговаривал мужским голосом. Вначале показалась лохматая черная голова, потом худой человек в сопровождении белой эскимосской лайки, которая шла прихрамывая. Нерусский хозяин лайки что-то ей втолковывал. Увидел девочек, встал, поздоровался.

– Что, – спросил, – хозяин в гости не позвал?

– Нет, – вздохнула Дина, – не позвал чего-то.

Нерусский приветливо улыбнулся:

– Ты таджик? – спросил он Дину.

Она обиженно вздернула нос:

– Сам ты таджик.

– Я – таджик. Откуда знаешь? – он заметно обрадовался. – Я тут работаю. Садовник. Огород копаю, рыб развожу в бассейн, деревья пишу. Маленький дерево чистить – десять долларов, большой – пятнадцать, – похвастал он. – Пять лет работаю, Паша меня любит, только мне доверяет. И дом охранять, когда его нету, тоже. Любит меня, говорит, привык... Я на родина ездил, жена сюда не пускает. И дети тоже скучали. Обрато вернулся, Паша тоже скучает, говорит, где был, огород погиб, я никому не доверил. Только тебя ждал.

– О-ой, – Дина недоверчиво покачала головой. – Врать-то!

– Почему врать? Правда все, – таджик обиделся. – Скажи, Шура! – Он звал к собаке. Но собака у него не разговаривала, только улыбалась и слюни пускала. – Я тебе могу в дом пустить, чтоб никто не видел. Мне ничего не станет.

– Ой хвастать-то! – снова подзадорила Дина.

– Пошли!

Таджик решительно направился вокруг кирпичной ограды, продолжая рассказ о хозяине.

– Каждое утро Паша бегают... Ну, бегают, для здоровья надо. Толстый, сердце тренируется. Впереди Шура бежит, сзади «мерседес» с охраной. Целый час бежит, Шура тоже бежит, «мерседес» едет.

Света хмыкнула. Семена бы сюда. С бомбами зажигательными. Вот бегут они все с собакой, едут с охраной, а тут хлоп – и веселье со стрельбой. Забежали бы! Вообще-то злорадствовала она не по-настоящему, а скорее, из зависти. Потому что Филипп был внутри, а они за забором.

– Миша меня зовут, – сообщил Дине таджик. – Запомнила? Лезь давай!

– Так это ж для собак! – возмутилась Дина, увидев подкоп, скрытый кустами.

– Шура делала. Не хочешь, не ходи.

Но Дине очень хотелось посмотреть на замок и охотников, если они, конечно, там имеются. Она оглянулась на Свету, та пожалала плечами. Толку от Светки последнее время никакого. Даже совет дать не может, а уж командовать и вовсе разучилась. Ходит ко всему равнодушная, как инопланетянка, ничего не видит, не слышит. Дина передернула плечом и, встав на четвереньки, полезла в дыру.

– Ты у дороги жди, – наказала она Свете. – Я скоро.

Хозяин дома, Паша Вертолет, угощал гостя. Разливал коньяк, подвигал сем-

гу, краем глаза поглядывал в монитор и рассуждал об искусстве:

– Ведь все брехня, Филипп. Все вранье. Клистир тебе вставляют, а оно потом обратно лезет. Кино хорошего нет, книги – дрянь одна, стихи читать невозможно. Мусор. Я, например, Трифонова люблю. Позвал одного писателя, говорю ему, раз ты писатель, напиши мне точно, как у него. Точь-в-точь, но с другим сюжетом. Денег давал много. Говорю, ты пойми, я не против тебя, а просто мой любимый автор помер... И что мне теперь, без книг жить? Так нет, заартачился. Гордый попался. Или не умеет, как Трифонов... Бондарчук, Бондарчук, – внезапно взревел хозяин: – Это что еще за кино?

Гость посмотрел в монитор и увидел во дворе Дину. На рев хозяина в дверях появился растерянный Бондарчук. Он и сам уже видел, что охрана опростоволосилась.

– Я зачем тебя нанял, Бондарчук? Баловать и лелеять? А у меня по дому красные шапочки разгуливают... Живо! Как ребенок тут оказался?

– Я ее знаю, – заметил гость.

– Поклонница? Они вездесущие у тебя что ли? Бондарчук! Веди ребенка сюда, сам спрошу.

– Паш, чего ты орешь? – улыбнулся гость. – У тебя же мобила.

– А голос куда? Мне его Бог дал, правильно?

Бондарчук привел слегка растерянную Дину. Увидев Филиппа, она улыбнулась.

– Ну, – взревел хозяин, – рассказывай, чадо. Как звать, как проникла, чего хочешь?

Дина, не выдержав, прыснула в кулак. Слово «чадо» ее насмешило.

– Соседка моя, – вмешался гость. – Зовут Дина. А это Павел Васильевич, по прозвищу Вертолет.

– Последнее ты зря сказал, – укорил хозяин. – Чему ребенка учишь, кличкам! Эх, согрели мы, а тебе-то зачем это на себя брать? Живи чисто. А ты садись, – предложил он Дине. – Бери, что хочешь. Коньяк, водка, текила. Рыба вон.

Дина удивилась. Водки ей еще не предлагали. Хозяин, похоже, шутник. Внимания на нее больше не обращали. Предложили водки и забыли. Да и ладно. «Скучно мне, скучно...» – твердил хозяин, а гость загадочно улыбался, пил коньяк, а от советов воздерживался, хотя Павел Васильевич требовал от него совета. Видимо, игра такая. Один позвал и хочет вырвать у гостя совет, а гостю важно советов не давать, тогда он выиграет и выйдет отсюда живым. А не выиграет, этот карабас-барабас с брюхом его сожрет.

– Ты выпила? – хозяин скосил на Дину узкие хитрые глаза. – Так иди прогуляйся по дому. Там животные у меня. Два ежа, два чижа, два ужа...

Дина ему не особенно поверила, но пошла. Комнат было так много, что она ходила кругами, поднималась по лестницам, спускалась в подвал, потом обнаружился лифт с последней кнопкой «три». Немного покатавшись в зеркальном лифте, Дина вышла на самом верхнем этаже и увидела анфиладу комнат. Здесь все было, как в настоящем замке: зал с камином и огромным овальным столом, потолок, расписанный крылатыми богинями, зеркало от пола до потолка. По центру зала прямо навстречу ей ползла змея. Дина осторожно ее обошла. Может быть, хозяин и не пошутил про ежей, чижей и ужей... Может, они, и вправду, тут имеются? Ну и ладно, лишь бы не оказалось медведей и

тигров. Из зала она перешла в гостиную с роялем и полосатыми диванами. Рояль она осмотрела внимательно, он был старый, нерусский, неуклюжий. Взяла пару нот – и в дверях, словно по волшебству, возникла красавица.

– Ты играешь? – спросила она.

– На скрипке, – уточнила Дина, впившись взглядом в ее смуглое лицо с черными кудрями. Красавица была одета в прозрачные оранжевые шальвары с топом и украшена ожерельями и браслетами, позванивающими на ходу.

– Скрипки нет, – бросила та, проходя мимо.

– Скажите, пожалуйста, а ежи есть?

– Прямо и вниз на второй этаж.

Красавица ушла не оглядываясь, за ней потянулся шлейф сладких духов. Дина двинулась дальше, надеясь, что кто-нибудь еще попадетя по дороге. А то совсем нет людей. Одна змея и одна красавица – маловато для такого помещения. Неужели это дом, размышляла она, и они в нем живут? Больше всего это было похоже на декорации балета, но ведь все настоящее. Ковры, оружие на стенах, картины.

Она подняла голову и увидела портрет старухи в белом чепце с орлиным носом. Глаза старухи сверкали злостью и яростью, глядели прямо на нее. Дина даже присела и, на всякий случай, сказала: «Извините, ваше сиятельство». Старуха показалась ей важной персоной, от которой лучше держаться подальше, и она вежливо обогнула попавшуюся по дороге софу с деревянной спинкой, чтобы не маячить перед старухой. Но тут под ноги ей попал какой-то шнур, и, зацепившись, Дина повалила столик с огромным подсвечником. Раздался ужасный грохот, потом топот ног, и в комнату влетел неизвестный ей Бондарчук.

– Извините, пожалуйста, я уронила свечку, – сообщила Дина.

– Канделябр и ломберный стол ты уронила, – возразил тот. – Получишь сейчас на орехи.

Он без церемоний прихватил Дину за загривок, как щенка, и быстро поволок по воздуху. Ноги едва доставали до земли, она все время крутилась, пытаясь вырваться, но людоед не выпускал, наоборот, еще крепче прихватил за шиворот. Воротник затрепал, Дина извернулась и злобно куснула охранника в руку. Тот, взвывая, выпустил ее, и Дина кинулась бежать во весь дух. Кажется, она наступила на змею, а красавица, попавшаяся навстречу, отшатнулась с сторону. Топала она оглушительно, бег отдавался эхом. Пугаясь шума, который сама производила, она успела добежать до лифта, он закрылся прямо перед носом Бондарчука и поехал вниз. На первом этаже она сразу бросилась к входным дверям, выскочила на улицу и устремилась к небольшому домику, что попался по дороге. Только забившись в темный угол и услышав приветливое повизгиванье, она сообразила, что это собачья будка. Протянула руку и погладила Шуру.

– Давай ты будешь меня охранять, – предложила собаке, и, кажется, та согласилась.

В доме хозяин, проследивший на мониторе ее побег, распекал Бондарчука:

– Ну ты, оглобля! Чего ребенка напугал? Уронило дите стол, чем он тебе так дорог? Ты меня охраняй, не мебель. Что ты за мебель распереживался? – Паша подозрительно покосился на Бондарчука и долил рюмку гостю. – Иди, приведи чадо.

Бондарчук отправился выполнять приказание. Дина, выслушав его неуклюжие извинения, выбралась из будки вся в траве и собачьих объедках и поплелась обратно в дом. Декорации там оставались прежними: хозяин донимал гостя. Она скромно присела на краешек стула, решив, что извиняться за свечку больше не станет. Вот еще... Уже извинялась. В итоге таскали, как щенка. Она сердито покосилась на Бондарчука, смиренно стоявшего поодаль.

– Иди отсюда, Пятница, – махнул ему хозяин.

– А при чем тут пятница? – поддержала разговор Дина.

– Э-э, – хозяин прищурил узкие коварные глаза, – да ты, я погляжу, тундра необразованная. Вот мы себе такого не позволяли – ничего не знать.

Дина фыркнула:

– Я ноты знаю. На скрипке могу. И пою. – Карабас потер друг об дружку толстые волосатые лапы.

– Ну так спой, мы послушаем.

Дина оглянулась на Филиппа, и тот кивнул.

– Хорошо.

Она встала в центре комнаты, отряхнулась от остатков собачьего корма и спела: «Я хочу быть с тобой, и я буду с тобой...» Голос ее под конец дрожал, так она старалась. Паша обрадованно захлопал. Так удивился пению, будто никогда ничего подобного не слышал. Слушатель оказался благодарный, запросил еще, и Дина исполнила «Ален Делон не пьет одеколон», а потом «Не сыпь мне соль на раны...» Концерт прошел на «ура», хозяин едва не прослезился и громко хлопал. Потом рывкнул: «Мариула!», да так, что вздрогнула не только Дина, но и Светкин красавчик тоже.

В дверях появилась девушка в оранжевом. Она подошла к дивану, и в глазах ее зажегся огонь – она увидела конного чемпиона:

– Вы Филипп Афиногенов? Или я что-то путаю?

Красавчик на это только улыбнулся. Умеют же люди улыбаться... И губы сразу такие красивые, и все лицо.

– Не путаешь, – успокоил взволнованную девушку хозяин. – Отвлекись на меня, да? Вот эту душечку возьми-ка приодень, накорми и ежей покажи. Чудный ребенок, слышала, как поет?

– Да уж куда нам, – скривилась Мариула.

Дина удивилась, что все у них тут наоборот. Чудовище, похоже, доброе, а красавица злая. Когда они уходили, Паша громко жаловался гостю на Мариулу. Уверяла, что балерина, а оказалась, тьфу, шахматистка. Целыми днями над партиями колдует. Он с ней играл, да проиграл семь партий подряд. Играли на деньги. Теперь отдавать надо, а нечем. А она за долг трясет, недобрая оказалась. Дина поглядела на красавицу: да, строгая, ничего не скажешь, если чудовище держит в ежовых рукавицах.

– Это он только пьяный хороший, – сообщила красавица по пути. – А когда трезвый – сатана. И все врет. Кто его обыграет, тому вообще не жить.

В плену, наверное, держит? – посочувствовала Дина.

– Попробовал бы... – возразила та. – Я медсестра, работа такая. Из запоев вывожу. Ведь пьян в хлам, а рассуждает, как умный. Ничего. Уже скоро, – предупредила она с угрозой.

Такая, наверное, и убить может, подумала Дина.

– Вы его ненавидите?

– Еще чего. Он мне деньги платит.

– А шахматы?

– Что шахматы? – в голосе послышалось раздражение.

– В шахматы вы умеете?

– А кто мне запретит, если я КМС?

Ага, значит, чудовище не врало, что она шахматистка. Да еще медсестра. Он не отдаст ей проигрыш, а она ему за это – смертельный укол.

– Мариула...

– Я не Мариула, – перебила медсестра. – Вечно эти клички дурацкие. Я Лариса. Этот урод всем клички раздает, как собакам. А, что мы тут? Пошли лучше собак смотреть. Все лучше, чем с этим уродом... Импотент ползучий... Чтоб он сдох, вонючка.

Дина никогда не слыхала, чтоб люди так злились, и слушала с интересом. Про импотента ползучего надо будет Свету спросить. Она думала, что тут в замке живут прекрасные дамы и рыцари, а тут все наоборот. Медсестры, змеи, бондарчуки эти...

– И жена у него мегера. Медуза с шипами. Гадость на тонких ножках. Отравя...

– А вы увольтеесь и все, – посоветовала Дина.

– Легко сказать! – взвыла Мариула. – Мать инвалид, сыну год. А этот себе аэропорт присвоил и жирует. Литрами коньяк хлещет! Ненавижу!

Дина притихла, обдумывая услышанное. Да, медсестра не шутка. Отравит она его. Или заколет шприцем.

Они вышли во двор, обогнули дом, миновали теплицы с пальмами и мандариновыми деревьями и углубились в лес, он же парк. Там, в сером кирпичном здании располагалась псарня. Они отперли дверь, и их радостно приветствовали. Дина обрадовалась царству лохматых ласковых и добрых существ. Бродила, гладила, чесала за ушами. Красавица покурила в окно и успокоилась.

– Тут только с собаками и можно жить, – вздохнула она.

Имена у собак были странные: то «Раздирай», то «Убегай». Дина удивлялась, а Лариса объясняла, что чудовище передирает все с девятнадцатого века. Себя тоже считает реинкарнацией Демидова. Спьяну. А на трезвяк вроде забывает. На трезвяк всех точит, как ржа железо. Мышь не пробежит, чтобы он ее не принялся перевоспитывать. А сам кто? Вор в особо крупных размерах.

Точно, согласилась с ней Дина, припомнив живот хозяина. В особо крупных.

– А что он украл?

– Как что? Аэропорт.

– Не понимаю я, как можно аэропорт украсть... – задумалась Дина.

– А как можно его заработать? – возразила Лариса. – Никак. Только украсть. Если у тебя есть свой аэропорт, значит, ты вор.

Может быть, ему просто кто-нибудь поручил. Ведь с аэропортом хлопот много: расписание соблюдать и следить, чтоб в воздухе никто не столкнулся. В общем, Дине Лариса не нравилась: все ругается и ругается, а сама просто завидует. А что ей карабас велел чадо переодеть и накормить, забыла... Она попробовала намекнуть, но оказалось, что медсестра не забыла, а просто не намерена выполнять его приказы. У нее есть обязанности, а все остальное – за

отдельные деньги. Дина поняла, что еды и нарядов ей не видать как своих ушей, и приуныла. Походила, погладила собак и запросилась в дом. Наверное, пора было уходить. Света ее ждет, и, вообще, тут в замке не то чтобы скучно, а как-то неприятно что ли... Неудобно даже оставаться.

Они вернулись в дом. В гостиной все оставалось по-прежнему, только хозяин взялся курить, пуская дым через бутылку. Дым пах яблоком и красиво клубился, а Паша закатывал глаза. Живот его поднимался и опускался в такт затяжкам. Увидев Дину, он принялся рассуждать о своей любви к артистам. Любовь он питает к артистам всех мастей, к художникам слова и жизни, а также к кровососущим насекомым вроде Мариулы, или жены его Галины, и всех прочих женских особей, которые представляют собой вечное противоречие между гладкой приятной формой и гнусным содержимым. Ведь что у артиста внутри? Пустота. А снаружи артист трепещет, и те, у кого душа есть, на этот трепет отзываются, не подозревая обмана. Тот, кто слышит искусное пение, тот поет сам и слышит себя. А певец совсем ни при чем. Он имитатор чувств, попугай, сделавший подражание профессией.

Филипп на это только усмеялся. Его задачей было не попасть в ловушку карабаса, и он таинственно помалкивал. Дина потянула его за рукав, шепнув, что хорошо бы домой поехать, тем более Света уже заждалась. Но тот в ответ нахмурился:

– Паш, небольшая просьба. Приюти девочку на пару дней.

– Нет проблем, – кивнул хозяин.

– Я тут не хочу... – заартачилась было Дина.

– Приглядеть бы... – вид у джокера стал озабоченный. – Она уже и на станциях пела, и на цыган работала. С отцом неприятности, девчонки мыкаются. Старшую я беру на себя, а с этой надо осторожно. Родители вляпались, детей бандиты ищут...

– Да ладно, Филипп, не объясняй. Добрым хочешь быть за мой счет.

Гость посмотрел сперва хмуро, потом с усилием улыбнулся:

– Хорошо. За твой счет пару дней можно мне побыть добрым?

– Так бы сразу и говорил. Можно. Мариула, – рявкнул он, – почему ребенок до сих пор не переодет?

– Я не нянька, – заявила Лариса. – Обслуживать детей не нанималась.

– Видал? А ты говоришь «добрым быть». Сие невозможно, – хозяин многозначительно поднял палец – Плачу триста, – кивнул он Ларисе.

Она подошла и взяла Дину за руку. Дине не хотелось оставаться с этим вурдалаками, но выхода не было. Одна надежда, что Света за нее вступится и вызволит, но опять же Света не в себе из-за этого джокера. Как он скажет, так она и сделает. Пыталась же она сплавить Дину Семену. Ну, ладно, два дня потерпеть можно, она еще не все видела. Может быть, таджик появится. На худой конец, она и на псарне посидит. С собаками жить можно, как злая медсестра сказала.

Она небрежно кивнула, предупредила, что больше двух дней жить у чужих не согласна, и пошла за Ларисой. Все оказалось не так уж плохо, даже хорошо. Розовая ванна с медовым шампунем и длинным белым халатом в красных цветах. Дина наконец-то отмылась. На ужин Лариса принесла жареную в сметане печень, сок, йогурт и клубнику.

Комната, где ее поселили, оказалась крошечной, с миленькими картинка-

ми и мягкой постелью в цветочек. Спала она спокойно, и главное, на совсем чистой и удобной кровати.

Наутро на стуле возле постели оказалось зеленое бархатное платье с белым кружевным воротником и бордовой лентой для волос, белые колготки и черные лаковые лодочки. Дина почувствовала себя принцессой. Вот только друзей и принцев тут не водилось да и не предвиделось.

Она оделась, причесалась, убрав волосы лентой, спустилась вниз по каменной лестнице и нашла дверь, из-за которой раздавались вкусные запахи. Там на огромной плите стояли кастрюли, среди которых присутствовал даже один блестящий котел, по стенам висели полки с посудой, огромные поварешки, ножницы, ступки и решета, а посреди этого царства сидел на стуле таджик Миша и замороженно следил, как толстая повариха помешивает в кастрюле. Дина протерла глаза: нет, это был не сон.

Миша ей широко улыбнулся, показав золотые зубы. Повариха обернулась, и Дина чуть не вскрикнула, так она была похожа на бабушку Нину. Такая же ямочка на подбородке.

– Садись на табурет, девонька, – ласково позволила та. – Хочешь, сейчас поешь овсянки, а хочешь, блинов с грибами жди.

Дине захотелось всего: и каши, и блинов. А больше всего хотелось тут сидеть, вдыхать кухонные запахи, болтать ногами и перемигиваться с Мишей.

– Что делать будем? – обратилась повариха к Мише, продолжая начатый разговор. – Он Лариску прогнал. Чем лечить будем? Где врача искать? Врачей не любит, на Лариску думал, что она балерина, потому только пустил. Потом уж привык. Что она ему вчера лягнула, не знаешь?

Дина не поверила своим ушам. Неужели хозяин прогнал красавицу? Наверное, за вчерашнее.

– Она деньги попросила, чтоб за мной ухаживать, – сообщила Дина.

– Пожадничала, – вздохнула повариха.

– Теперь беда, помрет хозяин, – горестно вставил Миша.

Дина принялась за кашу. Положила немного масла и варенья, размешала, зажмурилась от восторга. Давно не ела каши, все картошку и овощи. Подгрела ложкой и слушала, о чем говорят повариха с таджиком. Повариха Люба Ларису осуждала за норы. Пришла работать, так работай. Миша ее не осуждал, полагал, что молодые все злые, гордые, горячие. Медсестру найти можно в поселке, да только кто ее в дом пустит? Паша только старых знакомых признает, новых не любит, только если артистов, так и их тоже дразнит.

В общем, проблемы у них с этим Пашей, думала Дина. Еще хуже, чем с конным спортсменом возятся. Но тот хоть красивый и знаменитый, а этот толстый... Зато аэропорт украл! Вот в чем все дело. Теперь жирует. Жирует – значит от жира лопается, весь больной и в запоях. Гос-споди, ну и замок!

– А почему он такой? Ну, хозяин? – спросила Дина.

– Деньги все. Испытание это, – охотно пояснила Люба. – Вот мне предложи замуж за богатого – не пойду. Как жить-то с ними? Пьют, измываются, дуркуют. И терпи. На моего топнешь – замолчит, совесть есть у него. А у Паши нету. Какая в нем совесть? Давно пропил. Пустой человек, незлой хотя. Жалко его, а все сам виноват. Душу загубил, а часовню построил. А только в часовне той привидение живет. И по ночам воет.

– Привидение!?! – ахнула Дина, а Миша укоризненно покачал головой.

За окном раздался знакомый рев, и все бросились смотреть, что случилось. Миша открыл окно, чтоб лучше было слышно.

На круглой площадке перед домом, обсаженной розовыми кустами, хозяин орал на Мариулу, чтобы она выметалась. Рядом стоял смиренный Бондарчук.

– За что? Мариула зло сверкала глазами.

– Ни за что... непонятно объяснил хозяин и поддернул штаны. – Я так захотел.

– Я ничего не сделала, – возразила та.

– Вот именно. Могла сделать, а не сделала. Все дармоеды, все на моей шее сидят, – он похлопал себе сзади по шее. – На моих болезнях наживаются!

– Кто виноват, что ты пьешь? – спорила Мариула. – Я, что ли? Я работала, исполняла, что положено...

– Даром хлеб ела. И вообще зря небо коптишь. Какой в тебе смысл? Дармоеды все, зачем живут, не пойму? Людишки все только и знают, что друг друга обглаживать. А я так не хочу. Паша Вертолет не хочет, чтобы его жрали. Понятно? Убирайся давай отсюда.

– Да что я сделала-то? Объясни, тогда уйду.

– Бондарчук, объясни ты ей.

Бондарчук задумался. Умственные усилия, отразившись на лице, его не украсили. Он собрал весь лоб в одну складку, которая выпирала, как мяч:

– Значит так, слушай сюда. К чемпиону клеилась, раз. Торговалась из-за работы, это два... При госте хозяина позорила...

– Ах ты, стукач! – медсестра подпрыгнула и ловко залепила Бондарчуку пощечину.

Тот смолк и заморгал, а она громко зарыдала и побрела в дом. Видимо, вещи собирать. Паша обошел круг, осмотрел засохшие розовые кусты, потом повернул к кухне, и в окне показалось его страшное красное лицо.

– Привет, – сказал он.

Кухонные люди радостно закивали, здороваясь. Дина поздоровалась сухо: медсестру, хоть она и злая, было жалко.

– А, – сказал, он разглядев Дину на табурете, с ложкой в руке. – Важная персона! Питаешься за мой счет, а как насчет вежливо поздороваться?

– Я могу уйти, – Дина, ужасно оскорбившись, соскочила с табурета. – Хоть сейчас!

– Ладно-ладно, я пошутил... Лучше сходи собак покорми. А то сама налопалась, а псы голодные.

Отдутьловатое лицо в окне пропало, Паша удалился инспектировать владения, а Дина все еще переживала свое унижение. «Импотент ползучий!» – прошептала она, а потом опасливо огляделась по сторонам, не слышал ли кто. Если так пойдет, она тоже станет злючкой, как медсестра. Целыми днями будет поливать хозяина руганью.

– Он всех что ли куском хлеба попрекает? Жадный что ли? – спросила Мишу.

– Аутизм у него, – ответила Люба.

– Чего у него?

– Раздражают все, не хочет людей видеть. Видишь, как тут народу мало? Еле справляемся с хозяйством, а нанимать не станет. Мешают ему все. Мишу

вот только любит... За то, что тот молчит всегда и незаметный.

Миша кивнул и улыбнулся.

В окне снова появилось страшное лицо.

– Так ты собираешься собак кормить? – Паша обращался к Дине.

– Я не умею.

– О-о! – застонал он. – Все-му-то учить надо! Сам приюти, сам корми, сам учи!

Дина на этот раз не обиделась. С хозяином было все понятно. Ему с людьми тяжело. Он больной. Не позавидуешь ему, с такими-то болезнями. Дина вышла с кухни, и они отправились на псарню. По пути Паша выспрашивал Дину о родителях. Похоже было, что Алика он знал, но виду не подал. Выспросил, сколько дней они бродят и какая у нее сестра. Сколько лет и прочее... Что, может, у Светы с чемпионом шуры-муры? Дина отвечала скупно. И не то, чтоб ей не хотелось поговорить, а просто этому Паше она не слишком доверяла. Он мог все перевернуть наизнанку. У него все были виноваты, один он лучше всех. А сам хитрый, глаза узкие. И все учит и учит. А если любишь учить, так и иди в учителя. Дина поинтересовалась, не учитель ли он, и получила утвердительный ответ. Учитель жизни. Образец и пример того, как жить нельзя. Отрицательный пример и есть лучшая школа.

– Никогда не будь такой, как я. Это очень печально, – подытожил Паша.

Дина заинтересовалась, какой именно не надо быть, и он охотно перечислил: жадной до удовольствий и способной ради этого на все. У человека должен быть ограничитель. А он свой потерял, потому и примчался к концу жизни. Висит над пропастью. Только с виду живой, а внутри покойник. Все надое-ло, все исчерпалось, ничто не радует. Приходится пить, а это смертоубийство.

– Может быть, вам устроиться в церковь работать? Священником?

Дина это просто так сказала. Потому что черное платье ему бы больше пошло, чем штаны, поверх которых живот лез во все стороны. Но Паша согласился, что, может быть, и стоило бы попробовать. Однако в голосе его все равно была тоска. Не дойдя нескольких шагов до псарни, он вдруг развернулся и пошел обратно, на Динины вопросы никак не отреагировав.

Она, постояв немного, вернулась в кухню просить помощи. Миша пошел с ней кормить собак, а Люба завздохала насчет хозяина и врача, мол, пить пошел, а докторов поблизости нету, и как бы Ларису задержать, а как задержишь-то? Тоже нельзя поперек идти, хуже будет.

9

Шиза, как сумел, решил материнский вопрос и, подстегиваемый взбешенным гибелью людей Костей, снова принялся за поиски детей. В Крючковой, где девчонки раньше жили у художника, дом охраняли военные, да и вряд ли там станут отвечать на вопросы, даже если знают ответы. Тетка с автолавкой тоже могла быть в курсе их местонахождения, но искать ее не стоило, потому что в этой деревне на их совести был воинственный алкоголик. Соваться туда было рискованно: джип уже хорошо запомнился местным. Оставалась сумасшедшая Алка, у которой в этих краях жил приятель. Надо звонить ей.

Ответ его обрадовал. Алка обещала разузнать про девочек, напомнив их договор. Она помогает ему при условии, что старшая достанется ей. Шиза, махнув рукой на Алкины капризы, согласился. Она справилась оперативно, к вечеру сообщив, что в Бруснях идут конно-спортивные тренировки, и девочки живут там же. Прибились к конной группе, которой руководит Филипп Афиногенов. Шиза удивился. Будем надеяться, что к его сестрам он отношения не имеет. Иначе – сплошные головняки.

Шиза отправился разведать обстановку, помня Костино предупреждение, что самодеятельность запрещена. Только по приказу. У Кости, чуть что, обострялась паранойя. Он считал всех тупыми или коварными. Шиза за последнюю неделю, похоже, переместился из первого разряда во второй. Его заподозрили в игре на два фронта и лишили самостоятельности. И хрен с ним, с этим Филиппом, злился Шиза. Сам пусть ищет иголку в стоге сена.

Но по дороге в Брусняны случилось то, чего никто ожидать не мог. Они шли на приличной скорости, когда все замечавший Болт вдруг заорал: «Тормози!»

Шиза сдал назад, они выбрались из джипа и огляделись. Почти незаметная под разлапистой елкой на обочине, прижав колени к подбородку, сидела Света. Увидев затормозивший джип, она даже не шевельнулась. Конечно, она узнала этот автомобиль, что стоял на холме, когда с ракетами штурмовали дом Арсения, но она устала бояться. Бегать, прятаться... В конце концов, им нужна не она... И вообще, чему суждено, то рано или поздно случится...

Шиза встал напротив, поставив ногу на пень и наклонился над ней. Света подняла голову, взглянула в его светлые холодные глаза. Такие совсем светлые голубые глаза она не любила. Хозяин таких глаз, у которых не было дна, может быть способен на все. Шиза протянул руку и поднял кверху ее подбородок. Она спокойно отклонилась, во взгляде ее мелькнуло недоверие, но страха он не заметил. Он вдруг узнал в этом движении неколебимое спокойствие Димы Чуфарова, его манеру поворачивать голову. Неужели безумная Алка права? Уважение к Диме невольно перенеслось на девочку.

– Где Дина? – спросил он.

– Там, – она кивнула ему за спину.

Он оглянулся. Сквозь лес проглядывали башни внушительного сооружения.

– Надолго?

– Не знаю.

– А хозяин кто?

Света пожала плечами.

– А ты что тут, ждешь?

– Ну, жду. Только не Дину. Другого человека.

Больше ничего выжать из нее не смог, на все вопросы Света равнодушно пожимала плечами. Страху на нее нагнать не удалось, – была, как деревянная. Кирилл отошел подальше и набрал мобильный Кости. Оставив Свету, они проехали триста метров вперед, свернули в лес и стали ждать, как будут развиваться события. Не факт, что сестра сказала правду и младшая находится поблизости. Нужно было сначала это проверить, а затем снова связываться с Костей.

Просидев в засаде четыре часа, они засекли автомобиль, в котором рыжеволосая барышня отвезла в Брусяны Свету и, что настораживало, Филиппа Афиногенова. Все это разглядел зоркий Болт. Джип проследовал за их «девяткой» до Брусян, и когда стемнело, они, насколько смогли внимательно, обследовали поселок. Никаких следов Дины там не обнаружилось. То есть, старшая могла сказать правду: что Дина осталась в лесу у владельца крепости, вид которой не сулил легкой победы. Господин, владевший ею, обещал быть серьезным противником. Уровень задач повышался, как в компьютерных играх. Если раньше они сражались с художниками и алкоголиками, то теперь в игре участвовали звезды спорта и местные олигархи. В поисках укрытий девчонки явно поднаторели... Если старшая спокойно называет место, где прячется младшая, это плохой знак. Либо крепость в лесу неприступна, либо это ловушка. Шиза прикинул в уме связи Алика. К кому тот мог обратиться за помощью?

А ни к кому. Такое и представить невозможно, чтобы Мирза с кем-то скорешился и попросил помочь. Он этого никогда делать не станет, это раз, и даже если б захотел, не умеет, это два. Ни просить, ни дружить. Ни он никому, ни ему никто. Только в одиночку, отсюда все его проблемы. Все себе, все лично для себя.

Вряд ли замок был задуманной ловушкой. Скорее, очередным испытанием для нервов.

У ближайшего линейного пункта Шиза с Болтом сделали остановку. Шиза разминал затекшие за день ноги, когда из здания вышел капитан крупного формата и уставился на джип. В глазах его появилась настороженность, но отвлекли какие-то дела, и капитан, хмуро кивнув на приветствие, свернул за угол, а Шиза заглянул внутрь.

Там, развалившись в кресле, спиной к рабочему столу, лейтенант Лошак пил чай и смотрел телевизор. При виде гостя он не торопясь опустил ноги с тумбочки, где пристроил их для удобства.

– Никакой информации по пропавшим детям не поступало, – сообщил он с ходу, но лицом к вошедшему не повернулся. Так, глянул через плечо.

– Так-таки не поступало? – изобразил задумчивость Шиза.

Мент попался самой неудачной сборки: толстый, ленивый и жадный. Мздоимец.

– Они в вашем районе всю дорогу крутятся...

– Не поступало, – отрезал тот. – Я б позвонил.

Конечно, позвонил бы за семьсот-то баксов... А вот зад оторвать от стула – это уже никак.

– Я не за этим. Там на шестнадцатом километре крепость такая круглая. Хо-

зяина знаешь?

– Может, знаю, может, не знаю...

Шиза выложил на стол купюру и подвинул. Лейтенант, мельком взглянув, повернулся через плечо и убрал ее в карман.

– Павел Дредо, частный предприниматель, чемпион среднего веса по вольной борьбе.

– А поподробней?

Вместо ответа лейтенант Лошак с туманным выражением посмотрел на стол. Шиза достал еще купюру.

– Личность неменяемая.

– Оружие есть?

– Арсенал, – злорадно хмыкнул Лошак. – Еще собак может натравить.

Чему радуется, козел, разозлился Шиза. Жажнуть бы по этой ментовке, все равно толку никакого от этих деятелей, только вред один. Он повернулся, чтобы уходить, и миролюбиво напомнил:

– Если про девчонок сведений не будет, аванс придется отдать.

Лейтенант знал, что вряд ли, если дело у пацанов выгорит, они пошевелятся вернуть такие скромные деньги. Лично он искать ничего не собирался, разве дети сами появятся, а так – иди ищи их. Район огромный, забегаешься.

Дверь за незванным гостем захлопнулась. Лошак снова водрузил ноги на тумбочку, немного поразмыслил над сложившейся ситуацией и набрал номер старого, с крутящимся диском телефона.

– Бондарчук, узнаешь? Не спи, замерзнешь. Тут Пашей из города плохие люди интересовались. Вообще-то они по детям... Ну, то есть детей каких-то разыскивают. Может, в этой связи, а может... Если что, свищи. Не надо благодарности, лучше помоги материально... Что Паша? Совсем плох? А, ну да... Жаль, жаль хорошего человека... Ну бывай, Бондарчук, береги себя.

Лошак положил трубку как раз вовремя. Стукнула дверь, вернулся капитан Истратов. Сел, сдвинул фуражку на затылок, вытер со лба пот:

– Семен снова набедокурил...

Лошак, уже успевший убрать ноги с тумбочки и повернуться на стуле, глянул на начальника сочувственно. Да, тут не позавидуешь.

– Помнишь, лошадаики заявление писали про взрыв на участке, на конечной? Так это его работа. Все ему спокойно не сидится. Видели его местные, и Лиза, и дед Прохор... Драть его, что ли?

– Сирота все же... – заметил Лошак. – Чего его драть-то? Так не остановишь, хуже будет. Разбираться надо, воспитательную беседу провести...

– Проводил уже! – Истратов швырнул фуражку на стол. – То деньги в игровых автоматах просадит, то на танцах драку устроит. Шило в заднице. Огород запустил, дом разваливается, ему все по фигу. Хочет жить один, а не умеет, весь день впроголодь на мотоцикле воду мутит. Только бензин изводит не по делу. Сам спокойно не сидит, и никому от него покоя. Все что-нибудь да изобретет. Чего не хватает, спрашивается?

– Учеба в железке начнется, и отдохнем малость. Потом армия, опять передышка. Перерастет он, Александр Николаич, временно это. Да и по матери он, видно, убивается...

– А! – Истратов безнадежно махнул рукой. – Всегда такой был. Что армия? Сразу штрафбат, с таким-то характером. Горбатого могила исправит. Есть та-

кие, что и на пенсии куролесят. Ладно, закрыли тему. Чего городские заезжали?

– Пашей Вертолетом интересовались. Если опять собственность делить, так это вроде не то. Тогда бы они хоть имя знали, а тут не в курсах... – размышлял Лошак.

– А ты что?

– Я предупредил, что ловить нечего. Были уже охотники Пашу штурмовать да быстро закончились. Пах-пах – и на том свете отдыхают.

– Это все Бондарчук, – заявил капитан и поднялся, чтобы поставить чайник.

Чай он любил листовой, и процедура чаепития его успокаивала и внушала бодрость. Если у человека при всей изменчивости и каверзости жизни есть постоянное утешение в виде чаепития, то есть занятия, ничего взамен не требующего, то вывести его из себя сложно. Также и сбить с ног. Человек живет привычным. Встал, попил чаю – и все в порядке. Чай не водка, здоровье не отнимает.

Капитан Истратов с удовольствием втянул запах свежесваренного напитка.

– А причем тут Бондарчук? – перебил его мысли Лошак. – Он же это... Охрана.

– А вот тут ты ошибаешься! – провозгласил капитан, отхлебнув из огромной чашки. Настроение его улучшалось прямо на глазах. Даже вечные круги под глазами вроде пропали. – Я про Бондарчука давно заметил... Он умом не блещет, а Пашей-таки управляет. Отсюда вся интрига. Паша – личность неустойчивая, всему подверженная, а Бондарчук кремень. Три мысли в голове, зато навсегда. И своего он не упустит, ибо хохол. – Заметил, сколько часов поменял за год? То такие часы, а через месяц еще круче, а потом снова. Доит он Пашу и вертит им... Да... Про Бондарчука я думал... Он простой, а простота, как известно, хуже воровства.

Лошак с мнением капитана не согласился. Конечно, Бондарь не без хитрецы, а только Пашей крутить ему слабо будет. Хозяин сильно бешеный, такого не перехитришь. Истратыч все преувеличивает. Но капитан готов был спорить, что простой непростого обыграет на «раз». Если Бондарь уже пять лет каждый день наблюдает хозяина, то знает его досконально. Как Паша ни выступай, телохранителю набор выходов давно известен, выше головы не прыгнешь. Клиент конечен и в быту, на близкой дистанции очень даже понятен. Паша пугать и морочить может незнакомых, а свои его изучили до деталей. Другое дело, что своих можно по пальцам пересчитать, больно недоверчив.

– А зачем Бондарю хозяина обводить? Работа вроде непыльная? Не то, что у нас, – поинтересовался Лошак.

– Это другой вопрос. Никто не живет спокойно. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. В результате имеем рост криминала!

Этим глубокомысленным замечанием капитан Истратов завершил обсуждение проблемы. Действие листового чая закончилось, а без него капитан был скорее молчалив, нежели разговорчив. На рассуждения его тянуло редко, но, как показывала практика, обычно они имели какое-нибудь продолжение. Действительность довольно быстро либо опровергала, либо подтверждала его домыслы. Поэтому лейтенант Лошак заинтересовался вопросом, кто кого пе-

ресилит, ежели Бондарчук, возмечтав жить лучше, чего-нибудь не поделит с Пашей.

С одной стороны, лейтенант от работы уставал и прибыли от нее было мало, только чувство власти приносило некоторое удовольствие. Но когда ничего не происходило, любопытному Лошаку становилось скучно. Чай и водку он не любил, телевизор ему надоедал, и тогда даже конфликты на бытовой почве оживляли. Лошак зевнул, прихлопнул газетой запоздалую муху и прикрыл глаза. До конца дежурства оставался еще час, а Истратыч засмотрелся на экран. Показывали вручение «Оскара».

Света, сидя в машине с Филиппом и Юлей, раздумывала над тем, что сообщила бандитам в джипе, и жалела Динку, оставшуюся в замке. Конечно, какое-то время она будет в безопасности, раз Филипп договорился с хозяином. А что потом? Когда-нибудь все равно замок придется покинуть, и тогда у Алика будут проблемы. Бандиты рыщут поблизости и вряд ли упустят такую возможность. «Но пусть сам эту проблему решает, раз натворил дел и...» – мстительно подумала Света.

В конце концов, ей пришлось изворачиваться, как умеет. Лучше б было промолчать и дать себя зарезать на обочине, как те намекали? Что, мол, никто и не хватится тут в кустах. Может, и не хватится, а может, и хватится. Как знать? Об этом лучше не думать. Думать о том, кто о тебе, если что, заплачет, не стоило. Есть занятия получше. Ей еще предстоит ехать в Москву. Разыскивать стрелка, работать в его охране. Он обещал ее взять, и с этой историей надо заканчивать. На ухабе трянуло, локти соседей соприкоснулись...

– Я не ударил тебя? Извини, если что, – заметил Филипп и снова принялся смотреть в окно на вечерний, быстро темнеющий лес, по-осеннему пасмурное небо, бесконечную дорогу, взбирающуюся вверх, на холм.

– Люблю такую погоду, – заметил он. – Она соответствует тому, что внутри. Я вообще невеселый человек. Хотя не плохой, – он, слегка улыбаясь, покосился на Свету. – В отличие от большинства людей спорта. От них лучше держаться подальше.

– Почему? – спросила Света.

– Они маньяки. Если достигают успеха, хотят большего. Гонятся за славой.

Света не очень вникала в то, что он говорил. Больше смотрела, чем слушала. Все сказанное казалось ей истиной, не нуждающейся в проверке, но она бы не смогла сделать из этого никаких выводов. Было сложно представить постоянно гонящихся за славой людей. Зачем? Ведь если все время жить на публике, уже не будет ничего настоящего, придется оглядываться, следить за собой, контролировать каждое слово, и тогда прощай, свобода! Стоит ли оно того?

До Брусян доехали незаметно, и перед тем, как попрощаться, Филипп посвятил их с Юлей в свои планы. Планы касались всех троих. Группа свою работу закончила; через два дня они вылетают работать в Саратов. Билеты уже заказаны. Услышав про билеты, Света замерла. Сердце почти остановилось, а потом застучало в бешеном ритме. Значит, зря она на него надеялась. Он уезжает.

Но, если она хочет, продолжал он, она может поехать с ними. Работа всегда

найдется, Света человек надежный и не ленивый... Встает вопрос документов, без них нельзя. Наверняка можно их вызволить, надо им с Юлей съездить завтра вечером часа на три в город. Попробовать.

Света хотела спросить, за что ей такая удача, но промолчала. С Филиппом ей повезло, с ним она вырвется из замкнутого круга. Он берет ее с собой! О Динке в тот момент она вообще не подумала. Мысль о сестре посетила ее спустя пару минут.

– А Дина?

– Паша о ней позаботится, Дина ему приглянулась. Если удастся, сообщи родителям. Ну там, записку оставь, когда с Юлей поедете. Когда смогут, заберут ее. Не волнуйся...

Света долго не могла уснуть. Похоже на сказку. Неужели все наконец разрешилось? Дина устроена, а она уезжает с надежным человеком, у нее будет даже работа, в школу можно пойти и на следующий год, школа не убежит. И все их мучения были не зря, они выпутались? Разве так бывает? В голове вдруг заиграла музыка «Я построил всем такой волшебный чудный город...» А вдруг это город на песке? Вдруг жизнь опять, как у Цоя, вызывает ее на бой? Все, что случилось с ними за последний месяц, весь этот опыт запрещал мечтать. Но она все равно надеялась. Бывают же передышки между боями, и тогда ты счастлив. Как она сейчас. Почему он решил ее взять с собой? Ведь не просто пожалел, а сказал, что она надежная. Думает, что она будет ему помощницей? Он прав, она горы свернет. Все-таки какой он хороший человек! Столько они мучились, а ему ничего не стоило. Пристроил Дину, ей нашел работу. Если научиться ездить на лошадях, можно на время стать его помощницей, потом закончить школу и поступить в институт. Главное, сохранить все, как сейчас, и найти стрелка. «Господи, помоги нам выпутаться!» – взмолилась Света.

Она еще долго ворочалась и заснула с трудом. Волновалась из-за своей будущей жизни. Ей хотелось, чтобы в этой новой жизни она ни от кого не зависела. Ни от мамы, ни от Алика. Хватит с нее этих уголовных вариантов. Взрослым жить трудней, зато они все решают сами и сами же отвечают за эти решения.

Вечером, как и договорились, они с Юлей поехали в город. Въезжали уже в девятом часу. Улицы, светящиеся рекламой, казались празднично-нарядными. Света уже отвыкла от города, притерпевшись к поселковой темноте и бедной неопрятности, а сейчас все поражало блеском и элегантностью. Встречались хорошо одетые люди, красивые умные лица. Совсем другая жизнь, не похожая на ту, что они вели последнее время. Света вздохнула: ничего, осталось совсем немного, сейчас она заберет документы и... Они остановились. Вот облупившийся бабушкин дом, а окна не горят. Зияют пустотой. Неужели она уже легла?

Света насторожилась: так рано баба Нина никогда не засыпала. Она вышла из машины, поднялась по лестнице, позвонила. Кто-то поднимался следом за ней, но когда она остановилась, шаги вдруг стихли. Света, волнуясь, не обратила на них внимания, позвонила еще раз и, не дождавшись ответа, отперла двери, зажгла свет в прихожей и вдохнула знакомый запах лекарств. Села на табурет, сняла кроссовки. Вот она и дома. Украдкой, как воровка, проникла в

свою квартиру. Было тихо, пыльно и пусто – бабушка либо в больнице, либо ее увезли от греха подальше.

Если б что-нибудь случилось, в доме бы был беспорядок, а тут все прибрано, каждая вещь на своем месте. Халата розового только нет. «Наверное, все-таки в больнице...» – решила Света. Или у мамы. Нельзя думать, что с человеком случилось плохое. Накликать, как говорила бабушка.

Она прошла в комнату, открыла гардероб с вещами и нащупала на полке под полотенцами стопку документов. Вынула свое свидетельство, засунула в карман. С наслаждением переделалась в чистую футболку и штаны, взяла заколку для волос, подумав, что неизвестно, когда еще доберется до парикмахерской, когда сможет позволить себе постричься. Деньги, выигранные у стрелка, еще оставались, но не хотелось их тратить. Деньги и визитка были как талисман. Так мало у нее осталось от него на память, но так много эта память занимает в ее жизни. Как странно.

Она прихватила любимую зубную щетку, подумав, что покидает дом налегке. В общем, ничего у нее и нет. Кассету Цоя она отложила в сторону с сожалением. Так долго его любить, и разлюбить окончательно. Грустно. Дом, в котором она отсутствовала несколько дней, показался ей состарившимся. Но вряд ли он успел измениться. Скорее изменилась она. Слово его покинула одна девочка, а вернулась другая. Сейчас он выглядел не слишком надежным убежищем. Домом, в котором оставаться нельзя. Стены ее не защитят. Только сама, только на себя и можно надеяться. Еще на хороших людей, которых надо уметь отыскивать среди сброда.

Она замкнула двери и вышла. На площадке стояла миниатюрная женщина, выражение ее лица Света не могла разобрать в тускло освещенном пространстве с темными обшарпанными стенами.

– Света? – спросила женщина и сделала шаг вперед.

Вообще-то Алла оказалась здесь случайно. Она проследила, как Наталья увезла мать в загородный санаторий, а дальше пропала из поля зрения. Жена Мирзы научилась испаряться прямо на глазах, и, как ни старалась Алла, она все-таки ее потеряла. Теперь, после убийства Гурама и Витька, никто не знал, где Мирза и члены его семьи. Даже Костя, занервничав, заметался, поняв, что касса уходит, а поделать ничего нельзя.

Сегодня Алке, можно сказать, крупно повезло. Она узнала, где находится Наташкина мать. Правда, чем это поможет братве? Вряд ли Алик так уж дорожит своей тещей. А теперь вот подарок лично ей. Эту девочку она узнала бы из сотен. Она была именно такой, как ей представлялось. Со сдвинутыми бровями, неприступная, серьезная красавица, небрежно, кое-как одетая, пренебрегающая внешностью.

Зачем, спрашивается, Алле было возвращаться в этот дом? Ее привела интуиция.

– Да, а что? – Света глянула исподлобья. – Что-нибудь нужно?

– Хочешь узнать об отце, пойдём со мной.

Света застыла. Получалась, как в Динкиных страшилках. К тебе подходит незнакомка и предлагает конфету. Ты, как овца, идешь. А что дальше? Скелеты детей в подzemелье?

– Мы можем поговорить и здесь, – Света кивнула на дверь. Потом сообрази-

ла, что приглашает в квартиру человека, которого впервые видит.

– Нет, здесь мне нельзя, – Алка сказала правду, она видела, что ей время от времени уделяют внимание Аликовы братки, а встречаться с ними не хотелось. – Мы можем дойти до ближайшего кафе...

– Хорошо, – сразу согласилась Света.

По виду женщины было не сказать, что это мошенница. Дорогие шмотки, и волнение. Главное, она сильно психовала, отчего Света почувствовала себя уверенней. Они спустились по лестнице, вышли из подъезда, и Света повернула к машине предупредить Юлю, что задержится, но Алка вдруг нервно схватила ее за рукав. Ей показалось, что Света передумала и хочет уйти. Девочка вырвала руку и посмотрела внимательно. Алла едва не задохнулась, встретив знакомый взгляд. Она даже знала, как его расшифровать. «Ты что делаешь?» – так бы прозвучал этот вопрос в устах Димы.

– Нам не туда, – сказала она Свете.

– Я предупрежу, – пояснила та. – Меня ждут.

Алла ревниво оглядела рыжеволосую девицу в машине. Ей хотелось обладать девочкой в одиночку. Чтобы никто не мешал...

Они прошли до ближайшего кафе и сели за крошечный стол напротив друг друга. Официант принес две чашки кофе. Они молчали, разглядывая друг друга.

У Алки заблестели глаза. Есть многое, что радует людей. Кому-то достаточно увидеть гору бабла, кто-то обрадуется виду паленой водки. Есть те, кому надо светиться, петь в свете прожекторов, без этого они чахнут. Есть и такие, кому надо плющить, убивать, мучить ближних и пинать бездомных собак. Много видов удовольствий и счастья. У Алки же все ее радости сконцентрировались в этой девочке, с ней были связаны ее планы на жизнь, и она ничего не могла с собой поделаться. А девочка сидит, размешивает ложкой сахар и даже не догадывается об этом.

Но девочка что-то почувствовала. У нее от волнения начало колотиться сердце. Наступал момент, которого она так долго ждала. Сейчас она узнает об отце. Алка, заметив, что ожидание мучительно затянулось, пришла ей на помощь:

– Я сразу скажу самое тяжелое. Твой отец погиб сорок пять дней назад. Разбился на машине на мокрой дороге. Меня зовут Алла, я его бывшая жена...

Света растерянно замерла. Значит, он умер, а они не встретились... И уже не встретятся никогда... Как это могло произойти? Почему, за что? Это несправедливо. Как теперь быть? И эта картина в парке, когда два человека идут навстречу друг другу, медленно сближаясь и узнавая, неужели этого никогда не случится? Почему эта женщина явилась так поздно? Не могла прийти, пока он был жив? И что ей нужно? Света, опустив голову, молчала, сдерживая упреки.

– Я предлагаю тебе жить со мной. У меня есть деньги и цветочный магазин. Ты будешь обеспечена.

Света удивилась. Предложение показалось ей нелепым. У нее были свои дела и планы. В них странной незнакомке места не предусматривалось. Она была лишней.

– Зачем вам это? Жить вместе? – мрачно спросила она.

– Так будет лучше всем. Ты потом поймешь, может, не сразу. Человеку луч-

ше жить с тем, кому он нужен. Это самое верное.

Света подумала, что такой человек у нее уже есть. Рано или поздно она отыщет стрелка и будет его помощницей, и это так же верно, как то, что за окном стоит Толик и их разглядывает. Алла его не видела, а он делал Свете знаки, мол, выйди. Но Света отвернулась, точно ничего не заметила. Эта женщина явилась поздно и некстати. От нее хотелось избавиться. Мечта об отце рухнула в один момент, но на ее месте уже выросла другая. Все остальное уже ни к чему.

– Ты подумай, я тебя не тороплю, – заговорила Алла. – Мирзе с Натальей не до тебя, да и долго еще будет не до тебя, может быть, всегда. А со мной скитаться и голодать ты не будешь.

Алка посмотрела преданным собачьим взглядом. Свете вдруг остро захотелось уйти и никогда больше не видеть эту особу. Она ее почти возненавидела за произнесенную вслух правду и даже не почувствовала угрызений совести. Раньше на Востоке гонцов с плохими вестями убивали. Эта женщина отняла у нее надежду, а взамен предложила безбедную жизнь. Света презрительно сощурилась. И почему она так странно смотрит? Как раб на господина, от которого зависит его жизнь. Она поглядела в окно, но Толика там уже не было.

– А кем он был? – сухо спросила Света, имея в виду отца.

– Ну... Он был большим человеком. И очень хорошим.

Света еще раз оглядела Алкин наряд, оценила уклончивость ответа и спросила напрямик:

– Кем он был по профессии? Только честно.

– Тем же, кто Алик, – резанула правду Алла.

Она увидела, как мгновенно погасли у девочки глаза. Как она сразу расхотела разговаривать... В эту секунду рухнули все Алкины планы на хорошую, счастливую жизнь. Повалились, как ветхий забор. Распались на куски и обломки, как старый дом, уничтоженный строителями. Алла не догадывалась, что дочка Димы ненавидела бандитскую среду и сторонилась всего, с ней связанного. Следовательно, и Алки с ее магазином тоже.

– Я сказала правду, прости. Он был настоящим мужиком.

Света презрительно передернула плечами и отвернулась к окну, высматривая Толика. Хоть бы он ее выручил. Но помощи ждать было неоткуда.

– А что, настоящие тоже детей бросают? Как и ненастоящие?

– Он не бросал. Наталья его не дождалась с...

– Понятно. Можете не продолжать. Жить я буду с бабушкой. И от матери не уйду, какой бы она ни была...

– Я знаю, что с вами случилось. Я хочу помочь тебе, потому что ты его дочь. Тебе, а не Дине.

Алка понимала, что говорит не то, что Свету сказанное отдаляет, что пропасть между ними углубляется с каждым произнесенным словом, но продолжала цепляться, как утопающий за соломинку. Говорила и тут же проклинала себя за глупость. Что ей стоило соврать про Диму? Какая, в конце концов, разница, кем он был, пусть бы дочь думала, что он был обычным человеком с обычной профессией. Но тогда она предала бы Диму, и неизвестно, чем бы все закончилось. Эта ложь не давала никаких гарантий. Про помощь тоже говорить не стоило, девочка гордая, из тех, кто выкарабкивается сам. Ясно было, что все не то, что это конец. Но отдать, когда Алка ее уже присвоила в своем

сердце, было невозможно. Просто невозможно было отдать такую. Сейчас она виделась Алке несчастной, трогательно-беззащитной гордячкой. Очень одинокой, всеми покинутой девочкой-женщиной, не желающей сдаваться судьбе.

– Меня ждут, – сказала Света, встала' и пошла к выходу. Алка бросилась вслед. На улице в лицо задул ветер и полетели брызги дождя. Света, широко шагая, направилась в сторону машины, но Алка в два прыжка обогнала и схватила ее за руку:

– Пойдем со мной, прошу тебя. Ты никогда не пожалеешь, обещаю.

Откуда-то из пелены дождя вдруг вывернулся Толик:

– Отпусти ее, сука!

– Убирайся, сволочь! – закричала женщина.

Пешеход впереди оглянулся и поспешно ускорил шаги. Толик ребром ладони ударил по Алкиной руке. Света попыталась вырваться, но почувствовала, что женщина держит ее насмерть.

– Убью, гадина! – прошипел Толик, пытаюсь ее отодрать, но Алка развернулась и с неожиданной силой двинула ему кулаком в лицо.

Он не успел уклониться, удар прошелся по носу, Толик негромко вскрикнул, согнулся и сделал почти незаметное движение. Алкина рука вдруг разжалась, она пробормотала ругательство и повалилась на мокрый асфальт спиной. Голова ее стукнула, открытые глаза смотрели гневно.

– Быстро мотаем отсюда! Что встала, как чурбан? – Толик уже втаскивал Свету в машину, а она все оглядывалась на женщину на асфальте. Редкие прохожие обходили лежавшую, из кафе никто не вышел.

10

Юля, прождав Свету условленные пятнадцать минут, медленно двинулась в сторону кафе. Прямо в нескольких метрах она увидела женщину на асфальте. Ту самую, с которой уходила Света. Она выбралась из автомобиля и наклонилась рассмотреть. Светлая юбка на поясе потемнела от крови. Женщина издала стон, и Юля, нервно дернувшись, принялась заволакивать ее на заднее сиденье, взывая о помощи. Но улица точно вымерла. Загрузив раненую, Юля решила искать ближайший травмопункт, но раненая, простонав, назвала адрес поблизости.

– Где Света? Что с ней? – спросила растерянная Юля.

– Забрали... Падлы.

Услышав это, Юля внезапно вспомнила, где видела ее раньше. Ведь она сразу, даже в сумерках и издали, показалась ей смутно знакомой. Они виделись в доме со старухами-ведьмами, куда ездили смотреть говорящую козу. Неужели это была она? Совсем другое лицо, и только слово «падлы» ее выдавало. Остановившись через квартал, Юля, подняв незнакомку, заволокла ее на второй этаж и позвонила. Дверь открыл парень. Истекавшая кровью сказала ему: «Тот раз был, и правда, последний». Хозяин квартиры бросил на Юлю прозрачный взгляд, не послушаться которого было бы опасно для жизни. Так она его расшифровала.

– Уходи. Ты ничего не видела, ясно? – произнес он с угрозой, и глаза при этом показались ей белыми от ненависти.

Она быстро сбежала вниз по лестнице. Вот спасала, а кого? Неважно кого. Человека. Как странно изменился облик незнакомки... Неужели смерть кричит? Где же Света, что с ней? Где ее искать, и что она скажет Филиппу? Юля села в машину, положила голову на руль и задумалась. Очень хотелось заплакать. Зачем ей показали концовку этого страшного кино? Чью-то жестокую кровавую драму? Чтобы не забывала, что жизнь – это не постановочные эффекты? Чтобы не разучилась чувствовать? Что же делать, где искать девочку? Кто ее забрал, кто эти «падлы»?

Шиза, бережно уложив Алку на пол в подъезде, осмотрел рану и чертыхнулся. С такими не выживают. Ясное дело, Алке конец.

– Кто тебя? – спросил он.

– Один из людей Мирзы... Толик, кажется.

– Тебя утешит, если я отрежу ему яйца?

– Меня утешать не надо. У меня все хорошо. Скоро мы будем вместе. С Димой. Уже немного осталось.

– Что ты чувствуешь? Тебе больно?

– Облегчение. Облегчение, что все кончилось.

Алка закрыла глаза. Бледность ее была уже запредельной, кровь, похоже, вытекла вся. Да и сколько ее в этом тщедушном теле... Господи, неделю назад они спали вместе... Была вполне живая женщина, с которой можно было... А теперь осталось тельце и небольшая лужица крови.

Шиза встал и позвонил в дверь соседке. Открыла толстая женщина. Похоже было, что она наблюдала происходившее в глазок, и вид у нее был встревоженный. Она волновалась, любопытствовала, но не более того. Железная баба,

с нервами все в порядке, сострадание отсутствует напрочь. Бедная Алка, на кого он ее бросает...

– Соня, – сказал он, – у меня горе. Ранили мою знакомую. Вызови скорую. Мне придется уйти. Вот деньги. Меня тут не было. Ну, ты понимаешь?

Женщина деловито пересчитала и сунула деньги в карман халата:

– А что я буду отвечать? Как она сюда попала?

– Это не твоя забота. Ты услышала стон, открыла двери и все.

– Хорошо. Ты отнеси ее площадкой ниже, а то скажут, что на нашем этаже такое творится...

– Не стоит. Следы останутся. Пусть, как есть. Я не виноват, ты не виновата, отобьемся, Соня...

Шиза вернулся за пальто и покинул дом, не оглянувшись на распростертую Алку.

В казино он крепко выпил, пытаясь не думать о вечном и бренном. Два курса философского факультета иногда мешали ему жить. Играть не хотелось, телки казались пресными, заболели зубы. Алкины горькие поцелуи он запомнил. Только бы она не принялась звать его с собой. Так, как позвал ее Дима. В этом случае все уйдут, как по цепочке, друг за другом. Пытался же он ее остановить, нет, нарвалась на перо. Значит, сама захотела рискнуть.

И Толян этот ни при чем. В Алкиной истории он всего лишь орудие, исполнитель Диминой воли. Соскучился Дима – и Алку зарезали. Ладно, черт с ней, с этой бытовой мистикой. Тоже мне, Ромео и Джульетта! Он-то как завязался с этой смертницей? Зачем ему нужно было стать ее последним мужчиной и присутствовать при последнем вздохе? Окровавленное детское тельце в светлой юбочке и помада на губах. Обещала еще раз и, как всегда, надула, усмехнулся он. Верна себе.

Он вдруг встал, подошел к бездельничавшему Жоре и попросил спеть «Ах, какая женщина!». Под эту мелодию он всегда вспоминал польскую блондинку Людву Раковскую, город Сочи, где ночи были такими длинными, душными и ароматными. Звал же эту дуру в Сочи – отказалась. Смерть ее, видишь ли, поманила, и не сумела вежливо отказать. У всех бывает, что хочется сигануть с балкона, да только глупо. Колесо провернется, и снова посыплются дары, которых ты мог не дожидаться...

Он сжал зубы, вспомнив о Мирзе. Нет, Толян ему все-таки заплатит. Таких, как Мирза, надо учить. Мысли его повернули в другую сторону и мелькали, мгновенно сменяя друг друга. Зато действовал он обдуманно и неспешно. После Алкиной смерти тормозил. Бросил в подъезде истекающую кровью, заказал песню «Ах, какая женщина!». Позвонил Косте, собрал людей, и через полтора часа они обнаружили Толяна. Тот привел их к Мирзе, но Мирза опять соскочил, зато с Толяном Кирилл рассчитался лично, сообщив: «Это тебе за мою девочку, мразь!» Вначале попал в спину, а остальной заряд выпустил в грудь. И сразу успокоился.

Вскрыв и обыскав Алкину квартиру, нашел ее завещание. Свой цветочный магазин она по полной форме завещала Малаховой Светлане Александровне. Упертая все-таки. Что решила, то решила. Завещание он отдаст Рите, а также поручит ей заняться похоронами, потому что Алку хоронить, кроме братков, некому, а этим она по барабану.

Уже под утро, когда все задуманное случилось, он решил, что надо поехать к Рите, выпить с ней чаю «Липтон». Теперь он убийца, и надо с этим жить. Рита его заболтает, и он уснет. Может быть, уснет. Если перестанет думать об Алке. Вот девка, зараза... Он сильно отвлекся от кассы. Занялся Толяном, упустил Мирзу, дело побоку. Неадекватно текущему моменту. Поплыл по течению чувств. Во всем, что касалось Мирзы, его вела ненависть, а не забота о кассе. Отсюда все неудачи. Дело надо делать холодными руками мастера, а не с горячечной головой. Иначе – кердык.

Он взял частника, добрался до Риты и там, действительно, успокоился. С матерью ему повезло. Во всем, что касалось сына, она была поразительно умна и находчива. Странно, что этот ум давал сбои во всем остальном. Но с ним Рита была без промаху. Свежий чай и пустые разговоры. Ванна и теплый халат. Погладить по волосам, поцеловать на сон грядущий и включить розовый ночник. Вот и все, что ему нужно было, а все остальное – пустые хлопоты. Чего он точно достиг в этой жизни, так это отбил мать у родного отца, чтобы радоваться совместной жизни. Какие тут могут быть Родэ? Она и сама понимает, что все это так, соблюдение приличий, а жизнь их, с тех пор, как он родился, протекает, пусть даже в отдельных квартирах, совместно.

Рита же этой ночью, наоборот, совсем не спала. У сына жизнь всегда была рискованная, такой характер. Но он был ловок и увертлив. Сейчас что-то случилось для него чрезмерное, от чего он резко, в один момент ослабел. И даже сам не понимает, насколько слаб. Нужно уговорить его пару дней не выходить из дома, иначе что-нибудь случится. Надо, чтобы он ей поверил, а если не послушается, придумать какую-нибудь оздоровительную процедуру с Родэ. Живешь и не знаешь, от кого зависит твоя жизнь.

Умерла какая-то девица, и Бог бы с ней, но вдруг ни с того с сего это оказалось главным событием в жизни сына, а значит, и в твоей тоже. Пока девица была жива, он даже не понимал, что она важнее всего. Иначе б проговорился. Самые смертельные удары жизнь наносит из-за угла, откуда не ждешь. Потому и валит наповал, что человек к ним не готов. Вот муж ее, например, всю жизнь стонал, что без нее пропадет. А что получилось? Глазом не моргнул, женился через три месяца и живет себе, в ус не дует. Потому что про себя знал заранее. Понимал, что Рита с ним не уживется и рано или поздно все случится. Приготовился. Но не все такие честные, как она, и не все такие толстокожие, как ее бывший...

До утра Рита придумывала, как подольше удержать Кирилла в доме, задремала под утро, а когда проснулась, его уже не было. Выглянуло солнце, и все показалось не таким страшным, как ночью. Она заварила чай и забыла свои ночные страхи.

Юля, проездив два часа в поисках Светы, решила возвратиться в Брусяны. Вернулась она в полтретьего ночи, Филиппа будить не стала, решив, что расскажет все утром.

Утром он постучал к ней сам, узнать, чем закончилась поездка. По ходу ее рассказа мрачнел все заметней. Про поиски под дождем слушать не стал, а стал ее упрекать в легкомыслии. Как можно было отпускать девочку с посторонней женщиной, которую Света даже не знала. Может быть, она наводчи-

ца... Да кем угодно могла оказаться. Что все это не случайность, и дураку понятно, дело серьезное. Дальше он принялся ругать себя, что отпустил их одних, не поехал сам, недооценил опасность.

Юля, которая свое пребывание в группе мыслила еще и как заботу о нем лично, ужаснулась. А если бы он встрял? Хорошо, что не поехал. Все мужики одинаковы: где опасно, там им и надо присутствовать. Сейчас он переживает, что упустил случай погеройствовать. А что бы он сделал? Не пустил Свету с незнакомкой? Отогнал убийцу? Что? Нет уж. Он из тех, чья жизнь должна быть в безопасности. Жаль, что он сам так не думает.

– Да ничего с ней не случилось. Захочет – вернется. Мало ли что у девиц в голове.

Юля перевела разговор на более безопасную почву, но предположение оказалось ему не по вкусу.

– Она не такая, – возразил Филипп, – не обычная.

– Откуда ты знаешь? – возмутилась Юля. – Как ты ей в голову проникнешь?

– Чувствую, – вдруг улыбнулся он.

Вот же, досадовала Юля. За несколько уже дней привык, что девчонка ходит за ним, как привязанная, и не хочет расставаться с верной поклонницей. Зависимые существа эти знаменитости.

– Она хороший человек. Чистый, без изъянов. Поэтому я хочу ее вызволить из беды, а не потому, о чем ты подумала.

– А я ничего такого...

– Ага. Говори-говори. У нас всегда в запасе пара-тройка гнусных мыслей. А у детей нет, за это мы их любим.

Ну и ну! Признался, что любит! Проняло. А то все ходит, как во сне. Работа и только работа, без эмоций. А тут хоть кого-то заметил. Но что теперь с этим его капризом делать, непонятно. То ли искать девочку, то ли уговаривать лететь без нее.

Но он решил, что пара дней у них в запасе есть. Надо подождать, может быть, действительно, она вернется.

А не вернется, улетят без нее. Нельзя, чтобы дело зависло. Работа, только работа. Дети потом, хотя тоже важно.

Толян привез Свету в какой-то прокуренный подвал с двумя шконками и без окон. На узкой кровати сидел Алик и курил. При виде Светы он улыбнулся и встал, затушив сигарету. Сделал несколько шагов ей навстречу:

– Ну здравствуй, пропащая...

– Привет, – буркнула Света. Радости эта встреча не принесла.

– А Дина где?

– В надежном месте, в крепости. Туда они не сунутся.

– Покажешь дорогу?

– Конечно.

– А чего такая сердитая?

– Толик... – Света помолчала, – женщину убил.

– Толян, поди сюда.

Они отошли в угол, Толик жестикулировал, отстаивая свою невиновность, а Света смотрела на него и не понимала. Как Толик мог? Ну ударила она его по лицу... Ну не ножом же. Сволочь. Еще веселым прикидывался, шутки шутил,

убийца... Гад... Подонок...

Свете вдруг стало ясно, что эта женщина, что привязалась к ней со своим магазином, ею дорожила. И не так, как Алик, который сразу спросил про Динку. Дорожила она именно ею. Причем так, что не боялась умереть, ведь, похоже, знала, с кем имеет дело. Это Света про них до сегодняшнего дня не понимала до конца, хотя и догадывалась. Она оглядела Алика с неприкрытой ненавистью. Отчаянное одиночество вдруг подступило к ней совсем близко, окатив ледяной волной. Эта женщина была родной, чем-то связанной с отцом. Была свидетельством того, что он есть на свете или, по крайней мере, был, существовал наяву, а не в мечтах... «А эти термиты, – зло подумала она об Алике, – все уничтожили. Лучше быть совсем одной, чем с ними. Они только с виду люди, а на самом деле, могильщики. Еще неизвестно, кто на самом деле жив, а кто мертвец из серого подвала...»

Алик вернулся к ней пасмурный:

– Ты это... Свет... Не переживай. Она давно у меня на хвосте сидела. И сдавала вас с Динкой... этим... конкурентам моим. Плохим дядькам.

Алик выбирал слова аккуратно.

– Сволочь он, – Света зыркнула на Толика, – и трус.

– Поаккуратней, – зло одернул Алик. – Не понимаешь ты. Это тварь была, каких поискать...

– Она была женой моего отца! – выкрикнула Света. – Она хотела меня взять к себе. Ввиду ненужности! А он ее убил! Не сволочь, скажешь?

Алик обошел по периметру комнату с серыми стенами. Под потолком висела одинокая лампочка без плафона. Он остановился под ней, подпрыгнул, задел, и по стенам пошла легкая рябь.

– Ты что, – он усмехнулся, – ей поверила?

– Да, – выпрямилась Света.

– Зря.

Неизвестно, почему Света Алке поверила. Может, потому что та призналась, что ее отец тоже бандит, не стала врать и выворачиваться? Алик продолжал уверять, что это липа, а потом плюнул. Что, мол, он тут оправдывается... Перед кем? И поглядел на нее в упор. Взгляд был, красноречивей некуда. Вот именно. Для него люди – мелкая рыбешка, жизнь не стоит ни гроша, и оправдываться не стоит. Света тоже рыбешка. И мама, и Динка, если уж на то пошло. Что он тут изображает отца? Не только Она безотцовщина, Динка тоже, хотя и не знает об этом. Просто пока их интересы не противоречат друг другу. Но это все до поры, догадалась Света. Конечно, он будет играть в мужа и отца, изображать нормального. Но это пока хвост не защемят. Оборотень, вот правильное слово. И для него, и для Толяна этого.

Света направилась к выходу.

– Ты куда? – удивился Алик.

– Дела у меня.

– Э, стой, погоди... Какие дела?

– На работу хочу устроиться. Меня берут...

– А за Динкой ехать?

– Так поехали. Это по дороге.

– Завтра. Сейчас уже ночь. Завтра за час доедем... Так тебе не добратся, электрички же не ходят...

Света села на узкую койку. Не хотелось оставаться с ними в серой комнате, но он прав. Юля тоже доберется не скоро, скорее всего, ночью. До утра Филипп ничего не узнает, а утром она появится и все объяснит. Что она не сбежала, испугавшись работы, а просто попала в беду. Все как обычно. Только размечтаешься – и на тебе.

Толян приволок надувной матрац и вскоре захрапел, уложив под подушку целый арсенал. Алик проделал то же самое. Ну и жизнь он им всем устроил... Света спросила про маму и получила ответ, что с мамой и бабушкой все нормально. Нина Григорьевна в санатории, Наташа у подруги.

Ужасней следующего утра Света ничего в своей жизни не помнила. Все началось с грохота, из дыры в потолке валились камни, потом поднялась стрельба. Алик, подхватив Свету, стал выбираться из подвала по подземельям, кишачим крысами. Толян их прикрывал. Это был последний раз, когда Света его видела. Так и запомнила его с белой головой, обсыпанной пылью и известью, с пистолетом в руке и испуганным лицом. Драпали они с Аликом на бешеной скорости. Выбрались из канализации на какой-то окраине. Очистили с себя пыль, и Алик сказал:

- Вот деньги, и уходи.
- Мы что, не едем за Динкой?
- Откладывается. Где, говоришь, эта крепость?
- От Брусян километра три на север.
- Завтра жди, значит. Сегодня не получится. Лови частника и дуй на вокзал. Дальше уедешь, живее будешь.

Алик подмигнул напоследок. Еще шутить пытался, хотя дела его, видно, совсем плохи. Никогда это не кончится, зря они с Динкой на него надеются. Безнадежно все. Так и будут друг друга убивать, им вообще не до них.

Над замком Паши Вертолета к полудню сгустилась нездоровая атмосфера. Главный и решающий фактор был тот, что бесследно пропал хозяин. Из спальни с утра не выходил, в помещении и парке не появлялся или не был замечен. Бондарчук, Люба, Миша и Дина обошли все закоулки дома и сада – Паша точно сквозь землю провалился. Все были в недоумении, а Бондарчук сердился и ворчал, что совсем некстати Паша задумал шутки шутить.

Второй фактор, обеспокоивший обитателей, был Костин «ягуар», прочно закрепившийся напротив ворот. Из него время от времени появлялись мало-симпатичного вида люди, совещались и снова пропадали внутри. Это явление у Бондарчука называлось «принесла нелегкая». Больше всего Бондарчуку не понравился демонстративный объезд территории. «Звери!» – определил он такое поведение. Прокатились вокруг, все осмотрели, а чего надо-то? Пауза затягивалась, становясь уже невежливой. Гости с хозяевами не общались, но и не уезжали. Спустя час к ним явилось подкрепление – семерка БМВ, тоже заполненная темными личностями. Чем больше накапливалось гостей, тем больше мрачнел Бондарчук и в конце концов принял меры к обороне. Принес две винтовки, а также гранатомет и разместил оружие в бойницах. Пронаблюдав за его приготовлениями к предстоящему бою, Дина отправилась в часовню, где ей нужно было поменять цветы в зеленой вазе. Обязанностей по дому Паша назначил ей немного: животные и цветы – но все равно дел набиралось.

Одних собак кормить занимало не меньше часа.

Войдя в часовню, она прислушалась. Где-то совсем рядом звучали голоса, словно кто-то бранился. Ругались два голоса: мужской и женский, а что они не поделили, оставалось загадкой. Отдельных слов было не разобрать. Дина поняла, что это и есть привидение, про которое говорила Люба. То, которое завывает в часовне по ночам. Но вот почему оно разделилось на два голоса и скандалит? Ой, не к добру это, сказала бы бабушка. Ей стало казаться, что голоса доносятся из-под земли, она легла животом на каменный пол и приложила ухо. Слышнее не стало, зато стало холодней. Она села и снова принялась вслушиваться. Ей было совсем не страшно: вряд ли привидение интересуется девочками, да и, вообще, ему ни до кого нет дела, вон как разоралось! Хоть бы одним глазом поглядеть, как оно выглядит. Неужели без туловища и в простыне? И мужчина оно все-таки или женщина? Дина еще немного подождала, а поскольку выкрики продолжались, она поднялась с полу, топнула ногой и крикнула:

– Эй вы! Чего разорались?

Звуки моментально стихли, зато началась возня, и голос, показавшийся Дине знакомым, четко произнес:

– Будешь слушаться меня, ведьма...

Дина просто умирала от любопытства, что же дальше. Но все затихло, потом вдруг вздыбился ковер перед алтарем. Дина опасливо отодвинулась подальше в угол. Под ковром образовалась щель: видимо, подняли крышку люка, ведущего в подzemелье. В щели образовалось Пашино жутковатое лицо.

– Марш отсюда! – скомандовал он. – Нечего тут подслушивать!

– А я и не подслушивала, – возразила Дина. – Чего подслушивать, когда так орут! Там к вам, – она махнула рукой на двери, – между прочим, гости явились. Бондарчук для них уже пушки расставляет, а вы тут чего, прячетесь, что ли?

Ковер вздыбился еще выше, и Пашино огромное тело постепенно появилось на поверхности. Он прижал посильней крышку люка, повернул круглую ручку и проверил, прочно ли. «Ведьму, наверное, запер... – подумала Дина. – Надо будет...» Но что надо будет, она не успела подумать, потому что Паша взял ее за руку и вывел на улицу, пригрозив, что разговор насчет ее поведения впереди, и чтобы не смела трепаться о том, что видела. Но Дина Пашу совершенно не боялась, гораздо больше она опасалась Бондарчука, который мог крутануть ухо без объяснений. «Потому что злой, как собака, вот и все», – решила Дина, припомнив их последнюю стычку из-за пустяка. Ну, выпустила она ужа на прогулку, а чего? Два ужа везде гуляют, а третий, без пятнышек, вечно сидит, как в тюрьме...

На дворе их встретил Бондарчук. Разговор состоялся непонятный.

– Костя приехал, – сообщил охранник. – Тот, что Васю Дальневосточного в нашем самолете резал...

– И что надо? – нахмурился Паша.

– Не сказали. Территорию объехали, подмогу вызвали. Стоят, маринуют, – Бондарчук зловеще усмехнулся.

– Так зови сюда, только без оружия и охраны. Поговорим.

Пока Паша поднимался в гостиную, Дина успела его опередить. Немного

подумав, она решила спрятаться за дальний диванчик в углу, отвергнув камин из-за нового платья с белым воротником. В камине наверняка была сажа, а это лишнее.

Но когда явились Паша с гостем, хозяин сразу углядел ее ноги. Но почему-то ничего не сказал, а усадил гостя. Правда, ни коньяку, ни водки, ни рыбы он не предложил, а сразу спросил, какие проблемы.

– Дочь Мирзы у тебя, – сказал Костя. – Мирза кассу увел, хочет линять, билеты купил. Что хочешь за девочку?

– Спросил бы вначале, что я хочу за Васю...

– Вася не мой. Васю Мирза кончил.

– Чем докажешь?

– Слово даю. Мне Вася не нужен был, он у Мирзы аэропорт забрал, а теперь он твой стал. Хорошо, что дочка у тебя оказалась. Что за нее просишь?

– На кассу станешь менять? – спросил Паша.

– Хочу.

– Рискованно.

– Других вариантов нету... – усмехнулся Костя.

Ответом ему было долгое молчание. Дина обдумывала разговор. Маленький гость в коричневом костюме, похожем по цвету на ка-кашки, интересуется девочкой. Кто такая дочь Мирзы – легко догадаться. А вот что это значит – «менять на кассу»? Или «Что хочешь за девочку?» Это как? Неужели Паша продаст ее в рабство коричневому? «И где эта липовая сестра Светка? – с горечью подумала Дина. – Бросили ее тут с джокером, надежное место это у них называется, а тут вообще детьми торгуют. Хуже цыган. Надо выбираться, пока не обнаружили».

– Тут такое дело, Костя, – произнес с нажимом Паша. – Я ведь не распоряжаюсь ребенком. Мне его оставили на пару дней погостить. Один достойный человек, между прочим. Его на кривой козе не объедешь.

– Договорись. Сколько надо достойному человеку?

Разговор был прерван на интересном месте. Дина, решив не дожидаться конца разговора, уже обдумывала побег через собачий подкоп, но в этот миг раздался жуткий взрыв, даже стены дрогнули и задрожали стекла. Вдалеке раздались крики и выстрелы. Дина, сильно напугавшись, не поняла что это, но коричневый понял, встал, громко стуча новыми ботинками по паркету, подошел к окну и спросил с едкой ненавистью:

– Тачку взорвал? Значит, не отдашь?

Паша, грузно ступая, тоже проследовал к окну и задал свой вопрос:

– Ты что, взрывчатку привез? Чего так жажнуло-то? Стены вон шатнуло? Хотел силой брать?

Повисло молчание. Гость, не ответив, направился к выходу, цокая высокими каблуками, которые, видимо, нацепил из-за своего небольшого роста. Хозяин его провожать не стал, а остался у окна, разглядывая происходящее на поляне и бормоча ругательства. Когда шаги коричневого стихли, Паша взревел: «Бондарчук!» На зов мгновенно явился охранник.

– Это что за кино? – с ходу заорал Паша. – Кто позволил взрывать?

– Это не я. Это Миша.

– Хватит брехать! Миша мухи не обидит!

– Ну... – согласился Бондарчук, – он ошибочно. Нажал не туда – рвануло. Я

заранее навел на БМВ. Люди, кстати, целы. Жертв нет, разве что ранило кого. Что-то они больно подозрительные. Но рвало-то как! Полный багажник взрывчатки везли. Чего надо-то им?

Паша вместо ответа забарабанил пальцами по столу и крикнул:

– Вылезай, чертова девка! Хватит тут подслушивать да подглядывать!

Бондарчук удивленно оглянулся на Дину. Она выбралась из укрытия и встала посреди комнаты, опасаясь оказаться вблизи охранника. Вместо того чтобы ее ругать, Паша принялся издеваться, адресуясь к Бондарчуку:

– Ты погляди на эту шишку! От горшка два вершка, а кассы стоит! Бодрый у тебя папаша. А проблем от тебя еще больше, чем на два лимона! Что стоишь, марш спать!

Бондарчук поглядел на Дину с каким-то новым интересом и даже уважительно. Точно она в его глазах увеличилась в росте.

– Я днем не сплю, – возразила Дина. – И мой папа... Мой папа тебя лучше!

– Ты мне не тыкай, сокровище! Сам Афиногенов за нее просит! Если б не Филипп, гуляла бы дальше по деревням и песни в вагоне пела! А тут живешь в почете на моей шее, козявка ты немытая!

Услышав про козявку, Дина гордо отвернулась и пошла прочь из гостиной. Кто бы говорил! Сам-то – аутизм! В комнате с веселыми обоями она достала куклу с двигающимися ручками-ножками, усадила ее в кресло, а сама села напротив на стул. Куклу звали Бритни Спирс, правда, голоса у нее не было. Глядя в ее сиреневые глаза, Дина думала о папе. Что все к нему несправедливо относятся, а он лучший папа из всех. Все, что он терял, он всегда находил. И зажималку, и куртку, и кухонный нож...

И Дину тоже найдет, нужно только подождать еще немного, и он вызволит ее из замка, где так обращаются с людьми. И где эта Света, даже поговорить не с кем... Конечно, носится со своим Филей, как с куклой, а про всех остальных даже не помнит. Сестра, называется. Нет, все-таки Светка как сестра настоящая. Была бы настоящая, Дина не сидела бы тут одна, с безголосой Бритни. Пойти к собакам? Но лучше в часовню, навестить ведьму. Надо думать, коричневый уже уехал, раз его Миша подорвал, и больше покупать девочек не собирается. Дина выглянула в окно, осмотрела окрестности и решила пробираться в сторону часовни. Ей не давала покоя ведьма.

Она вышла из комнаты, миновала анфиладу, не поздоровавшись со злой старухой на портрете – пусть не важничает. С таким длинным носом могла бы быть и подбрее. Наверное, потому что некрасивая, потому и злая. Была бы красавица, так совсем другое дело. «А изгнанная Мариула, – вдруг вспомнила Дина, – была красивая, но тоже злая. Наверное, место такое – все- звери, кроме собак...»

Дина подошла к часовне, осторожно открыла дверь и огляделась. Было тихо, на полу лежали полоски света из узких окон, пол выглядел, как разноцветный ковер. Она подняла голову: сверху на нее смотрели нарисованные строгие лица. Головы и плечи были яркими, брови у всех нахмурены, а все, что ниже, размыто, видимо, художник не закончил работу. Скорей всего, Паша его прогнал. Аутизм, и ничем тут не поможешь...

Где-то под полом слышались звуки, и Дина наострила уши. Кто-то там ходил, шевелился, потом слышались уже знакомые голоса. Дина на цыпоч-

как обошла помещение. Странно, но в одном месте было слышно почти все.

– Кто заставлял меня таскать теодолит? Ты. И лазать в грязный подвал с рулеткой? Галочка, Галочка, иди сюда, помоги мне... А я в светлых брюках, лезь вниз, промеряй подвал... Я как чернорабочая тут, на стройке с работягами, и что? На что потрачены лучшие годы? Зато теперь, когда все сделано, деньги есть, что я имею? Сижу в домашней тюрьме, наказанная ни за что. За слово какое-то... А все мои труды и заслуги забыты. Как будто ничего не было, как будто не я на своем горбе все это поднимала...

Послышалось тяжелое сопение, но ответа не последовало. Потом Паша подал голос:

– А я с тобой разве не в тюрьме? Что ты за женщина? Избавиться от тебя я не могу, а жить с тобой все равно что со змеей-мамбой... Может, ты перевоспитаешься?..

– А если нет? Что, вечно буду в этом подвале сидеть?

– Ты не одна. Мы вместе. Вся жизнь тюрьма, Галочка, другого ничего нет и не будет.

– Это у тебя просто привычка сидеть. Не сидел бы, так и другим тюрьму б не устраивал...

Паша снова тяжело вздохнул и возразил:

– Не тебе меня осуждать, ибо ты паразит на моей шее. А я не хочу, чтобы все на мне паразитировали! Подумаешь, теодолит! Еще не такое люди таскают...

– А шуба? Где моя шуба? За что ты ее на куски разрезал?

– Как за что, Галочка? Ты плюнула в мой любимый кактус «Иисусовы слезки». Нельзя такое оставлять безнаказанным. Ведь нам с тобою вместе жить, и как можно такое прощать? Если это простить, то дальше ад начнется.

– Да ад в тебе! С собой носишь свой личный ад!

– Вот тут ты права. За то тебя и ценю, что ты меня понимаешь досконально. Но мой личный ад никого от ответственности за дикие выходки не освобождает. Ты терпи.

– Почему, – закричал голос, – почему Паша Вертолет, я должна тебя терпеть? За какие грехи?

– И вовсе не за грехи, – возразил Паша, – а потому что вызвала во мне любовь. Вызвала – значит терпи ее! Хотела поматросить и бросить, да осечка вышла. А кому легко? Что, мне с тобой легко? Вышла замуж, обещала любить – люби, не ерепенься. Такого, как я, тебе уже не найти. Я – коммерческий гений. Никого не грабил, не убивал, деньги сами ко мне липнут. Я их вижу. Иду и вижу – вот деньги, прямо на земле валяются. Наклонись – и они твои. Другие не видят ничего, а я все.

– Ну и что? Кому от того польза? Ты и сам не живешь и другим не даешь!

– Тоже правда. Но скажи, почему это так? Что я, заколдован что ли? Деньги есть, а счастья нету. И ты меня не любишь.

– Это не так, – мягко ответила женщина. Голоса надолго замолчали. Потом снова вступил Паша:

– Правильно. Люби мужа – и больше ничего от тебя не требуется, маленькое ты бессмысленное создание. А ты достоинство свое отстаиваешь. Нашла дело по душе.! Если хочешь знать, достоинство – вещь ненужная и глупая. Дураками придуманная, от него одни хлопоты. Его и нет у человека, а есть толь-

ко насущные интересы: хлеб, кров, секс. Но вместо работы люди занимаются глупостями. Потому и занимаются, чтобы не работать. Все, все хотят висеть на чужой шее. Вот все, что им от тебя нужно. Один с плошкой, семеро с ложкой.

– Завел свою волынку, – перебила Галочка. – Ну и живи один, без паразитов. Что за комплекс у тебя, что все твою кровь сосут. Ты что, не уверен в себе?

– А мне кто-нибудь говорил слова любви? Живу хуже собаки. Всех кормлю, благодарности никакой.

– Кто ж ее требует насильно?

Голоса опять замолчали. Дина решила уйти. Она уже устала их слушать. Все равно ничего нового не узнаешь, одно и то же все. Занудный этот Паша.

Уже потом она все обдумала хорошенько. Все-таки она была права: у Паши есть темница, где он держит женщин в плену. Ужасный человек, пристанет как банный лист и изводит, и изводит. У Филиппа совета требовал, привязывался, но Светкин красавчик вывернулся и уехал подобру-поздорову, медсестру хотел перевоспитать, но не сумел, довел до злобы и прогнал. А эту Галочку мучает своей любовью. Ее-то он точно не выпустит, затуркает до смерти. Надо помочь ей выбраться. Прийти, когда его нет, повернуть ручку и выпустить. Как ужа, за которого ей тогда от Бондарчука влетело. Любят же они тут всех в клетки сажать, в этом своем замке.

Внизу снова слышались звуки. Дина поднялась и выскользнула из часовни, обдумывая план спасения Галочки. По пути она заглянула в кухонное окно. Там Бондарчук запивал рыбу пивом и распекал Мишу за то, что он расстрелял автомобиль из пушки. Дина остановилась послушать, как ругают Мишу:

– Ты их тачку разнес вдребезги, а они вернутся и нас бомбанут, как будем?

Миша глядел на Бондарчука со все возрастающим изумлением, но молчал. За него вступилась Люба:

– Что ты говоришь-то? – укорила она. – Как он мог из гранатомета стрелнуть, если тут сидел неотлучно. Вот на этом стуле сидел, я как свидетель могу...

– А ты сама что ли не выходила? – прикрикнул Бондарчук. – Вечно шастаешь туда- сюда!

Люба недовольно замолчала, Миша поерзал на стуле, пытаясь что-то сказать, но Бондарчук ему не дал, продолжив свою мысль:

– Вернутся, бомбанут, руины останутся. Ни парка, ни огорода, ни псарни не будет, – он удовлетворенно откинулся на стуле и закинул ногу на ногу. Сделал огромный глоток пива, поставил кружку, сцепил руки пониже колена и продолжил: – Все без работы останемся, Паша по миру, конечно, не пойдет, но убиваться будет сильно. И Галина от него сбежит, – поставил точку охранник.

– Ты-то чему радуешься? – возмутилась Люба.

– О перспективе думаю. М-да, натворил ты дел, Миша.

Таджик испуганно съежился на стуле.

– Я не стрелял, – буркнул он.

– Ясно. Мышка пробежала, хвостиком махнула, – съязвил Бондарчук.

– Чего ты измываешься-то над ним? Сказано тебе сколько раз: не пулял он, – стояла на своем Люба.

– Тебе голоса не давали, – осек ее Бондарчук и повернулся к Мише. – Что делать будем?

– Что? – удивился Миша.

– Выйдем-ка побалакаем.

Миша, послушно вышел, а Бондарчук, опрокинув остатки пива и вытерев рукавом рот, последовал за ним.

Люба недовольно пробурчала вслед:

– Завиноватил уже совсем. Чего навязался, спрашивается...

Но вопрос повис в воздухе. Бондарчук не удостоил ее ответом. У него были свои планы.

Дина, обдумав услышанное, решила, что раз замок собираются бомбить, лучше вовремя его покинуть. Дорогу до Брусян она помнила, Светку она найдет, но перед побегом надо еще освободить Галину. Людоедской крепости конец, но зачем нужно, чтобы люди страдали?

Она двинулась к часовне, обогнула ее справа и спряталась неподалеку в парке так, чтобы был виден вход. Когда Паша выйдет, она выпустит его пленницу, решила Дина.

План оказался не слишком удачным, во всяком случае, под занавес ее ждал сюрприз. Вначале все шло хорошо: Паша покинул часовню, Дине удалось поднять ковер и повернуть ручку люка. Когда она свесила туда голову, картина открылась совершенно сказочная. В подвале оказалась большая комната с коврами, диванами, красивой мебелью, только без окон. Под желтым светильником-тюльпаном черноволосая девушка читала книгу. Рядом с ней стояло круглое зеркало, вокруг него множество блестящих флаконов с духами, коробочки с драгоценностями, фотографии в рамках. Когда Галочка подняла голову, волосы и глаза ее ярко заблестели.

– Ты кто? – спросила она.

– Можно мне спуститься? – спросила Дина, заметив внизу лестницу.

– Давай.

Дина слезла, оглядела красивую комнату с картинами на стенах, изображавшими цветы и фрукты, и вежливо присела на край дивана.

– Я Дина, – ответила она. – Я тут временно живу, но сегодня хочу убежать. Бондарчук сказал, замок бомбанут. – Видя, что собеседница ее не понимает, Дина решила уточнить: – Из-за того, что Миша пальнул из гранатомета по бандитам, они вернутся и всех взорвут. Пора, наверное, нам спасаться. Или вы так не думаете?

Дина поглядела прямо в красивые блестящие глаза девушки и заметила, что один из них слегка косит. Дине стало ее жаль. Надо же, такая красавица, и косоглазие.

– Кому он это говорил? Ну, Бондарчук? – уточнила та.

– Я у кухни подслушала. Он Мишу виноватил, что тот стрелял из гранатомета, а за это всем будет месть. А Миша говорил, что он не стрелял, и Люба тоже.

Дина округлила глаза. Собеседница, ни слова ни говоря, взяла телефонную трубку и нажала кнопку.

– Паш, – сказала она трубке, – Бондарчук хочет все взорвать к едрене фене. Весь дом. Зачем? – удивилась она. – Что, не понимаешь? Страховка-то на нем. Забыл, как оформлял? Хотел сделать мне назло, показать, что веришь мне меньше, чем охраннику. Теперь расхлебывай.

Дина вздрогнула. Совсем рядом раздался ужасный Пашин рев:

– Клубок змей! – орала трубка. – Санта- Барбара! Все стучат друг на друга, никому нельзя верить!

Связь оборвалась, Галина повертела трубку, посмотрела на нее задумчиво, положила и повернулась к Дине.

– Ты славная девочка. Пришла меня предупредить, да? Славная. Но я без Паши не уйду. Только с ним.

– Почему? – спросила Дина. – Любите его?

– Нет, не люблю, жить без него не могу, – последовал ответ.

Дина не поняла, как это. Не любит, а жить не может. Что бы это значило? Наверное, что так сильно любит, что уже срослась. Надо же... И как такого толстого и страшного можно любить?

– Он же всех изводит, – заметила она. – Паша этот.

– Да, – равнодушно отозвалась та. – Я сколько раз от него уходила, столько и возвращалась. Больше таких нет. После него уже никто не нравится. Или одна буду жить, или с ним.

Дина вздохнула. Понять это, конечно, было трудно. Но мало ли что. И не такое бывает. Ведь убивалась же Зина из-за карлика Колюни. Каждого кто-нибудь да любит. Вон и Светка тоже с ума сошла из-за джокера. Ничего. Поскорее бы вырасти, тогда можно будет найти себе даже лучше этого конника. Который, кстати, тут ее бросил... В замке этом людоедском, который собираются взорвать.

– Так не пойдете? – спросила она Галину. Та упрямо качнула головой. – Ладно. Тогда я одна пошла.

– Счастливо, – напутствовала та.

Напоследок Дина задержалась перед картиной. Издалека ей показалось, что это то ли букет цветов, то ли дерево. На самом деле там изображен рыцарь в шляпе, но только на шляпе располагалась ваза с фруктами, вместо глаз у рыцаря были вставлены вишни, под глазами – стручки гороха, брови напоминали бананы, а щеки – персики. Так бы и съела этого мужчину.

С сожалением оставив красивую комнату, Дина выбралась по лестнице наверх, повернула ручку и, покинув часовню, направилась в дом, чтобы забрать Бритни Спирс, которую оставлять было жалко. Под окном кухни она остановилась послушать. Любы внутри не было, только Бондарчук с Мишей. Бондарчук негромко рассказывал Мише свою душевную историю.

В деревне Шурала, где он родился и вырос, парням, вернувшимся из армии родители всегда покупали мотоцикл. Традиция такая была. И ему, то есть Бондарчуку, когда он вернулся со службы во флоте, мать с отцом тоже купили новенький «Вихрь». Деньги мотоцикл стоил по тем временам атомные, и все семейные сбережения на него ушли. Но мать его, Пелагея Борисовна, мотоцикл махратить не позволила, а обвернула в старые одеяла и поставила в сарайку. Вещь новая, дорогая, ездить на ней сын не умел, а поломать и испортить мог запросто. И сколько владелец «Вихря» ни упрашивал мать, покататься ему не позволили ни разу. Так и стоял транспорт в сарайке, а ведь Шурала – не юг, зимой морозы, весной – перепады температур, сарайка сырая. Простоял «Вихрь» тринадцать с лишним лет. Потом на семейном совете решено было его продать. Развернули, осмотрели – вещь новая, как игрушка, краска блестит. Нашли охотника его купить, но тот, забравшись в нутро, только засвистел: мол, все, капут машине. Двигатель, поршни, бак – все проржавело. «Можешь, мать, выкинуть его на помойку». Мать, Пелагея Борисовна, естественно, от такого дурацкого совета отмахнулась. Вещь-то совсем новенькая! В общем, завернули обратно в одеяла и на место поставили. Нового покупателя ждать, который с пониманием...

Бондарчук, закончив рассказ, глубоко вздохнул, затянулся сигаретой и об-

ратился к Мише:

– В чем тут смысл?

– В чем? – не понял таджик.

– Чтобы всякое имущество имело настоящего владельца...

Тут над ухом у Дины раздался знакомый рев:

– Ты, Бондарчук, про какое имущество толкуешь? Не про мое ли?

Пашина фигура с неожиданной ловкостью до половины протиснулась в окно. Дина испуганно отскочила. Вообще откуда он тут взялся? Паша лезть дальше передумал, а наоборот, спрыгнул обратно и зашел в кухню через дверь. Разговор там случился невнятный и короткий. Дина, во всяком случае, много чего не поняла. Поняла только, что нецензурно ругались, что-то падало, стучало, кто-то жалобно вскрикнул, а потом в дверях показался всклокоченный Бондарчук. Глаза его ужасно вращались, а руки были растопырены, точно он собирался кого-то ловить. Дина, на всякий случай, решила не ждать и быстро скрылась за углом. Кто там кого победил, она выяснит потом, а теперь надо сбегать в часовню к рассудительной Галочке. Та, наверное, знает, что к чему и как поступать.

Галочке Динин рассказ совершенно не понравился. Даже очень беспокоил. Другое дело, что бежать из плена она по-прежнему отказывалась, но теперь к ее проблемам прибавился еще и Паша, с которым что-то произошло, а что, неизвестно. Дина вызвалась сходить на разведку, но близко к кухне старалась не подходить. Хотелось бы отыскать повариху Любу или Мишу, но замок точно вымер. Сколько она ни бродила – нигде не оказалось ни одной живой души. Сами попрятались куда-то или Бондарчук всех разогнал, было неясно.

Уже начало смеркаться, свет горел только в сторожке Бондарчука, кухня пустовала, обитатели исчезли, точно под землю провалились. Покрутившись немного возле сторожки охранника, Дина решила проведать собаку Шурку, но пес при виде ее жалобно заскулил и стал куда-то приглашать, точно звал с собой. Вместе с Шуркой они выбрались за ворота через подкоп и какое-то время лезли в горку, пока не наткнулись на овраг. На дне его горел костер, а повариха Люба, грустно подперев щеку, смотрела на закопченный котелок с варевом. Рядом с ней сидел Миша и зашивал порванные штаны.

– Дина пришла! – обрадовалась Люба. – Шурка тебя вывела?

– Ага. А что там случилось-то?

– Дворцовый переворот, – сообщила Люба. – Бондарчук взял Пашу в заложники. Ой, что творится, гос-споди, передел начался, а мы тут в лесу укрываемся, чтоб под горячую руку не попасть. Думаешь, Миш, кончит он хозяина или как?

– Ну... – Миша надолго замолчал, а Люба мелко перекрестилась.

– Хоть бы Галина объявилась что ли... А то командовать-то горазда, а в нужный момент и нету ее. Мужу помочь.

– Я знаю, где она прячется. В часовне, – заявила Дина.

– Знаешь, так зови на подмогу.

Люба снова перекрестилась и зашептала:

– Если он хозяина не жалеет, которому столько лет служит, то об нас и речи нет. Не помилосердствует. Свидетели-то ему зачем? Разбойник он настоящий.

Дина присела на корточки и посмотрела сначала на Любу, потом на коте-

лок. Есть хотелось страшно, но мешали тревожные мысли. В лесу становилось все темней и прохладней. Ей вспомнились недавние скитанья по деревням, разрушенный дом Колюни, проваленная кровать Семена, спичечная коробка Марины на кладбище... Стало жалко роскошного замка с розовой ванной, новеньких лаковых туфель. Дина тяжело вздохнула:

– А ночевать где будем? Тут что ли?

– Дитя совсем несмышленное, – покачала головой Люба. – Смерть рядом ходит, а ты «спать». Душегуб поблизости. Никого он не пожалеет, злодей этот... – Повариха подняла голову, закатила глаза и начала тихонько подвывать: «Господи Боже, спаси и сохрани нас несчастных и сирых, не дай злодею надругаться над малым дитятком и безвинными людьми...»

Дине стало не по себе от вида закачавшейся женщины. «С ума сошла...» – подумалось ей. Она встала, топнула ногой и уже сердито спросила:

– Спать где будем? На земле что ли?

Люба не обратила на ее слова никакого внимания, а все упорней качалась и подвывала. Миша опасно покосился на нее и покрутил пальцем у виска.

– В землянка, – успокоил он Дину. – Ближе тут есть для охота.

– А он и землянку ту найдет! – запричитала Люба. – Он все знает лучше хозяина. Нет такого места, чтоб он его не знал!

– Ты, Люба, тихо молчи, – укорил женщину таджик. – А то услышит еще. Пошли. Ночлег идти надо.

Он почти неслышно закидал костер, прихватил горячий котелок, взял Дину за руку, и они молча вошли в темную чащобу. Люба плелась следом и, не обращая вниманья на шиканья таджика, тихо причитала. Дина морщилась: Мишина рука казалась грубой, как наждак, но она все равно держалась за нее крепко, боясь оступить в полной темноте. Шурка брела впереди, едва заметным светлым пятном то появляясь, то исчезая из виду. Дине было страшно. То ухала птица, то хрустел под ногой сучок, и каждый звук отдавался, как в колокол в голове. Рука ее вздрагивала, а Миша в ответ сжимал ее все больней и крепче.

Дине стало себя жалко. Такую маленькую, такую красивую девочку тащат ночью по лесу, чтобы поселить в землянке. Новые туфли испортятся, платье запачкается, и вид опять станет такой, чтоб жалостно играть на цыганской скрипке. А где эта скрипка, интересно? Осталась в доме Василия, а цыганский мальчишка, наверное, ее потерял и злится. И вообще, время идет, а спасенья нет. Так ведь можно и состариться, пока лазаешь по чащобам и живешь по деревьям. Наверное, морщины скоро полезут от трудностей жизни.

Наконец Миша остановился, чиркнул зажигалкой, оглядел место и принялся снова разводить костер. Поев из горячего котелка картошки с тушенкой, они улеглись в тесной землянке, постелив старую полусторевшую телогрейку, завалившуюся в углу.

Такой ужасной ночи у Дины еще не было. Ночью разразилась гроза. Вначале стреляло почище гранатомета Бондарчука. Лес трещал, сучья отламывались и падали, все ходило ходуном, на небе вспыхивали молнии, а Шурка страшно выла. Миша привязал ее к дереву, чтобы со страху не сбежала, но Шурка рвалась с привязи, скакала и лаяла как безумная. Временами становилось совершенно светло, грохот стоял нечеловеческий, и поспать им не удалось. Потом начался ливень, и пол принялся медленно намочать. Потом обра-

зовалась лужа. Они вылезли на поверхность, Люба снова принялась выть, спрятавшись под густой елкой. Хотя Миша пытался вытащить ее оттуда на открытое место, Люба сопротивлялась и снова забивалась поглубже. Вымокнув, Дина к ней присоединилась и сидела под мышкой у поварихи, клацая зубами от холода. Снова раздался страшный раскат грома, Шурка вдруг высоко подпрыгнула и упала набок. Миша бросился к собаке. Оказывается, Шурку не убило, она просто не выдержала и упала в обморок от страха.

Через час, когда ливень схлынул, пол в землянке был залит водой, а утро еще только занималось, Миша решил переместиться в глубь леса, дальше, в заброшенную избушку егеря, дорогу к которой он помнил. Шурка брела рядом, полностью безучастная, да и Люба смолкла. Миша больше не держал Дину за руку, а лишь иногда помогал перебраться через поваленный ствол или сочувственно поглаживал по голове. В полном изнеможении они добрались до избушки на пригорке, оказавшейся сухой и сравнительно теплой, и свалились от усталости и страхов бессонной ночи. Люба с Диной устроились на печи, укрывшись куртками и пальто неопределенных цветов. Такими они были лежалыми и грязными, что даже пахли, как тряпка для мытья полов.

Под утро, когда уже рассветало и на небе появилась светлая серая полоска, в окно громко постучали. Дина испуганно села. В окне показалось старушечье лицо с огромным носом и узким злым ртом.

– Миша, – позвала Дина. – Тут бабка какая-то! Ей лет двести.

Миша покорно встал с пола, где у него был постелен ватник, и открыл окно:

– Ты кто? Чего надо?

– Пава я. Павлина. Денег дай!

– Нету денег. Сами беда, нету ничего.

Миша потянул к себе створку окна, но старуха с неожиданной силой ее удержала.

– Ты зачем сказала? – голова ее, страшная и лохматая, высунулась из-за таджика. Она гневно уставилась прямо-на Дину: – Зачем сказала, что мне двести лет! У-у, гадина!

Старуха размахнулась и погрозила палкой. Тут проснулась Люба, вскочила, завывала и принялась крестить окно. Злая старуха исчезла, но раздался страшный удар по стене избушки. Залаяла Шурка и тут же стихла.

– Убили, Шурку убили! – запричитала Люба, но тут ударило по противоположной стене. Шурка снова тьякнула. Дина забилась в глубь печки и закрылась с головой рваным одеялом.

Она вспомнила, кто это! Это же Баба Яга! Та, что за Колюню вступалась и молитвы читала про Никиту бесогона. Зина ее боялась, говорила, что не надо намекать, что старуха бессмертная. А то она начнет горе мыкать с места на место, тут пропадать, в другом месте появляться, если ее заподозрить в бессмертии. Дина, подражая Любе, тихонько перекрестилась под одеялом. Может, отвяжется. Все стихло, минут через десять Дина высунула нос из-под одеяла: за окном было совсем светло. И вдруг откуда-то раздался петушиный крик. «Откуда тут петух? – подумала Дина. – Тут же лес».

– Деревня недалеко, – словно отвечая на ее вопрос, произнесла Люба. – Вот и забредают какие-то... ведьмы.

Дина вздохнула и с облегчением перевернулась на другой бок. Сильно хо-

телось спать, а поспать этой ночью все никак не удавалось.

Когда она проснулась, всю светило солнце и пели птицы. Она слезла с печки и вышла из дома. На пригорке сидела Люба и расчесывала волосы. Рядом с ней стояли Динины лодочки, отчищенные от грязи и с виду совсем новенькие. Дина оглядела себя: да и платье, в общем, в порядке.

– Колготки только стали не белые, – посетовала она.

– Такними, я в ручье помою, а на ветерке быстро высохнут, – предложила Люба.

Дина проворно сняла колготки и отдала Любе.

– А Миша где?

– Шурку ищет. Пропала напрочь собака, ведьма ее утащила что ль. Миша убивается, что ошейник расстегнутый остался, а Шурки след простыл.

– Это не ведьма, – заявила Дина, – а вечная старуха. Двести лет уже живет. Баба Яга, в общем.

– Да ну? – не поверила Люба. Дина присела возле нее на корточки и зашептала:

«У одной женщины с автолавкой, Зины, муж оказался чертом. А Баба Яга, прикинувшись деревенской старушкой, его защищала, оправдывала и молитвы за него читала, но они были не настоящие, притворство одно. Но тут в деревню приехала одна девочка... Понимаете, про кого я говорю? Девочка была умной и догадалась, что это Баба Яга, тем более в деревне вообще никто не знал, сколько этой старушке лет, а слухи ходили, что сто восемьдесят. Один журналист из города ее узнал, она еще двадцать лет назад с ним жила в одной коммуналке и с тех пор даже не изменилась. Ну вот, значит. А раз девочка ее заподозрила, старухе пришлось из деревни уйти и теперь она мыкается. Шляется, всех пугает и собаку украла. Это месть такая. Ну, догадливой девочке месть. А черта этого, Зининого мужа, все равно повесили, так как у него было монгольское бешенство, он пил, разбивал арбузы, рубил избы, машины и в людей стрелял из ружья».

Дина, услышав в кустах шум, опасливо огляделась по сторонам и прижала палец к губам. Но из кустов появился опечаленный таджик с ободранной тушкой животного в руке.

– А может, и не было никакой старухи? – спросила с надеждой напуганная Люба. – Может, померещилось?

– Был старуха. Собака украл. Хорошая собака, полезная, друг человека, – возразил Миша.

– Шурка могла и сама убежать, – заспорил Люба. – Грозы напугалась и с ума сошла.

– Был старуха! – крикнул таджик. – Глаз даю, был. Ругался, палкой стену бил.

– А может, это видение? – упорствовала Люба.

– Видение собак ошейник не снимает. Видение не может. Старух был!

Миша сердито потряс в воздухе кулаком. Дина никогда не видела его таким сердитым. Взгляд ее упал на тушку в его руке.

– Что это у тебя? – спросила она.

– Мясо.

– А раньше кто был?

– Зверь.

– Какой зверь?

Дина заподозрила, что это белка, и страшно расстроилась.

– Варить надо, – заявил Миша, бросил мясо на землю и ушел за избушку.

Люба с Диной проводили взглядами его усталую спину. Шурку было жалко, белку тоже, но Мишу еще жалче. Конечно, рассудила Дина, он же тут не местный, жена, дети далеко. Был один друг, собака, да и та пропала. Но и ее жизнь нисколько не лучше. Что, например, ей теперь делать? Из-за чертова Бондарчука Света ее потеряет. Надо бы вернуться в Брусяны, где кино снимают, да только как? Дороги она не знает, Люба с Мишей от Бондарчука скрываются. Что делать-то, господи? Сидеть тут в лесу и белками питаться? А вдруг ночью снова Баба Яга явится? Нет, только не это.

Дина расправила на кусте выстиранные колготки и присела поближе к Любе.

– Люба, думаешь, кому жить трудней, взрослым или детям?

– Старикам, – ответила не задумываясь Люба. – Пока молодой, все преодолеваешь, силы есть, здоровье позволяет. А старикам неважно. Моя бабушка до восьмидесяти была здорова, а в восемьдесят два с ума сошла. Когда просветление находило, просила, чтоб Бог ее прибрал. А когда в голове темнело, так уж все. Лук с лотка в поселке воровала, материлась, не узнавала никого, из дому бегала. Поселок большой, мы объявления вешали, мол, потерялась бабушка, просим позвонить по телефону. Один раз милиционер ее привел, она банку фасоли в магазине взяла и отдавать не хотела. Плакала, ругалась, а возвращать – ни за что. Войну все вспоминала и продукты запасала на черный день. То сосиски засохшие за кроватью находили, то хлеба буханку. Спрячет и забудет. А молодая какая красивая была, веселая, плясунья. Только фото и осталось. Все проживает человек: и красоту, и здоровье, и ум. Ума у нее в старости меньше, чем у петуха нашего оставалось.

– У тебя петух был? – заинтересовалась Дина.

– Умный и вредный. Подкараулит – и клюнет, когда не ждешь. И радуется. Когда я с ним поссорилась и вицей вытянула, обиделся так, что запретил своим курам на месте нестись. Они так кладку спрятали, что только по запаху потом и нашли. Все протухло. А я его за это – в суп!

Любины глаза победно блеснули.

– Как это в суп? Ты что, его съела? – изумилась Дина. Странно это. Враждовать с петухом, делать друг другу на вред, ссориться, а потом раз – сварить и съесть. Разве друзей или врагов едят?

– Съела, – поморщилась Люба. – Жесткий оказался. Какой в жизни был, такой и в супе. Вредный.

– А у петухов есть душа?

– Не знаю. Этот бездушный был, похоже.

– Как Паша?

– Паша не бездушный, он порченный.

Дальше Люба пустилась в рассуждения о душе. О том, как она сорок дней после смерти бродит вокруг тела, а лишь потом отлетает. Потом она отдыхает, дольше ли, короче, это от человека зависит. А когда отдохнет, находит себе новое телесное воплощение. Бывает, что в том же роду или семье снова воплотится. Но за этими ее перемещениями уследить невозможно, потому что люди

так долго не живут, но есть ведуны или ведуньи, которые обо все догадываются, но помалкивают. А и то сказать, зачем человеку в потустороннюю жизнь вмешиваться? И так хлопот полон рот.

С этим нельзя было не согласиться.

– Люба, – спросила Дина. – А хлеба нет у нас? Что-то не хочется мне этого Мишиного зверя есть.

Она покосилась на ободранную белку, превратившуюся в кусок неаппетитного мяса. Даже не подумаешь, что раньше это был миленький пушистый зверек.

Люба в ответ так выразительно вздохнула, что и ответа не понадобилось.

«Вот же какая Светка, – подумала Дина с упреком. – Бросила меня, влюбилась в джокера, и голодай тут в лесу. У самой-то, наверное, хлеб есть...»

12

Света стояла на дороге, пытаясь поймать частника, чтоб добраться до вокзала. Притормозила черная «девятка», парень в солнцезащитных очках, наклонившись, открыл дверцу, поинтересовался куда и кивнул, чтобы садилась. Сиденья были прожжены сигаретами, стекла тонированы, в салоне резко пахло мужским потом, освежитель воздуха не помогал: устоявшийся запах насквозь пропитал воздух. Света села сзади, парень, оглянувшись, скомандовал:

– Покажи-ка деньги!

Она машинально вынула из кармана пачку, которую сунул ей Алик, и показала. «Девятка» двинулась по пустынной улице медленно, точно раздумывая, куда ехать.

– Направо! – произнесла Света.

Машина резко набрала скорость, повернула налево к промзоне и двинулась вдоль глухого бетонного забора.

– Куда мы едем? – спросила Света.

– Щас, – отозвался водитель. – Срочно надо. Завернем на минуту, а потом на вокзал.

В голосе его слышались подобострастные нотки. Говорил он торопливо и постоянно, точно чего-то опасаясь, подергивал головой на толстой шее. Бойтсья, что его обманут что ли, презрительно подумала Света. Этот бугай ей сильно не нравился, но выбирать на пустой дороге не приходилось. Неизвестно, когда бы появилась следующая машина.

Они свернули к металлическим воротам, те открылись автоматически, автомобиль въехал на территорию, ворота закрылись.

– Пошли, – приказал парень.

– Куда?

Водитель махнул рукой в сторону ангара и добавил: «Сюда. На минуту». Территория была абсолютно пуста ввиду раннего утра. Он отпер ангар, и они зашли внутрь темного помещения. Парень снял очки и положил в карман. Быстро притянул к себе Свету и зашептал в ухо: «Быстренько, давай, давай быстро». Одной рукой он расстегивал молнию на брюках. Света, не проронив ни звука, резко ударила его коленом между ног. Парень вскрикнул и согнулся, проскрипев: «Сука!»

Света, воспользовавшись передышкой, рванула входную дверь, но он успел схватить за руку: «Не уйдешь, гадюка!» Он потащил ее в глубь ангара, она пинала его по ногам, пыталась укусить за руку, но силы были неравны. Он толкнул ее на какую-то гору мусора и опилок, а сам навалился сверху и полез под одежду. Света вывернулась и перекатилась на живот. Он потянул ее за ногу, она с силой лягнула его, попав в коленную чашку. Парень снова хрипло застонал, а она попыталась подняться, но не получилось, он одолел своим весом и снова свалил на пол.

– Отпусти меня, сволочь! – отчаянно закричала она, и в ангаре откликнулось эхо. Он зажал ей рот толстой рукой, она вцепилась в нее зубами. Ей хотелось разорвать его на клочки. Злость, накопившаяся за время скитаний, горечь от разочарований и мечты об отце, ненависть к оборотням и любовь, главное, любовь к стрелку сделали ее сильной. Она весила вдвое меньше, но почувствовала себя вдвое сильнее. В бою побеждает не тот, кто крупней, а тот,

кому это до смерти нужно. А после этого бугая непонятно было бы, как дальше жить, и тут для нее решался вопрос жизни и смерти.

Парень отдернул руку и злобно выматерился. Свете удалось выбраться из-под его туши, она была вся в поту и тяжело дышала.

– Убью, тварь! – теперь он глядел на нее с ненавистью.

– Выпусти, я буду кричать!

– Капусту гони! – рявкнул он.

Света, секунду помедлив, вынула из кармана деньги и протянула ему. Он, засопев, сунул их в карман и скомандовал: «Вали отсюда, сука драная!»

Она развернулась и пошла к выходу, чувствуя, что победила. В грязной куртке с оторванным рукавом, с дрожащими от напряжения ногами, она победила. Железные ворота выпустили ее беспрепятственно, она свернула направо и побрела вдоль бетонного забора. Ее внезапно охватила страшная слабость, ноги стали ватными, слабыми, она шла и поскуливала от боли в вывернутой руке, от обиды и отчаянья. Вдруг стало страшно. Не в тот момент, когда она с ним дралась, а только теперь стало по-настоящему страшно и тоскливо. Чтобы подбодрить себя, она решила думать о другом. Не об этом подонке думать, а о том, что она уедет в Москву. Она уговаривала себя, что осталось совсем немного, что еще чуть-чуть – и она вырвется из этого ада. Надо еще потерпеть, жаль, что сил мало. После драки они совсем оставили ее. В глазах плыл туман, в затылке засела боль. Да, ведь, падая, она ударилась головой, отсюда и этот звон, и ватные ноги.

Пешком до вокзала Света добиралась часа три. Часы на столбе показывали восемь тридцать, когда она рухнула на первую попавшуюся вокзальную лавку и закрыла глаза. Нужно было немного отдохнуть, и она задремала. Ею овладело странное безразличие, почти бесчувствие, когда человеку совершенно все равно, что с ним происходит. Через пятнадцать минут стало холодно, она вздрогнула и проснулась. Прошла мимо касс в зал ожидания, нашла свободное место и снова закрыла глаза. Сколько она продремала, было неясно. Время, как и все остальное, утратило определенность.

Рядом кто-то смеялся, плакал ребенок, мама уговаривала его потерпеть, подождать, уже скоро. Света морщилась в полудреме: потерпеть, подождать, да да, именно ждать и терпеть... Сколько времени она ждет и терпит, и ничего не меняется, а ведь она не дитя несмышленное, нужно что-то предпринять. Иначе твое место навсегда – зал ожидания. Вдруг, пока она сидит и ждет, группа улетит в Саратов? Света открыла глаза и сделала попытку подняться. Тело было тяжелым, как камень. Точно к ногам привязали гири. Она снова опустилась на металлическое кресло. Еще несколько минут ничего не решают. Она посидит ровно пятнадцать и встанет. Она закрыла глаза.

Через пятнадцать минут, как она их себе представляла, она поднялась и, пошатываясь от слабости, двинулась к кассам. Встала в очередь, полезла в карман и поняла, что денег нет. Света удивилась самой себе: как она могла забыть? Этот подонок отнял ее деньги. Хотел изнасиловать и ограбить, но удовлетворился последним. Она уже вычеркнула из памяти все, что сегодня произошло. Осталась только боль в затылке, а от чего, она не помнила. Точно все происходило во сне.

Света отошла от кассы, присела на корточки возле стены и, поняв, что она

опоздает, что Филипп улетит без нее, что из-за этого жлоба в амбаре разрушились все ее планы на жизнь, заплакала. Она этого не хотела, то есть плакать. Слезы сами полились струями по неподвижному лицу, и она слизывала их языком с подбородка.

«Плачет девочка в автомате...» – издевательски пропел у нее над головой голос, и рядом на пол уселось симпатичное кудрявое создание в огромных ботинках и рваных джинсах. Сквозь дыры просвечивали бледные костлявые колени, глаза блестели от еле сдерживаемого смеха. «Смешливая попалась», – подумала Света. Счастливица, с таких все, как с гуся вода, с ними хорошо, они и сами не грузятся, и других не грузят.

– Перец кинул? – поинтересовалась особа. Света мотнула отрицательно:

– Деньги украли.

– Покурить хочешь?

– Хочу, – Света слизнула слезу.

Девчонка ей сразу понравилась. Они одновременно встали и вышли из здания вокзала. Свету пошатывало.

Курить не получалось, в горле першило, голова кружилась, сигарета тухла, но Света упорно втягивала дым, отвечая на вопросы. Особа представилась Катькой.

– А фамилия наша Дерун. Прикинь, жить с такой фамилией! Но из-за капусты я б реветь не стала. Могу поделиться бутербродом. Держи половину, а капусты – у самой нету. Бутерброд мне старуха дала за то, что я ее корзины сторожила. Я уже вижу: которые на месте крутятся, значит, в сортир надо, а вещи оставить боятся. Ну я и подхожу: мол, я покараулю, вы идите. Правда, не все соглашаются... А меня отец из дома выгнал. На заработки. У нас рыбацкий поселок на Белом море совсем погибает, работы нет, впроголодь живем и без электричества. А детей в семье трое, я старшая. С меня, значит, и начали, чтоб перешла на самообслуживание. Денег хватило только на дорогу, а что дальше, не знаю. Ты вот где, например, работаешь?

Света от неожиданности шмыгнула:

– Я вообще-то учусь. Но меня в конную группу берут. Они лошадей выезжают и в соревнованиях участвуют.

– А мне с тобой нельзя? – спросила Катька.

Света пожала плечами:

– Нужно их спросить. А чтобы спросить, надо до места добраться. А чтобы добраться, надо деньги достать.

– А по шпалам?

– Как это? – удивилась Света.

– Зайцем невозможно. Две-три станции – и отлавливают. Следующую надо ждать, а там все снова-здорово.

Света посмотрела на шпалы и махнула рукой. Выхода не было. Можно было попробовать и так. Только вот, когда они дойдут?

Одну станцию они одолели, но на дальнейшее их не хватило. Шли восемь часов, дорога оказалась слишком длинной, ветер задувал прямо в лицо. Вокруг, отдельными фрагментами, уже пылали осенние краски, словно осень, наступавшая постепенно, выбирала из темно-зеленого войска самых слабых и раскрашивала их в свои цвета. Попадалось то желтое дерево, то алый куст, а лес вдоль железной дороги стоял еще зеленый, хотя потемнел, посуровел и

точно приготовился к обороне. Света в тонкой, насквозь продуваемой куртке ежилась от свежести, лицо порозовело от ветра. Катерина стерла ноги и шла босиком, привязав огромные ботинки к палке через плечо, и уверяла, что шузы – ее единственное наследство. Она в них, как кот в сапогах.

Светины раздолбанные кроссовки ей не мешали, зато мучила боль в затылке и легкая тошнота. К вечеру стало еще прохладней. Слабое осеннее солнце то пробивалось сквозь серую вату облаков, то исчезало. На минуту становилось тепло и радостно, потом снова меркло. Иногда они отходили в сторону, садились на землю, болтали минут пятнадцать, потом снова продолжали путь. Мимо с грохотом проносились поезда и электрички, и всякий раз, глядя вслед уносящемуся поезду, Света вздыхала, как чеховские сестры: «В Москву, в Москву!» Это уже стало ее навязчивой идеей. И в то же время спасительной. Без этой цели, как бы она еще шла? Просто не хватило бы сил. Катькин бутерброд они преломили по-братски еще утром, а по пути насобирали полусгнивших яблок, но есть хотелось не на шутку.

Наконец совершенно обессилев, они сели на насыпь, вдыхая запах шпал.

Потом, еще долгое время спустя, Света не могла равнодушно вдыхать запах шпал, он напоминал ей всегда об одном и том же: о дороге, которой не видно конца. Ее не осилить. Как мал человек, как хрупок, как легко выбить его из привычной жизни, но сколько он сделал на земле! Например, эти поезда, дома на колесах, где люди куда-то едут, стремятся, а в то же время, едят, пьют, разговаривают, скандалят, обижают друг друга и влюбляются. Если бы не было этих испытаний, которые им устроил Алик, она бы, наверное, не почувствовала очень многое из того, что чувствовала сейчас. Может быть, во всех даже страшных событиях, скрыта невидимая польза. Словно бы ей открылся другой горизонт, находившийся гораздо дальше, и обзор ее увеличился. Жизнь предстала не чередующимися событиями, а целой панорамой, в которую включились и архитектор, и Зина с автолавкой, и Колюня, и баба Паша, и внезапно, прямо на ее глазах погибшая незнакомка, и Юля с Филиппом, и, наконец, самое главное – стрелок.

– Ого! – заметила Катька, взглядевшись в ее лицо. – У тебя черно под глазами. Тебя били, что ли?

– Затылком ударилась.

– Отстой. Надо передохнуть, полежать.

– На насыпи что ли?

Катька огляделась. Впереди виднелась крошечная деревенька, домов из пяти, не больше. Когда они подошли, с трудом волоча ноги, Катерина бойко постучала в крайние ворота. Вышла полная, круглолицая, опрятно одетая женщина с бидоном, посмотрела внимательно. Катя с ходу выложила, что подруге ее плохо, что денег у них нет, а путь неблизкий, в Брусяны они идут. Та внимательно оглядела черные Катериныны ноги.

– Пешком что ль? – женщина удивилась. – Нужда какая?

– Ага. На работу устраиваться. Подъемных не дали. Вот...

– Максим, – кликнула та кому-то в глубь дома. – Тут девчонки пришли. Хорошие. Накорми их, отдохнуть дай. А завтра отвезешь в Брусяны. – Шофер он у меня...

Женщина, дав указания, прошла с бидоном мимо них. Они топтались у ворот. Внутри было тихо. Устав дожидаться неведомого Максима, не обнаружив-

шего себя ни единым звуком, они миновали двор, где бродили кудахтающие курицы, и осторожно вошли в избу. Там на диване лежал здоровый парень в футболке и курил, стряхивая пепел в банку из-под «Нескафе». Увидев их, он поднялся, выставил на стол кастрюлю, миски, ложки, указал на свой диван и, не произнеся ни слова, исчез, точно растворился. Они переглянулись. Может, глухонемой? Вряд ли. Слышал же, что ему наказывали. Света заметила, что в доме все так же опрятно, как в облике встретившей их женщины. Все вещи, пусть недорогие, стояли на своих, очень правильных местах и все было устроено удобно. Стол был круглым и покрыт свежей скатертью, в центре него стоял кувшин с ромашками и разливал вокруг свет.

Света приоткрыла кастрюлю, налила супу себе и Кате. Они пообедали, тщательно вымыли посуду и улеглись на широкий, прогретый здоровяком диван. Света вскоре заснула, а Катерина все еще ворочалась. Она слышала, как вернулась с бидоном хозяйка, села на лавку под окном, позвала Максима и, не зная, что ее слушают, а, может быть, не придав этому значения, спросила:

– Ну что, так и будешь молчать?

Ответа не последовало.

– Мне-то за что? – пожаловалась женщина. – Я ж как все хочу... Чтобы жена, дети, чтобы внуки были... А ты все молчишь. Поговорил бы с ними. Девочки баские, умные, видать, из города. Что, слова доброго для них жалко? Бирюк ты, Максим, и честное слово, грех это. Вот и батюшка Николай сказал, что это гордыня. Тот, кто не прощает, того бес одолевает. Так ведь и помрешь бобылем, ссохнешь, и вся наша порода за тобой в землю уйдет. Да что молчишь-то, горе луковое, ни слез, ни слов уже нет на тебя! Измучилась вся, а на что мне это мученье? Я-то против тебя не грешила, за что маюсь? Выноси, да роди, да воспитай, а потом на тебе, мать, за все труды награждение! Чего молчишь-то? Ответь!

Катерине этот разговор показался странным. Люди вообще были ей любопытны, а хозяйка показали особенными. Так просто и доверчиво, без обычных расспросов пустили в дом, накормили, как будто так и надо, точно любому гостю двери открыты и ничего не запрещено. Ешь, спи, живи, никому ты не в тягость, никто к тебе в душу не лезет, не выясняет, где твой паспорт, родители, откуда взялась. Все бы такие были. И сама хозяйка хороша и добра, и сын у нее ладный, кареглазый, но вот проблема – молчит. Подождав, когда мать с сыном разошлись, она выбралась из теплого диванного угла и подошла к женщине.

– Вы извините. Я разговор ваш нечаянно подслушала...

– Да ладно, чего там... Никаких секретов нету. Не немой он. Просто молчит, как из армии вернулся. Ровно инвалид какой сделался, а раньше справный был. Главное, добрый он, сердце мягкое, и умеет все: и по хозяйству, и по водительскому делу. И строить умеет, и огороды копать. Армия да жизнь всему научит, А замолчал, потому что не вынес. Девушка его Лена из армии не дождалась. Ну так что ж, бывает. Ведь свет клином на одной не сошелся, и другие есть. Неужели всю жизнь промолчит? Ведь не может такого статья?

Женщина посмотрела на Катерину с тоской.

– Нет конечно, – заверила та.

– Ну ее, эту Лену, Бог ее простит. А другим-то зачем такой молчун? Он от всех отворачивался, не только от меня. Больно такой нужен: ни поговорить,

ни приласкать.

– А вы не настаивайте, – посоветовала Катя. – Просто разговаривайте, как обычно, словно ничего не случилось. Может, сам отойдет. Хотите, я поговорю?

– Хочу-то я хочу, да уж и не надеюсь. Поговори, может, поглянется он тебе...

Женщина глянула с тоскливой надеждой и добавила: «Екатерина Константиновна я».

– Так и я Екатерина, – ответила девушка.

– Ну и дай тебе Бог.

Мать Максима ушла, а Катька тщательно вымыла ноги с губкой, подкрасилась и отправилась на поиски молчуна. Он на задней террасе собирал магнитофон и на Катерину даже не поглядел. Она присела на корточки рядом, помолчала, подумала, а когда он отвернулся, стащила болт и спрятала в карман джинсов. Дело двигалось не споро, но в конце концов Максим обнаружил пропажу и заозирался. Катька наблюдала за его поисками с усмешкой, потом показала болт и спрятала обратно в джинсы. Он молча протянул руку, она отрицательно повела головой.

– А догони! – она вскочила, приготовившись бежать.

Он удивленно поднялся и попытался схватить ее за руку. Катька стреканула через огород к дыре в заборе, он бросился за ней. Хотя она и была чемпионом школы по бегу, но добежать успела только до опушки. Максим ее догнал и ухватил за предплечье. Она встала. Запыхавшиеся и распаренные, они поглядели друг на друга в упор. Катька показала ему зажатый кулак:

– А теперь попроси!

Брови его изогнулись:

– Так не договаривались! – возмутился он.

– Ура! – закричала она и подпрыгнула. – Ура! А вот за это я тебя поцелую!

Она подпрыгнула и повисла на шее здоровяка. От неожиданности он согнулся и оба повалились в траву.

– Хочешь еще? Могу еще поцеловать, да и все остальное тоже умею. Только не молчи, ладно, очень тебя прошу! – зашептала она. – Расскажи мне, я умная, я все пойму...

К вечеру он уже разговаривал, хотя немного, и нежно поглядывал на Катьку. Та, побродив по двору, растолкала Свету, чтобы с ней посоветоваться:

– Ты как?

– Лучше.

Боль в затылке притупилась, недавние события отошли куда-то на задний план. Теперь Света помнила только об одном: что ей нужно успеть в Брусяны, пока оттуда не уехала конная группа.

– Если не возражаешь, я тут останусь, – сказала Катя. – Нужно довести лечение до конца. Представляешь, я немного разговорила! Прямо психотерапевт. Может, мне на психфак поступить?

– Поздравляю, – удивилась Света. – Оставайся, а мне пора.

– Максим тебя отвезет. Завтра с утра.

– А сегодня нельзя? Почему не сегодня?

– А мы выпили, – призналась Катя. – Нам хозяйка водочки налила. Давай завтра. Завтра железно отвезет. Я с тобой съезжу, погляжу хоть, что за группа, какие лошади. Можно?

– Можно, – Света немного помолчала. – Там Филипп Афиногенов.

– Кто-о? – Катерина аж подпрыгнула. – Сам Афиногенов? Не верю! А почему сразу не сказала, уже б по шпалам доскакали...

– Со стертymi ногами? – усмехнулась Света.

– Так как же... Эх ты, тебя Афиногенов на работу берет, а ты тут сидишь... думаешь...

– Ладно, поехали сейчас. Немного же выпили? Незаметно совсем, – Света резко поднялась с дивана и вдруг пошатнулась.

Катерина успела ее поддержать и усадила обратно.

– Не-а, так не пойдет. Больная девушка не нужна даже тяжелобольному юноше, тем более Афиногенову. Лежи пока. Завтра. Завтра все будет! Увидишь своего голубчика и сразу выздоровеешь. Ты ведь из-за него тогда на вокзале ревела? Только честно? Не из-за денег же?

Света, не ответив, повернулась лицом к стене. Ее тошнило, в голове шли круги. Разноцветные, они то разрастались до огромных шаров, то сужались и плавали туда-обратно, беспокойно мельтеша и мешая думать. С ними все вокруг представало далеким, туманным, неотчетливым. Опять завтра. Почему все хорошее в жизни должно случиться именно завтра, а не сегодня? Похоже, этого счастливого «сегодня» вообще не бывает. Опять наступит завтра, и все пойдет по-прежнему: препятствия, барьеры, оборотни, бродяжья жизнь.

Как вырваться из этого круга? Что они с Динкой, заколдованные что ли? С одной стороны, ничего страшного с ними не случилось, а сто раз могло. С другой – добраться до дому они не могут, как ни крути. То одно то другое. Свете, например, этот дом уже и не нужен. К черту этого Алика с его подонками, деньгами, убийствами, она больше в этом не участвует. Ей осталось сдать с рук на руки Динку – и она свободна, она поедет в Москву. Все, конец.

Она снова задремала, и ей приснился цветущий под солнцем луг. Жужжали пчелы, стрекотали кузнечики, бабочки вытанцовывали парами-веселые польки, а потом она увидела фигуру. Человек шел ей навстречу по колению в траве, за плечом у него была гитара, а волосы ярко блестели. Он к ней приближался, и чувство радости, оттого что они встретятся, становилось все огромней. Оно переполняло легкие, рвалось наружу и волновало нестерпимо. Потом вдруг поблизости страшно ухнуло, рвануло, потухло солнце и все исчезло. Света в тревоге открыла глаза.

– Гроза-то какая начинается! – произнес женский голос. – Сапоги в дом занеси, полные нальет.

– Уже занес, – отозвался мужской.

«Где я? Что со мной? И кто был этот человек на лугу? – с тоской подумала Света. – Почему он внезапно исчез и что это значит?»

Горло сжала тревога, снова заболела голова, Света лежала, уткнувшись в подушку, пахнувшую травой, и беспричинно тосковала. Невыносимо, тяжело, страшно, душно. Она откинула одеяло и огляделась. Опять чужой дом, неизвестно какой по счету. Устало подумала, что так и становятся бродягами, но-чуя по чужим домам и перебиваясь с хлеба на воду.

За окном снова грохнуло и резко потемнело. Хозяйка зажгла свечку и принялась собирать на стол. Поставила миску с помидорами, миску с огурцами, кастрюлю с горячим картофелем, нарезала хлеба и разлила всем из початой бутылки по стопке водки. Все сели за стол.

– С возвращением! – сказала хозяйка и опрокинула стопку.

Все последовали ее примеру и принялись за картошку. Света тоже выпила, и от горького ожога внутри ей вдруг полегчало. «С возвращением, с возвращением», – твердила она про себя. Катька переглядывалась с Максимом, и видно было, как им хорошо сидеть рядом. «А у меня так не выходит, – думала Света. – Не с кем сидеть, прижавшись плечом к плечу, отчего это?»

С возвращением. С возвращением? А с каким возвращением, о чем это? Куда, например, ей возвращаться, если у нее ничего нет, даже дома. Нет и не было. Возвращение, что хозяйка имеет в виду? Что сын ее заговорил, наверное. Было у женщины все хорошо, и вот ее счастье вернулось, сын заговорил. А у меня? У меня ничего не было, а то, что было, оказалось ненастоящим. Как та картинка в парке, где она встречалась с отцом... Господи, а вдруг вся жизнь только обман? Поманит и обманет.

Как сказала та женщина... «Хочешь узнать об отце, пойдем со мной...» Она пошла, и что? Узнала, что все оказалось зря. А если так вся жизнь? Ты идешь, на что-то надеясь, а впереди только обман или смерть. Но все равно идешь, потому что надеешься. Одна надежда погибает, а ты находишь себе другую, потому что иначе нельзя. Может быть, все стоит только на одной мечте, за нее и стоит держаться. Не за реальное же. Реальность обманывает, а мечта нет.

– Слушай, – Катька взгляделась в нее, сощурившись, – ты если поела, так ложись. Лица на тебе нет, и круги под глазами. Отдохни еще, нам ведь завтра с утра ехать. К Афиногенову, – она весело подмигнула.

– Мне кажется, его там уже нет, – Света тяжело поднялась со стула и прилегла на диван.

– Кажется, так крестись, – вдруг рассердилась Катька. Ей так славно было в этом доме, после всех приключений, что не хотелось, чтобы кому-то было плохо. Пусть у Светы будет все хорошо, пожелала она. И вообще, пусть всем будет хорошо.

Света как легла, так сразу и заснула.

Утром, туманным, сырым и пасмурным, ее разбудила Катерина, сказав: «Собирайся, пора!» Света поднялась и зашнуровала кроссовки, думая о том, что почему-то в каждом слове она слышит что-то еще, ловит скрытый смысл. Например, в слове «пора» вдруг обнаружился призыв к какому-то подвигу. Или это из-за того, что голова все еще болит?

Они вышли во двор, Максим уже подогнал старенькую «шестерку». Тучи плотно устлали небо.

– Я не прощаюсь, – утешила Катерина встревоженную отъездом хозяйку. – Мы отвезем Свету и вернемся.

До Брусян они добирались три часа: дорогу после ливня развезло, приходилось объезжать завалы и выбираться из глубоких, заполненных водой колдобин. С Максима ручьем лил пот, а Света мерзла и пыталась закутаться в старое детское одеяло, постеленное на заднее сиденье. Оно было слишком маленьким, и в этом тоже обнаруживался некий знак. Значит, нечего и пытаться вернуться к детству, значит, впереди только взрослая жизнь. А она не обещала хорошего. Света покосилась на Катерину; та давала советы Максиму, щебетала, и все встречные препятствия ее только возбуждали. Счастливый характер. Солнечный.

Наконец они въехали в деревню. Там стояла какая-то странная тишина, и сердце у Светы упало. Предчувствия ее не обманули: группа уехала. Они затормозили у Юлиного дома, Света постучалась и, не дождавшись ответа, вошла. В доме было полутемно, возле кровати стоял табурет с какими-то склянками, а из-под одеяла торчал Юлин нос. На звук шагов она приподняла голову и слабо улыбнулась:

– Привет.

Света подошла к кровати и, присев на корточки, жалобно заглянула Юле в глаза:

– Я опоздала?

– На три часа. В шесть ушел автобус, – Света вздохнула, но Юля снова улыбнулась.

– Филипп тебя ждал до последнего. Но ничего, в конце концов, улетим вместе. Я тоже, видишь... Отравилась чем-то, не могу от туалета отойти, ужас какой-то, позорище. Всем улетать, а у меня расстройство желудка.

– Ждал? – переспросила Света. – А как?

– Как все ждуг. Обыкновенно. Спрашивал, не появилась ли. Да, слушай! Вот что. Плохие новости...

Юля оперлась руками и села на кровати. Лицо ее стало озабоченным:

– Тут такое дело... Только ты сразу не пугайся... В общем, Динку найти не можем. Приехали к Паши в замок, там вообще никого, один охранник, а остальных как сдуло. Что произошло, неизвестно. Мы ведь их давно знаем, четыре года сюда ездим, все было в порядке. А теперь ни Паши, ни Галки, ни таджика. И Динки нет. А охрана либо не в курсах, либо говорить не велено. В общем, покрутились там, а что делать? Хозяина нет, а со слуги какой спрос?

Света окаменела. Господи, за все время она ни разу не вспомнила о Динке! Ведь раз Филипп ей сказал, что девочка в надежных руках, она сразу поверила. Но ведь он не знает их обстоятельств и того, что где бы они ни появлялись, тут сразу все и начиналось! Взрывы, кражи, трупы... Даже в самых надежных руках ее нельзя было оставлять! Господи, что же делать?

Света вскочила и рванулась к выходу, бросив Юле: «Я скоро!»

Она влезла в машину и попросила:

– Максим, еще три километра отсюда дворец такой. Очень надо. У меня там сестра осталась.

– У тебя есть сестра? – удивилась Катерина. – А раньше чего не сказала? Ну ты даешь, разведчица! А Афиногенов где?

– Уехал. Опоздали на три часа. Надо было по шпалам скакать...

– Да уж, – усмехнулась Катя, – по шпалам и сейчас бы еще скакали. И Максима б не встретили.

Катерина ласково погладила молчуна по плечу. Машина тронулась с места, Света, закрыв глаза, откинулась на сиденье. Она не видела, как из-за поворота вывернул черный джип и пристроился за ними на небольшом расстоянии.

У ворот Пашиного дома она выбралась и нажала кнопку звонка на воротах. Ждать пришлось долго, потом открылось небольшое окошко с металлической пластинкой вместо стекла, пластинка поднялась, но между нею и показавшимся в отверстии лицом охранника все равно оставалась прозрачная перегородка.

– У вас моя сестра Дина... Хочу забрать, – решительно произнесла Света.

– Нет здесь ее, – хмуро ответил Бондарчук.

– А где она?

– Не знаю. Хозяина нету, разбежались все. Повар, садовник... Никого нет.

Ушли, а куда – не сказали.

Окошко захлопнулось, Света снова принялась жать на кнопку. Окошко снова открылось:

– Брысь отсюда, не ясно что ли?

– Дайте адрес садовника.

– Да какой у него адрес... Он беженец.

– А повара?

– Люба из Брусян, там и спрашивай.

Окошко вновь захлопнулось. Света принялась звонить снова. На этот раз окошко, едва открывшись, закрылось мгновенно. Света заметила только, что охранник посмотрел не на нее, а ей за спину. Она оглянулась и дрогнула: из-за поворота выехал черный джип и остановился. Света побрела к шестерке Максима, стараясь не выдать своего страха. Опять они.

Открыла дверцу машины, села и мрачно скомандовала: «В Брусяны».

13

Бондарчук меж тем вернулся к своим делам. Беседовать с Пашей. Сел напротив, намахнул водки и надолго замолчал. Разговаривать с Пашей было бесполезно, тот мог словами измучить. Надо было молчать и ждать, пока тому самому надоест. Но Паше игра в пленника не надоедала, видимо, даже нравилось сидеть на привязи в наручниках и изводить своего немногословного стража.

– Что, Андрей Иванович, может, нальешь и мне как бывшему клиенту твоих охранных услуг?

Бондарчук к просьбе не снизошел. Пьяный Паша был ему ни к чему. В делах бесполезен. Ни поить, ни кормить его он не собирался. Паша уже сутки сидел на воде и хлебе, но, что странно, не бушевал и не ныл, все сносил кротко. Только словами пытался извести, но к Пашиным речам Бондарчук давно привык и особого значения им не придавал. Главное – дело. Он предложил хозяину выкупить собственный замок, иначе случится пожар, а страховка оформлена на него, Бондарчука. Паша, естественно, завилял, предложил отступных, но на эти хитрости охранник не поддавался. Перед Пашей лежал договор купли-продажи, и нужно было его подписать, а потом заверить у нотариуса. Без вариантов. Но тот вертелся, хитрил-мудрил и, кажется, тянул время. К ручке не притрагивался, и Бондарчук начал подозревать неладное. Время от времени заезжали разные люди и осведомлялись насчет хозяина, но это охранника особенно не тревожило, а беспокоило Пашино упрямство. Тот на что-то или на кого-то надеялся, только вот на кого, Бондарчук сообразить не мог и морщил лоб от усилий.

– Пей, Андрей Иванович, пей, – приговаривал Паша, – но легче тебе не будет. Своего благодетеля ограбить хочешь. По миру пустить. Но не выйдет. Никто еще на Паше Вертолете не наживался, и быть такого не может, потому что не может быть никогда. Ты пойми: ты слуга по жизни, а я по жизни хозяин, и это судьба. А против судьбы переть бесполезно. Так тебе на роду написано, потому смирись и отпусти меня. Я тебе все прощу, если одумаешься. А если не одумаешься, то накажу.

Паша прищурил хитрые желтые глаза. Бондарчук безмолвствовал, поигрывая ключами. Пусть еще посидит, подумает, может, перестанет пургу гнать. И с чего этот Паша такой наглый? Родился что ль таким?

– Я-то думал, ты умней. Знаешь, что такое «ум»? Это когда человек осознает свои возможности. Что вот это я тяну, а вот это не тяну. Тебе мое имущество впрок не пойдет, зияешь почему? Потому что не ты его добыл. Тебе его не удержать будет, ибо порода твоя босяцкая. Спустишь все или отнимут. Братва же и отнимет. Потому что меня они боятся, а ты для них ноль без палочки. Уяснил? Поэтому, пока не поздно, давай-ка освобождай меня. Пока Паша добрый...

Бондарчук продолжал безмолвствовать. Это еще как поглядеть, кто что спустит. Он-то как раз не пропойца и все сбережет. Ломберный стол тоже сбережет. И подсвечники с картинками, и зеркала, которые Паша то и дело спьяну колотит. И братва еще неизвестно кого боится: может, Пашу, а может, и его, Бондарчука.

От Пашиных мутных речей его начала одолевать сонливость. Он привстал,

проверил узел, которым Паша был привязан к ножке огромного гардероба, откинулся в кресле и прикрыл глаза.

– Хочешь быть мной? Думаешь, завладеешь моим добром, станешь большим и важным, как я? Нет, Бондарчук, не станешь. Если ты маленький человек, то и есть маленький человек, только рост у тебя большой, а сам ты был и есть никто. Человек земли. Из тебя получится хорошее удобрение. И больше ничего, пшик, уйдешь без следа. Бессмысленное ты существо, Бондарчук.

– У меня имя есть, – подал голос Бондарчук. – Сколько раз повторять...

– И имя твое пшик, – согласился Паша. – Можно сказать, что это и не имя даже, а так, кличка собачья. Потому что чем ты отличаешься от животного? Вот чем, скажи?

– Могу в лоб тебе засветить... – холодно ответил Бондарчук.

– И собака тоже может укусить, – кивнул Паша. – А вот принципиально, чем?

Бондарчук в ответ широко зевнул. Зануда этот Паша, и речи его давно всем известны. Все одно и то же. Люди земли, да люди луны, да человек разумный, да человек-насекомое. Бу-бу, бу-бу и пошла писать губерния. Спать хотелось невыносимо, да нельзя.

– Ну хочешь, давай попробуем, – Пашей овладела новая идея: – Допустим, ты хозяин, я слуга. Освободи меня, и махнемся ролями. Прямо сейчас. Я тебе буду прислуживать, а ты приказывай.

Бондарчук приоткрыл левый глаз. Ну да, щас. Разбежался. Такой слуга на хрен нужен. Слуга должен быть, как таджик Миша. Послушный и исполнительный.

– Не-а, в слуги, Паша, тебя никто не возьмет. Даже я, – произнес он.

– Вот видишь, – обрадовался хозяин. – Значит, ты не дурак, а временно заблуждаешься.

Бондарчук решил молчать. Впрочем, Паше это по барабану. Ему собеседник не нужен. Все равно будет молотить без остановки. Говорят, он раньше у бандитов «на умнике» сидел, задумывал проекты и споры разруливал, да врут по-ди. Болтун просто, кто ж его слушать бы стал, пустобреха... Охранник снова зевнул. Водка его не брала, дело не двигалось, было скучно и тревожно одновременно.

Заиграл мобильник, Бондарчук нажал кнопку и вышел из комнаты. Звонил лейтенант Лошак.

Дина все подбивалась к Мише. Она придумала план: сходить в замок на разведку. Она же знает Шуркин лаз, быстро сбегает и посмотрит, что там. А потом ей надо в Брусяны, ее сестра уже обыскалась, наверное. Миша сперва отказывался, опасаясь Бондарчука, но Дине пришла в голову мысль, что вдруг Шурка туда вернулась, и таджик сразу согласился. Вышли они ближе к вечеру и добрались, когда уже начало смеркаться.

Первым делом Дина сиганула в часовню отпираться Галочку. Мысль о пленной красавице ее не оставляла, было б ужасно, если б та погибла от голода. Ведь никто, кроме нее и Паши, о ней не знал, а если людоед Бондарчук расправился с Пашей, то Галочке придется туго.

Дина пробралась в темную часовню, повернула ручку под ковром и увидела все ту же сказочную картину. Красавица спокойно читала под лам-

пой-тюльпаном, волосы ее блестели. Она улыбнулась Дине:

– Ты что, не ушла?

– У нас переворот, – с ходу заявила Дина. – Бондарчук захватил хозяина в плен. Измывается, наверное.

– Что ты такое говоришь? – изумилась красавица. – Еще кто над кем измывается, надо посмотреть!

– Так пошли! – предложила Дина.

Галочка встала и нерешительно поглядела на оставленный диван. Видно, ей было тут не так уж плохо. Нравилось в темнице.

Они выбрались из часовни и неслышно обошли дом. Ни звуков, ни следов пребывания людей не было. Здание точно вымерло, лишь на втором этаже, в кабинете горел свет. Поняв, что ничего узнать не удастся, они выбрались через Шуркин лаз на волю. Галочка ежилась от прохлады, вздрагивала от шорохов и птичьих криков и вообще казалась Дине слабой и беззащитной, как маленькая девочка. Она и сама это заметила.

– Что-то я в этой часовне какая-то вялая стала, – пожаловалась она. – Или Паша меня сломал? Выдрессировал?

За стеной их поджидал Миша.

– Надо милиция звать, – заявил он, выслушав их отчет.

– Сейчас милиция уже закрыта, – объявила Дина. – Пошли в Брусяны, а утром – в милицию.

Миша, опечаленный отсутствием Шурки, неохотно согласился. Они двинулись по ночной дороге. Фонари не горели, вокруг шелестели кусты и было страшновато, поэтому шли быстро и обрадовались, когда на холме показались огни деревни. Дина привела их к дому Василия. Ворота уже были заперты, но на стук открыли.

– А-а, явилась! – обрадовался ей Петька. – А я думаю, куда пропали, инструмент даже бросили.

– А Света где?

Петр отвел глаза. Он знал только, что группа ее потеряла. Ждали, да так без нее и уехали.

– Не в курсах, – он развел руками.

Дина нахмурилась. Только этого еще не хватало. Вот же какая Светка, совсем ее бросила. Поручай таким детей.

– А Афиногенов где?

– А в Саратове, видать. Раным-рано сегодня отбыли.

– А Света? – Дина все сильнее хмурилась.

Ужас какой-то. В замке переворот, Афиногенов улетел, а главное, Светка пропала. Оставила ее с таджиком, Любой, которая то и дело сходит с ума, и беспомощной Галочкой, которая сама хуже инвалида.

– Да не в курсах я. Ее уж два дня как нету, – развел руками хозяин. – За документами что ль поехали. С рыжей. Но та вернулась, а энта нет. Может, в городе осталась... Вот я и думал, что с инструментом делать?

Дина заволновалась. Но что толку беспокоиться, нет и нет. Появится же все равно. А пока надо устраиваться с ночлегом. И Мише, и Галочке нужно где-то ночевать, и Дина пошла договариваться с хозяйкой. Та, добрая женщина, всехпустила. Дине спалось плохо, то вспоминалась Баба Яга, то пропавшая собака, а больше всего она переживала из-за Светки. Что та ее бросила. Может, уже

съездила за документами и сидит со своим джокером где-нибудь на колесе обозрения и целуется. Нет. На Светку не похоже. Да и не станет он с ней целоваться, у него получше есть, у него, как говорил Семен, таких пять штук на каждом углу. С этими невеселыми мыслями Дина заснула и с ними же проснулась.

День начинался безрадостно, серым тихим дождиком и каким-то заунывным воем. Дина не сразу поняла, что это поет Миша. Встав, она пошла во двор умываться, почистила зубы и пошла прогуляться по деревне. Без конной группы тут было совсем пусто и невесело. Деревья стали какие-то ржавые, даже рябина – красная и мрачная, как кровь.

Проходя мимо Юлиного дома, Дина заглянула в окно. Ей показалось, что внутри кто-то есть, и она вошла без стука. Тихо сказала «здрасьте», повернувшись к кровати, на которой, кажется, спали. С подушки одновременно поднялись две головы, и у Дины вдруг встал комок в горле, так захотелось зареветь, но она справилась, только сильно искривились губы. Одну из этих голов она очень даже хорошо знала.

– Света, – упрекнула она. – Ты не уехала?

Света выбралась из постели в чужой ночной сорочке, вся какая-то худая, с незнакомым выраженьем на лице, но все-таки своя, такая... такая... Дина не могла подобрать слов.

Сестра подошла, прижала ее к себе и погладила по голове. Сразу стало тепло. Дина поняла, что кроме Светки, близких у нее нет. А если и есть, то далеко. И тем более обидно, что она ее бросила на чужих. Отступилась. Раз Алик бандит, значит, надо сестер бросать, так выходит?

– Света, как ты могла? – Дина еле удерживала слезы. – Оставить меня там?

– Ну прости. Больше не буду. Больше не оставлю.

Они немного постояли молча обнявшись. Дина глотала катившиеся, уже неудержимые слезы, уткнувшись Светке в живот. Нашлась все-таки, не уехала без нее! Наконец, Света, оглядев Дину, усмехнулась:

– Где это ты так разоделась? Опять украла?

– Сама ты украла, – рассердилась Дина. – Это подарок.

– Хорошенькая! – подала голос Юля. – Как кукла.

– Вот именно, – хмыкнула Света.

Юля тоже выбралась из кровати и пошла к зеркалу разглядывать себя и причесываться. Пока она совершала утренний туалет, девочки болтали.

– Света, а я видела старуху, – Дина округлила глаза. – Ту, помнишь, где мы ночевали, когда Колюня Климкинский арбуз разбил. Так вот, представляешь, она теперь везде шляется и собаку Мишину увела. Может, теперь Шурка тоже стала бессмертная, и они вдвоем ходят. Только Мишу жалко, он знаешь как по ней убивается... Ой, а чего я здесь сажу-то? Нам же в милицию надо. Хозяина замка спасать, ему охранник устроил переворот, теперь, наверное, пытается и мучает...

– Ты что, в милицию собралась? – Света посмотрела на сестру выразительно.

– Ну, собралась. Надо же знать, чем все закончится...

– У нас свои дела, понятно? – отрезала Света, а Дина насупилась.

– А где Афиногенов? – поинтересовалась она.

– Не суй нос куда не надо, ладно?

Вовсе и не ладно. Дина рассердилась. Светка побыла пять минут хорошей, а теперь снова как всегда.

– Так что там у Паши? – проявила интерес Юля, но Дина уже погасла:

– Говорю же, переворот.

Юля села к столу и воззрилась на Дину:

– Расскажи подробно.

Дина принялась рассказывать. История про медсестру Мариулу, злого Бондарчука и красавицу Галочку получилась долгой. Юля слушала, разинув рот, а в конце с досадой вздохнула:

– Или воображение у тебя, или мы на самом деле зря книжки покупаем. Пока книжки читаем, тут прямо под боком такое творится!

– Да не придумываю я! – обиделась Дина.

– Да уж, такое придумать трудно!

– Пошли с Галочкой познакомлю! – предложила Дина.

Юля тут же согласилась, и все отправились знакомиться. Галочка ехать в милицию опасалась, да в общем, и не знала, как туда добираться. Юля вызвалась их довезти до станции, а Дина смотрела так жалобно, что Света в конце концов кивнула, и все, кроме печального Миши, залезли в машину. Отпускать Динку одну Свете уже не хотелось. Кроме того, не далее, как вчера, поблизости оказался черный джип. Никогда они не оставят их в покое, эти бандиты.

Место было им слишком хорошо знакомым. Это была узловая станция. Площадь, куда автобус доставил тело Колюни, синее здание линейной милиции. Здесь они ели в ресторане, а в это время Зина бежала, и руки у нее болтались, как веревки. Только не хватало Семена и художника Арсения.

Пока Миша с Галочкой ходили в милицию, Света с Диной сидели в машине. Дина вертелась во все стороны.

– Вон, вон он, цыган! Который на скрипке заставлял играть! – она показала Свете пацана с сигаретой за ухом. – А вон его сестры!

– Скрипка в багажнике, – сказала Света. – Можешь вернуть.

– Еще посмотрим на его поведение.

Дина продолжала наблюдать за цыганским семейством, а Света вспоминала тир. Как она стреляла и выиграла. Как улыбался ей стрелок, что обещал...

В милиции тем временем Галочка с Любой пытались объяснить капитану Истратову, что им нужна помощь. От каждого слова тот морщился и тупел прямо на глазах. Лейтенант Лошак усмехался в усы, в беседу не встречал, но слушал внимательно.

– Не пойму я вас, барышня, – Истратов откинулся на спинку стула. – Говорите ясно, что произошло. От Павла Дредо жалоб никаких не поступало. Информация, что его взяли в заложники, никем не подтверждается. Ну, может, повздорили они с Бондарчуком... Криминала я тут пока не вижу. Доказательства есть какие-нибудь? Ну и чего я буду разъезжать, бензин тратить? Это ваши личные дела, чье там имущество, кто что взрывать собирается... какая страховка... нас не касается. Это в суд. Правонарушений нету? Нету. Никого не убили, не ограбили? Так о чем тут толковать?

– Вам надо, чтобы убили? Тогда только с места тронетесь? – возмутилась Юля.

– А вы тут лошадей тренируете? – заметил, искоса глянув на нее, Истратов. – Так их и тренируйте, ладно?

Капитан уже устал и от собственной пространной речи, и от их бестолковости:

– Нет у меня оснований врывать на частную территорию, нету! То, что вы тут излагали, это лепет детский. Или домыслы. Бумага не выдержит, чего вы тут нагородили.

Лошак снова усмехнулся. Делегация растерянно переглянулась, постояла в задумчивости и, ввиду исчерпанности аргументов, расстроенной стайкой покинула помещение, не попрощавшись.

– Уфф! – Истратов сдвинул фуражку на затылок и отер пот. – Что я тебе говорил? Бондарчук-то не дремал.

– Правы вы, Александр Палыч, дело это частное, нас не касается.

– Пауки в банке, – согласился Истратов и пошел ставить чайник. – Пусть сами с добром своим разбираются.

Пока капитан заваривал чай, Лошак раздумывал, как позвонить Бондарчуку и проинформировать о событиях. Капитан тем временем вышел покурить на улицу и огляделся по сторонам. Рыженькая с делегацией все не могли успокоиться, что-то обсуждали или ждали кого, не усаживаясь в машину. На противоположной стороне площади цыганский отпрыск, как бишь его зовут-то, не мог вспомнить капитан, держа под мышкой скрипку, разговаривал с двумя девочками. Одна из них была наряжена, как кукла.

– Эй, ромалэ, как тебя там, подь-ка сюда!

Света с Диной тоже было сделали шаг, но Света притормозила. Пацан оглянулся на них с опаской: «Вас что, милиция ищет?»

– Да! – вдруг гордо заявила Дина.

– Стойте тут! – пацан шустро двинул к капитану. Они быстро переговорили.

– Чего он тут раскомандовался... – неуверенно завела Дина, но огромный капитан уже подзывал их пальцем. Они покорно двинулись к нему, не ожидая ничего хорошего. Цыганский мальчик, минуя Дину, ловко стянул у нее с волос ленту и растворился в толпе приезжих.

– Отдай, дурак! – возмутилась Дина.

– Молчи, – одернула Света. – Говорила, не надо было сюда ехать. Теперь у нас проблемы.

Воспользовавшись тем, что капитан отлучился, лейтенант набрал Бондарчука. Телефон долго не отвечал, потом трубка откликнулась, но голос был чужой.

– Павел Васильевич? – Лошак, наконец, опознал собеседника. – Из линейного отдела беспокоят, лейтенант Лошак. Проверочка. Поступила информация, что у вас какие-то проблемы.

– Не-а, – отозвалась трубка. – Это у дураков проблемы...

– Тогда простите за...

– У тебя скоро будут, – перебил Паша, – потому что ты не с тем дружишь...

Увидев входящего капитана, Лошак быстро дал отбой, подивившись про себя, как быстро Паша справился с Бондарчуком и что, в сущности, прав оказался он, а не капитан, переоценивший охранника.

Юля с Мишей и Галочкой остались стоять в полной растерянности. Помощи от милиции они не добились, а девочек капитан увел, бросив на ходу, что сейчас протокол будут заполнять. Чтоб не ждали, в общем. Правильно, бандиты ему не нужны, а девчонок он сцапал, этот доблестный капитан, подумала Юля, но мысли ее были прерваны.

– Сдаваться надо, – заявила Люба. – Ехать сдаваться Бондарчуку. Пощады просить.

Галочка понуро кивнула. Юля, поудивлявшись их пораженческим настроениям, предложила довести, решив, что за девочками она вернется позже. Забрали в Брусянах Мишу и направились к замку, где их ждал сюрприз. Ворота им открыл сам Паша Вертолет, уже хорошо вкрученный, и широким жестом пригласил внутрь.

– Ну что, жена? – спросил с усмешкой. – Уже похоронила? Ощутила горе вдовства?

Вместо ответа Галочка повисла у него на шее. Миша тоже сиял от счастья.

Они сели пировать. Бондарчук сидел взаперти и не понимал, как вышло, что он потерял бдительность и заснул, а Паша просто перегрыз веревку, а потом ею же и принялся душить охранника, пока тот не захрипел и не взмолился о пощаде. Теперь Паша излагал публике план перевоспитания охранника. Галочка морщилась и советовала выгнать его к чертовой матери, но Паша ее радикальных взглядов не разделял. «Люди земли» никогда не могут смириться с тем, что они мусор, и хотят сыграть роль повыше, дело-то житейское. Бондарчук получил урок, и любопытно, какие выводы он сделает.

– Никаких, – заявила Галочка. – В другой раз лучше подготовится.

– Так и я тоже, – отвечал Паша, – я всегда буду на полкорпуса впереди.

– Так и жизнь пройдет в борьбе с Бондарчуком.

– Ну так предложи другое, – возразил Паша. – А Бондарчук, чем не времяпрепровождение? На врага он не тянет, конечно, но и Бог с ними, с врагами, что-то я их вовсе разлюбил. А развлечься и с Бондарчуком можно. Хоть и человек земли, а все Божья тварь.

– Все б играл, – ласково упрекнула Галочка.

После Пашиного освобождения она приободрилась и ожила, точно его присутствие дало ей силы для жизни.

– А Люба-то где? На кухне что ли? – спросил Паша. – А певунья куда подевалась, которую чемпион оставил. А, Миш?

– Милиция забрал, – отвечивал таджик.

– А, ну да! Она ж важная персона! У нее батя бандит! Два лимона ребенок стоит, целое состояние. Вот Бондарчук-то не знает, он бы ее продал. Как вишневый сад! Господи, ну и времена, детьми торгуем, как предметами...

Девочки пересекли площадь, медленно приближаясь к капитану. Свету начали мучить нехорошие предчувствия. Алика с мамой, скорее всего, арестовали, а их хотят сдать в детприемник.

Капитан Истратов завел девочек внутрь. Они зашли в комнату и сели перед толстым коротышкой на неудобные скрипучие стулья. Сидевший достал листок бумаги и приготовился его заполнять, изображая тяжелые усилия. Огромный стоял у них за спиной и дул чай, громко фыркая. В обезьяннике, как всегда, сидела Оля. Страшный голос откуда-то сбоку завыл:

– Гады, сволочи, суки позорные, дайте воды!

Дина решила не оборачиваться. Все равно ничего хорошего она не увидит.

– Проститутки? – брякнул коротышка.

Слово было обидное, но Света ответила, не растерявшись:

– Мы не проститутки, мы потерялись.

Коротышка что-то медленно записал, тяжело отдуваясь.

– Мы на экскурсию поехали... – вступила Дина, но румяный коротышка грубо скомандовал, глянув на Свету, точно пролаял:

– Фамилия, имя, отчество.

– Малахова Светлана Александровна, 1991.

Коротышка записал, отдышался после тяжелых трудов и покосился на Дину?

– Сестра твоя?

– Да.

– Что-то не похожа... Фамилия, имя, отчество.

– Муртазаева Ди... – начала было Света, но коротышка не дал договорить.

– Она что, фамилию свою не знает? – съязвил он.

Дина уже начинала его ненавидеть, но решила вести себя, как Света. Та держалась скромно, не выступала, значит, в милиции так и надо. Хотя было заметно, что Светка волнуется, но она старалась не подавать виду. Как будто для них дело обычное, что в милицию попали. Как будто они просто разговаривают, и толстяк на них не лает. А на самом деле лает, да еще как, и видно, что он их заранее ненавидит и хочет в тюрьму засадить. А Света всем поведением доказывает, что ей не страшно, а значит, они ни в чем не виноваты, а значит, сажать их не за что. В общем, поединок выходит, и Света пока что молодец. Не возражает ему, говорит спокойно. А как с ним поспоришь? Отправит в детскую колонию, а там наверняка кошмар похуже замка и Бондарчука.

– Знает.

– Знает, так пусть сама отвечает...

На Свету он больше не глядел, потеряв к ней интерес и занявшись протоколом.

– Муртазаева Динара Альбертовна, – сказала Дина, поняв, что настала ее очередь отвечать. Она тоже хотела выглядеть серьезно. – Двадцать шестое ноль шестое.

– Чего двадцать шестое ноль шестое? – вцепился коротышка.

Видимо, ответ неправильный. А чем? Ведь это любому дураку понятно, думала Дина, а этот нарочно делает вид, что не понимает. Папе пожалуюсь, мысленно пригрозила коротышке Дина, но вслух этого говорить не стала.

– Муртазаева, тебя родители ищут, знаешь? – перебил тот, что стоял за спиной, пил чай и громко, как лошадь, фыркал.

– Да, – ответила Дина и победно посмотрела на Свету.

Вот, все правильно, ее ищут! Наконец-то все выяснилось, и не надо бояться коротышки. Они победили! Папа ее нашел,

– Иди звони, – скомандовал капитан коротышке.

Лейтенант ушел в соседнюю комнату и достал из засаленного блокнота обрывки.

Перебрал их, прикинул, по которому лучше позвонить, и, недолго думая, вытащил тот, где был записан телефон дерганого на «паджеро». Исходил он из

простых немудреных расчетов. Нервный, во-первых, обещал больше, во-вторых, аванс возвращать не придется, в-третьих, Лошак надеялся, что детей почти стопудово повезет он, а значит, можно выбрать правильного клиента. Никаких обязательств у милиции перед этими, типа Мирзы, нет. Он набрал нужный номер:

– Нашли детей, Муртазаева Динара и Малахова... Да, у нас... Забирайте, район Октябрьский... – слышалось из-за стенки.

Коротышка вернулся и равнодушно взглянул на девочек. Никакой симпатии к этим бандитским отпрыскам он не питал по определению и имел в этом деле сугубо материальный интерес.

– В следующий раз в приемник-распределитель поедете. Козы, – заметил сквозь зубы, потом перевел взгляд на капитана, изображая исполнительность, поправил ремень и спросил как можно равнодушной:

– Ну что, везти?

– Сиди здесь.

Капитан Истратов поставил чашку на стол. Своего коллегу он недолюбливал за мелочное мздоимство и то удовольствие, которое Лошак получал, если удавалось над кем-нибудь поиздеваться. Сейчас он что-то слишком возбудился. По сравнению со своей обычной ленью и нерадивостью, смотрелся бравым молодцом, готовым к работе. Истратов поглядел на девочек, показавшихся ему напуганными, и решил, что будет надежней, если он съездит сам. Дети все-таки.

«В машину садитесь», – скомандовал им.

Они подъехали к Октябрьскому райотделу. Уазик остановился на пыльной пустой улочке, не доезжая до здания. Александр Палыч вылез, вытер лоб, нацепил фуражку. Из джипа «паджеро», стоявшего неподалеку, вышли двое. Кто-то еще сидел внутри, но было не рассмотреть, кто. Первый из тех, кто вышел, нервный, худой и кадыкастый, заглянул в окошко уазика и улыбнулся. Этих братков капитан и раньше видел, сразу приняв именно за тех, кем они на самом деле были. Дина, выглянув в окно, тоже узнала худого. Это был тот, в которого возле тюрьмы папа щелкнул окурком. Света тоже его узнала.

– Здравсьте, – сказала Дина, не зная, что ответить на его испытующе-радостный взгляд. Он так откровенно обрадовался, увидев ее, что она удивилась.

– Привет, Дина.

– Ваша? – уточнил Истратов.

Он не был уверен, что это люди Мирзы. Кто их разберет, эти волчьи стаи. Возникло некоторое напряжение. Что-то шло не так, а в чем проблема, капитан пока не просекал. Но было похоже, что детей совсем не обрадовала встреча с родными и близкими, вид у них стал еще более напуганный. Кому этот Лошак звонил-то? Может, ошибся?

– Да. Спасибо. Извини за хлопоты, – Шиза протянул капитану руку. Кадыкастый не мог скрыть ликования.

– Оформить надо, – капитан кивнул в сторону здания, оттягивая время. Собеседник, наоборот, спешил.

– Да уже оформили, – Шиза подмигнул, отвел Палыча за локоть и достал деньги: – Вот, заполни там.

Дина ничего не могла понять. Она ждала папу с мамой, ну на худой конец, дядю Мишу с Толиком, а это кто? Радость ее была омрачена, и начали одолевать сомнения. Она посмотрела на Свету, которая уже разглядела и Шизу, и прилизанного, и даже голову «яичного желтка» в окне джипа. Лицо ее сморщилось, брови насупились. Сомнений больше не оставалось, но выхода тоже не было. Милиционеры продали их бандитам.

– Это они, – сказала Света.

Слова прозвучали как сигнал. Девочки переглянулись и одновременно бросились открывать двери. Но дверных ручек в уазике не оказалось.

Света в отчаянии огляделась – на переднем сиденье остался автомат, но капитан уже подходил к своей машине, засунув что-то в карман. За ним, чуть поотстав, шел Шиза и еще один, гладко и красиво причесанный. Света не могла отвести глаз от автомата.

Дина, увидев их всех, вдруг горько расплакалась. Но капитана Истратова поразили не ее слезы, а выражение полного отчаянья на лице старшей.

– Дяденька, – зашептала Света, – не отдавайте нас, пожалуйста. Они ее ищут, понимаете, из-за отца, у нее папа бандит, понимаете, а они тоже бандиты. Он вам денег заплатит, только не отдавайте нас!

Капитан странно посмотрел на Свету. С ходу сообразить, что произошло, он не мог. Значит, договорились с Мирзой, а приехали другие? Лошак намудрил? Вязываться в бандитские разборки капитану Истратову было не с руки, и он раздумывал, как тут лучше поступить.

– Пожалуйста, – взмолилась Света. – Они ее украсть хотят, они дом сожгли,

они убить могут! – шептала Света.

– Не бандит он! – вдруг крикнула Дина, обидевшись за папу. – Врет она все!

Девочки заревели обе, в голос. Вынести это капитану было уже не под силу. Взгляд его стал еще более задумчивым: он был не из тех, кто принимает решения быстро. Но тут сзади кто-то скомандовал: «А ну, вылезай!» Капитан недовольно оглянулся, и расклад ему сильно не понравился: вся четверка из джипа стояла уже возле уазика, прямо у него за спиной. Он почувствовал себя в ловушке, и это было неприятно.

Оглянувшись на братков, капитан выставил их на обозрение девочкам. Света, увидев их совсем рядом, моментально захлопнула дверцу. Красиво причесанный среагировал на звук нервно и дернулся, чтобы ее открыть. Это было ошибкой.

– Куда ты? – Палыч отвел его руку своей мощной лапой. В конце концов, уазик – его территория, а он еще ничего не решил.

– Открой дверь, капитан, – приказал Шиза. – Не ищи проблем.

Этого только не хватало. Палыч удивленно наклонил голову, то ли не понимая, то ли изображая непонимание, но причесанный снова не выдержал:

– Открывай давай!

Болт шагнул к машине. Ему передалось нетерпение Шизы, да и тормозной капитан начинал действовать на нервы. Договорились, заплатили – что за дела! Начинались непонятки.

– Стоять! – вдруг рявкнул капитан и якобы взялся за кобуру, которой не было.

Пацанам стало ясно, что договориться по-хорошему не удалось и мента придется лечить. Четверо окружили его, Шиза сделал к нему по-кошачьи мягкий шаг, но тут же остановился, как вкопанный. Остальные трое тоже застыли – из окна уазика на них уставилось дуло АКМа. Света держала его неподвижно, правильно отставив локоть и уперев приклад в плечо. Терять ей было совершенно нечего и надеяться не на кого. Как тогда, когда ее грабил и пытался насиловать бугай, она чувствовала себя сильной. Сильней этих всех. Тем более с оружием.

Капитан, повернувшись к машине, увидел дуло последним и тоже застыл. Так продолжалось секунду или две, пока причесанный снова не дернулся в сторону машины с угрозой:

– А ну, брось...

Шутки закончились. Свете осточертели эти догонялки, она ненавидела этих подонков по-настоящему и по-настоящему хотела убить. На секунду в голове возник вопрос Климкина, может ли она выстрелить в человека. Когда отвечала, она не была уверена, но сейчас точно знала, что может. И даже хочет, потому что других средств нет.

Грянул одиночный выстрел, и из-под носка того, в кого она стреляла, взметнулся фонтанчик пыли. Закаркали, снявшись с дерева, вороны. Причесанный с опозданием подпрыгнул. «Попляши!» – зло прищурилась Света.

– Ты чего? – заорал он побледнев. – А ну брось, сказано!

Сейчас, уже бросила. Второй выстрел поднял пыль точно меж его ботинок. Капитан оценил его меткость. Пыль взметнулась вместе с сухими листьями. Причесанный снова высоко подпрыгнул и даже взвизгнул:

– Ты че делаешь, овца?

«За овцу ответишь!» – прищурилась Света.

В третий раз пуля прошла выше, прошив Болту штанину. Сделав немислимое па, тот едва удержался на ногах. Вся компания, оцепенев, наблюдала за неравной дуэлью. Первым пришел в себя капитан. Он медленно пошел прямо на дуло, одной рукой схватил автомат, а другой врезал Свете по лицу. Огляделся, сел за руль и яростно захлопнув дверцу, рванул с места.

Шиза проводил уазик, взвивший облако пыли, красноречивым взглядом. Глаз у него дергался.

Дина сочувственно глядела, как у Светы льется из носа кровь, и про себя осуждала милиционера. Ясно же, что Светка всех спасла. И его самого тоже. За что, спрашивается, он ее стукнул? Света медленно приходила в себя. После жуткого напряжения напала слабость, руки мелко дрожали. Она вытирала кровь грязным платком.

Капитан Истратов высказался за всю дорогу только один раз:

– Объяснительную мне кто будет писать? Страниц на пять за каждый патрон. А потом за каждую страницу мозги будут полоскать по полгода! С-снайперша...

Капитану не верилось, что ситуация неразрешима. Стрелять – последнее дело, надо лучше думать. Пока он решил спрятать девчонок подальше и самому разобраться, что к чему.

Вначале ехали по поселку, подпрыгивая на всех ухабах, потом свернули. По обочинам пыльной дороги начался лес. Света запрокинула голову: куртка была уже вся в крови. Дина, опасливо глядя в спину молчаливого милиционера, размышляла, что теперь он их точно посадит. Или за бродяжничество, или за Светину пальбу. Куда, например, они сейчас едут? В тюрьму какую-нибудь?

Но он заглушил мотор возле небольшой реки, открыл двери, чтоб они вылезали, и засвистел кому-то на противоположном берегу, который казался даже не берегом, а островом. Никто не отозвался, и капитан, загнав девочек на паром, потянул веревку. Они медленно приближались к хибаре на острове. Света, присев, наклонилась и ополоснула лицо и руки. Кровь все еще не унималась, нос распух. Когда вышли на берег, милиционер забарабанил в двери хибары:

– Сейфуллин, открыл дверь, быстро! Ты ведь дома, паскуда!

Никто не отзывался, и капитан принялся рыскать по двору. Откуда-то сбоку донесся собачий лай. Истратов пнул дверь сарая, и оттуда вылетел махонький, сморщенный мужичонка в пиджаке, за следом за ним – рыжий пес. Пес радостно завилял хвостом и обнюхал девочек. Хозяин изобразил удивление:

– Не слышал, не слышал, спал я, спал, Алисан Палыч, вон Форшмак разбудил.

– Сейфуллин, я тебя все-таки посажу. Только попробуй, попрячься у меня еще.

– Зачем прятаться? Зачем?

Мужичок подпрыгивал на ходу, пытаясь догнать капитана, вытаскивал из кармана пиджака ключ и хотел заглянуть мрачному Истратову в лицо, но это ему не удавалось. Наконец он отпер дверь, пропустил милиционера вперед и юркнул следом. Девочки остались сидеть на кривой лавке возле дома. Света шмыгала, Дина гладила собаку со странным именем Форшмак.

– Тебе надо что-то холодненькое приложить, – посоветовала Дина сестре. – Например, мороженого.

– Угу, – усмехнулась Света, выразительно оглядев холм, озеро и паром.

Дина вскочила и скрылась в доме. Милиционер сидел за столом и пил чай, фыркая и отдуваясь.

– Дяденьки, у вас ничего холодненького нету?

Мужичок суетливо вскочил и распахнул холодильник. Вытащил замороженный пакет:

– Куриса подойдет?

– Подойдет, – Дина взяла пакет и вышла.

– Кушайте на здоровье, – поклонился ей вслед мужичок.

Света приложила к лицу замороженную курицу. Дина по-хозяйски огляделась и снова принялась гладить собаку. Ей тут даже нравилось. Лучше, чем в замке со змеями и в «домах мертвецов». Все-таки есть Сейфуллин, собака, еда. Озеро и природа кругом. Хотя природа ей уже надоела. Хоть бы на трамвае прокатиться разок. А милиционер, хоть и строгий, но, скорей, для виду, не похоже, что злой. Все-таки бандитам не отдал. Потом тут река и вокруг лес, и не так уж легко до них добраться. Хотя, может быть... А вдруг это и есть тюрьма? А старик – тюремный надсмотрщик?

Капитан закончил пить чай и вышел на крыльцо. Посмотрел на девочек, и они как по команде встали.

– Значит так. Сидите тут и не высовывайтесь. Что надо будет – Сейфуллину говорите.

– Спасибо вам, – вырвалось у Светы.

– Чего-о? – потянул капитан и хмыкнул: – Ты бы лучше меня застрелила, меньше бумаги бы пришлось изводить...

Но у него уже отлегло, и он улыбнулся. Сейчас ситуация выглядела немного комично. Девчонка тремя точными выстрелами разогнала бандитов.

– Иди еду готовь, снайперша...

Капитан Истратов принялся спускаться с холма к парому, а Сейфуллин шустро побежал за ним:

– Алисан Палыч, в поселок возьми. Тут один сижу, новости никаких не знаю...

– Поехали, – снизошел капитан.

Девочки смотрели, как Сейфуллин изо всех сил тянул веревку парома, транспортируя тяжелого капитана, а пес бегал по берегу и жалобно поскуливал. Потом капитан нырнул за руль уазика, они развернулись и уехали, а Света оправилась на кухню варить куриный суп с лапшой, обнаруженной в шкафу. Дина осматривала хибару, листала старые альбомы и время от времени подбадривала Свету, чтобы та готовила быстрее. Все-таки суп – хорошая еда.

Света начистила картошки, бросила в бульон лаврового листа и села с половником на табурет. Снова заболела голова и появилось чувство, что силы иссякли. Захотелось прилечь.

– Как ты думаешь, нас скоро заберут? – спросила Дина.

– Должны.

– Уже домой хочется.

Понимаю.

Дина немного подумала:

– Света, а может, мама с папой уже уехали куда-нибудь? Ну, без нас? Не смогли найти и уехали. Вдруг мы так всю жизнь будем?

Дине вдруг стало жалко себя и захотелось плакать. Света глянула не нее устало:

– Только не вздумай реветь... Не будут же он нас вечно прятать. Мы этого дядьку попросим, он их найдет.

– А если не найдет?

– Найдет. Он же милиционер все-таки.

– Ага... А вдруг... – Дина припомнила, как цыганский мальчишка отдавал толстому милиционеру деньги. – Думаешь, все милиционеры такие хорошие?

– Это смотря для кого, – произнесла Света. – Я, например, с ними не связываюсь, и они меня не трогают.

Дина выразительно поглядела на ее распухший нос. Нос явно опровергал сказанное.

– Вижу... – хмыкнула она. – А почему он нас сюда спрятал?

– Из-за денег, скорее всего... Твой отец ему денег даст.

– Хозяин замка говорил, что я стою два лимона. Думаешь, два лимона – это много?

– Порядочно.

– Неужели милиционер такие деньги получит? Тогда на что мы станем жить? Это же разорение!

Света сняла кастрюлю с плитки, нашла на полке помятую железную миску, похожую на собачью, налила туда супу и поставила на окно остывать, чтобы младшая не обожглась. Дина тем временем успела обдумать слова «твой отец». Тон, каким они были произнесены, ей не понравился, и она решила высказаться.

– А я знаю, что мой папа бандит, – заявила она. – Но зато он добрый! И меня любит. Мы в Австрию поедem на лыжах. А твой папа тебя бросил.

Ответа не последовало. Дина посмотрела на Свету и поняла, что зря она, наверное, это сказала. Лицо у Светы стало злое и несчастное, как тогда в милицейской машине, когда она схватила автомат и принялась палить. Света помолчала и проговорила совсем тихо:

– Еще неизвестно, кто кого бросил и что хуже.

Но Дина знала, что дети отцов не бросают. Только наоборот. А потом она увидела, что Света плачет. Хотя плакала она скрытно, отвернувшись к полке с кастрюлями, и без звуков, только чуть-чуть вздрагивала ее спина.

– Ну и что, подумаешь, – сказала Светиной спине Дина, – Даже если они нас не найдут, мы теперь уже можем вместе жить. И в Австрию можем вместе поехать.

Это не помогло. Дина внимательно посмотрела на спину. Кажется, еще хуже стало. Она тихо взяла с окна тарелку и принялась есть, стараясь делать это бесшумно.

«Поеду в Москву, – думала Света. – Найду стрелка. Может, возьмет в охранники прямо сейчас. Все равно я выгляжу старше, а стреляю лучше его охраны. Зачем вообще нужны родители? Можно и без них. Главное – что-нибудь уметь. Если умеешь, то не пропадешь!»

Мысли у нее начинали путаться, она встала и, не замечая Дины, прошла в комнату. Диван у старика был продавленный, подушка воняла дешевым таба-

ком. Света легла и накрылась тулупом. Дина отложила ложку и пошла за ней:

– Ты чего?

– Голова болит.

На лоб ей легла маленькая ледяная ладошка:

– У тебя температура, лежи, надо лекарства поискать.

Дина обошла комнату, обнаружила множество коробок и принялась их обследовать. Перевернула все, но никаких лекарств и в помине не было. Она приволокла с вешалки старое пальто и накрыла Свету. Потом подтащила табуретку к ее дивану и поставила рядом свой недоеденный суп:

– Ешь, тебе надо поправляться.

Света приподнялась, с трудом проглотила несколько ложек и рухнула обратно. Лоб у нее моментально вспотел, голова пылала, горло саднило. Она закрыла глаза и, чтобы отвлечься, принялась думать о стрелке. О том, как когда-нибудь однажды она его спасет. Они убегут вдвоем, но ее ранят, они найдут такую же хибару, и он будет сидеть рядом и кормить ее супом из миски. В конце концов, неважно, что с тобой происходит, важно, чтобы рядом всегда был кто-нибудь, на кого можно положиться. Дойдя до этой трудно давшейся мысли, Света подумала, что те, на кого можно положиться, встречаются редко. На отца и мать, как выяснилось, нельзя. Нельзя положиться на бабушку, она старая, на Климкина нельзя – он ничего не понимает. Родственники их не пустили, цыгане сдали. Остается рассчитывать только на себя. Не на милицию же? Хотя этот, что ее ударил, вроде был ничего.

– Свет, – Дина подошла к ней тихо, на цыпочках. – Ты не спишь?

– Нет.

– Смотри.

Дина покрутила ручку старого радио, нашла восточную мелодию. Откуда-то вытащила кусок старого тюля, обмотала голову и принялась танцевать. У нее получалось. Света хотела спросить, где она опять помаду взяла, но не было сил.

– Свет, а вот я мечтаю, – говорила Дина крутясь, – мы вырастем, станем артистками и будем выступать... Вместе... Еще когда у архитектора жили, помнишь, я тогда это приду-мала. Будем исполнять танец живота! Представляешь, мы с тобой живем в домике на берегу моря. Купаемся, загораем, репетируем, а вечерами за нами приезжает автомобиль и везет выступать в концертный зал. Там полно людей, яркие огни. Мы танцуем, а нам аплодируют. А когда все заканчивается, мы с полными руками цветов едем обратно, к морю. Нас привозят в дом, а море шумит, и мы усталые ложимся спать. Хочешь?

– Дин, – попросила Света, – потуши верхний свет. Глаза режет.

Дина выключила радио, на лампу с абажуром накинула тряпку и тихо устроилась поближе к свету рассматривать альбом старика. Там были какие-то военные, парни, занимающиеся борьбой на матах, выпускники на пороге школы, свадьба, молодой человек с девушкой возле красивого здания с запеленатым младенцем на руках, офицеры в горах в каких-то панамах и платках, море с отдыхающими на берегу.

Дине один из снятых показался смутно знакомым, и вдруг ее осенило страшное подозрение: «Не может же быть, чтобы этот нерусский старик был раньше таким? Этим учеником, женихом или этим офицером в горах? Наверное, просто украл фотографии у кого-нибудь похожего. Спер и показывает

всем, как будто это он. Конечно, спер! И милиционер грозился, что он его посадит. Садят ведь за что-то!

Значит, старик все-таки не надсмотрщик, а тут не тюрьма. А вдруг старик не надсмотрщик, а тут все-таки тюрьма? А тот, кого она посчитали хозяином, сам заключенный? И охраняет его милицейский пес по имени Форшмак. Наверное, так. Не зря же пес разбудил старика, когда они приехали. Он точно сторожевой, и глаза умные, надо с ним подружиться».

Капитан Истратов вернулся на рабочее место уже в нормальном состоянии. Зато лейтенант Лошак его долгим отсутствием обеспокоился. Палыч, заявившись, принялся разглядывать заполненный протокол, потом вдруг презрительно бросил:

– Чего сидим, всех старух уже обчистил?

Лошак растерялся:

– Палыч, я ж с тобой делюсь...

Капитан налил в чайник воды, поставил на плитку и стал глядеть в окно, насвистывая.

Лошак не вытерпел и поинтересовался как можно равнодушной:

– Забрали девчонок-то?

– Забрали...

– Че денег?

Капитан вынул из кармана и показал Лошаку огромную дулю.

– Ну и дела... – изумился Лошак.

– Ты кому звонил? – поинтересовался капитан. – Мирзе или кому?

– Ему, вот телефон, – Лошак порылся в бумажнике и протянул бумажку. – А кто приехал-то?

– А шут их знает. Раньше мельком видел... Зверье какое-то, – капитан налил кипятку и потянулся. – Сбегай в палатку, притащи чебуреков. Проголодался что-то.

Истратов выложил двадцатку на стол и вышел в кабинет звонить, плотно прикрыв за собой дверь. Лошак, зная, что дверь плотная, с дерматином и ничего не будет слышно, чертыхнулся и пошел за чебуреками.

Истратов набрал номер, записанный на бумажке:

– Алик, это Палыч.

– Привет, Палыч. Я тебя искал. Девочки не у тебя?

– В надежном месте, не волнуйся.

– Давай договариваться.

– Сложно с тобой договариваться, Алик... Тут уже за ними приезжали какие-то на джипе. Отбиваться пришлось.

– Знаю. Потому торговаться не буду. Просто скажи, где, когда, сколько, и я подъеду и расплачусь на месте. Обижен не будешь.

Палыч встал, посмотрел в окно, поискав глазами Лошака, назвал место, время встречи и положил трубку. Встречу он назначил на завтра, сегодня были дела. Кроме того, кое-что надо было еще обдумать. С тем же Лошаком, к примеру. Темнит собака, скользкий. А пока все как будто складывалось нормально, если не соскочит, то дети будут у родителей. Кадыкастый, конечно, разнервничался, но это уж его проблемы.

15

Вечером, когда Света дремала, а Дина разглядывала фотографии, хлопнула входная дверь. Появился старик с полной сеткой гремучих бутылок. Он окинул комнату тупым непонимающим взглядом и крикнул:

– Кто такие? Кто такие, спрашиваю? – прошел к кушетке и сдернул со Светы пальто. – Уходи! Мой диван! Я хозяин!

– Она заболела! – громко возмутилась Дина.

Света начала приподниматься и с трудом села. Старик вдруг отскочил от дивана, оседлал стул задом наперед и запел по-татарски. Песня оборвалась внезапно. Он снова вскочил и замахал руками:

– Уходи! Уходи! Не больница здесь... – он было двинулся к Свете, но Дина, преградив дорогу, уперлась кулаками ему в живот.

– Я сейчас милицию позову! – закричала она. – Александр Палыч тебя посадит! Ты вор, вор, я все про тебя знаю! И пьяница! Тебе что сказали? Сидеть тихо и не высовываться!

Старик продолжал храбриться:

– Не боюсь я никого! Меня милиция уважает!

Дина упорно подталкивала его к порогу и в конце концов почти выпихнула на улицу:

– Иди в свой сарай, спи!

Отступив к дверям, старик подхватил свою гремучую сетку и бросился во двор. Дина заперла за ним дверь на засов, чтоб не вздумал возвращаться. Пес на улице радостно залаял, старик принялся жаловаться ему по-татарски. Дина немного послушала и сказала Свете:

– Обзывается еще, пьяница дурацкий. Монгольское бешенство у него. А сам вор. Фотографии у кого-то украл. Целый альбом. Свет, – она вдруг увидела, что Света лежит с закрытыми глазами, и растерялась: – А я где буду спать?

Света сняла с себя трофейный тулуп, что удалось отстоять в борьбе с хозяином, и подала ей: «Ляг подальше, чтобы не заразиться».

Утром Дина, поднявшись с вонючего тулупа, первым делом посмотрела на Свету. Вид сестры ей не понравился. Она обшарила карманы Светиной куртки, вытащила деньги и отправилась в сарай будить старика. Пес Форшмак радостно помогал ей в нелегком деле.

– Вставай сейчас же, – кричала над его ухом Дина. – Немедленно. Не встаешь, воды в уши налью. Смотри, уже лью. Раз, два...

Сейфуллин ворчал и переворачивался на другой бок, ругал Дину, но подниматься не хотел. Дине пришлось сходить за чайником и плеснуть ему воды прямо в лицо. Тогда он вскочил и вытаращился: «Кто такая?» Пес радостно залаял.

– Мне в аптеку надо, сестра заболела, – заявила Дина. – Давай, быстро. На тот берег вези. А то я Александру Палычу скажу, что ты пил и обзывал нас.

Угроза подействовала. По всему было видно, что милиции мужичок боялся пуще огня. Видимо, все-таки преступник.

Преступник пригладил остатки волос и быстро выскочил из сарая. До того берега они доплыли молча. Пес спрыгнул вместе с Диной на берег.

– Иди прямо, – старик показал ей тропинку. – Тут через горку рядом будет.

Форшмак дорогу знает.

И он заговорил с псом по-татарски, что-то объясняя собаке. Собака оказалась такая умная, что даже по-татарски все поняла. «Рядом» оказалось идти часа полтора. Дина садилась отдыхать на поваленные стволы, ноги болели. Хорошо еще, что было утро и где-то поблизости аукали грибники. В поселке первым, кого увидела Дина, был бомж, роющийся в помойке.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо спросила Дина, – где тут у вас аптека?

Тот выпрямился, не веря своим ушам:

– А?

– Где аптека?

– Вона, – он показал ей аптеку на другой стороне улицы.

Дина зашла внутрь, пес остался сидеть на улице, слегка поскуливая.

Первой, кого увидела Дина в аптеке, была Зоя, мамина родственница, та, что их не пустила в дом. Вряд ли она тут оказалась случайно. Скорее всего, уже жалеет, что выгнала детей на улицу и раскаивается. Надо будет...

– Здравсьте, тетя Зоя, – громко сказала Дина.

Та посмотрела на нее испуганно:

– Здравствуй... А Светка где?

– Она заболела, – с нажимом произнесла Дина. А что? Пусть знает, что из всего этого получилось.

– Гос-споди, – еще больше напугалась та и уронила пузырек с таблетками. Таблетки раскатились по полу. Сделала она это будто бы нечаянно, но наверняка специально.

– Это нервы у вас, наверное, – сказала Дина и присела на корточки, чтобы помочь собрать.

Тетя Зоя тоже присела, их головы сблизилась, и Дина, сообразив, что пора действовать, заговорщически зашептала:

– Вам папа не звонил? – тетка сильно покраснела и отчаянно замотала головой. – Когда позвонит, – Дина опасно обернулась, не слышит ли продавщица, – скажете, что мы здесь живем, у старика нерусского, где паром.

Тетя Зоя сгребла таблетки, быстро поднялась и, не прощаясь, выбежала вон. Дина подошла к окошку и громко попросила продавщицу в голубой шапочке:

– Аспирин, анальгин и от нервов что-нибудь.

Она выложила перед продавщицей пятьсот рублей. Последние из тех, что Света выиграла в тире на станции Куровская.

Хотя выяснить место, где Истратов спрятал девчонок, Шизе не удалось, но дорогу, по которой он увез девчонок, Болт запомнил. Они попытались догнать уазик сразу, но капитан, зная местность не в пример лучше, вихлял и в конце концов оторвался. Из лейтенанта Лошака сведений выбить не удалось, он и под ножом не кололся. Либо испугался закладывать начальство, либо начальство ему ничего не сообщило. Второе было вероятней. Но капитану девчонки ни к чему, ясно, что он сдаст их Мирзе, следовательно, дорогу надо пасти. Им крупно повезло, что дорога была только одна. Они поставили поперек нее «ежа», и уазик Истратова влетел. Запрыгал по ухабам и, чудом не перевернувшись, уткнулся в угольную кучу. Капитан с разбитой переносицей открыл дверь, с трудом понимая, что произошло.

Шиза с ребятами прыжками уже спускались к нему с пригорка, оставив джип за поворотом.

– Не заметил? – с издевкой спросил причесанный, подбежав первым.

Палыч, не ответив, шмыгнул носом, а Болт обошел машину кругом, как бы осматривая повреждения. Самый спокойный из четверки, Каратист, вдруг подобрался, подпрыгнул и вlepил Палычу ногой в голову. Тот закачался, но не упал. Каратист ударил тогда с разворота в живот, потом еще раз, иначе, но по тому же месту.

Шиза подождал, пока Палыч прохрипится и отдышится и наклонился к нему:

– Где ребенок?

– Не знаю я, – ответил Палыч и тут же получил от Шизы по яйцам.

Он согнулся пополам и свалился на землю. Правда, потом медленно, с трудом поднялся.

– Говори быстро уже. Отпущу, – пообещал Шиза.

Мент попался неадекватный. Шиза таких еще не встречал. У него начал дергаться левый глаз.

Палыч смотрел в землю и молчал. Через двадцать минут должен был подъехать, как договаривались, Алик. До места встречи оставалось полкилометра. Нужно было тянуть время. Шиза немного подождал, потом отодвинулся, уступая место, и Каратист врезал еще раз со всего размаха. Палыч рухнул, стукнувшись головой о дверцу. Казалось, что он не встанет, но он начал подниматься и сел на землю возле дверцы. В глазах плыли сплошные облака.

Шиза наклонился к его уху:

– Сколько тебе Алик обещал, только честно? Он же жадный! Я тебе вдвое положу не глядя.

Палыч молчал. Поглядел в побелевшие от злости глаза говорившего и отвернулся. Это его уже не колыхало. Ни его напарник Лошак, который это все замутил, ни эта торговля. Шваль и есть шваль. Что тот, что другие. А только выбираться как-то надо.

Шизу его упорное молчание раздражало все больше. Он уже носом чуял, что добыча где-то близко, совсем рядом. Задержка была чревата. Мирза мог быть где-то поблизости. Сколько можно лажаться с ментами и несовершеннолетками. Стремно. И этот тупой осел. Или еще не понял ответственности момента?

Шиза лягнул Палыча в бедро и прошипел:

– Вот уперся мент. Ты че уперся? У тебя денег много? Или здоровья?

Шиза пнул еще раз со всей силы, уже в лицо. Однако Палыч уже все понял. Он успел наклонить голову и вывернулся из-под ноги разбушевавшегося психа. Каратист подпрыгнул, но Палыч поднырнул, ушел от удара и, пригнувшись, ломанулся в сторону гаражей. Пока они обегали уазик, он с невероятной легкостью перемахнул забор и завилал меж угольных куч. Четверо бежали за ним. Причесанного, который бегал быстрее всех, Палыч, оглянувшись, коротко рубанул ладонью и сбил с ног. Дистанция между ним и остальными увеличивалась.

«Уйдет, мусор, – решил Шиза, – бежавший последним, и, вытащив из-за пояса пистолет, заорал своим: “Влево все пошли!”»

Он выстрелил три раза, ранив капитана в обе ноги. Тот упал на четверень-

ки, его повалили и начали пинать вчетвером. Пинали с остервенением, как заведенные. Палыч, человек мощный, а главное, не верящий, что какая-то шваль забьет его, как скотину, вывернулся и пополз на четвереньках. Осатаневший от злости Шиза, дергаясь и хватая капитана за воротник, тыкал его носом в землю и шипел:

– Где ребенок, мусор? Где ребенок?

Палыч упрямо полз на четвереньках, оставляя кровавые следы. Потом снова поднялся, уже на автопилоте, не чувствуя боли в ногах, схватил попавшийся под руку железный дрын. Он размахнулся, преследователи отскочили, зазевался только Болт. Дрын прошелся ему поперек живота, и он рухнул. Шиза вытащил пистолет и выстрелил Палычу в грудь. Раз, другой, третий. Истратов упал не сразу, перед этим посмотрев на них длинным взглядом, точно запоминная навсегда.

Шиза в истерике схватился за голову. Дерьмо, дерьмо! Уже два трупа, один Толян, другой мент! И где теперь искать этих девок? Черти бы разорвали Мирзу с его кассой! Болт был ранен. Они стремительно убегали, подхватив его под руки. По животу текла кровь, в аптечке было пусто, и Шиза в машине scomандовал: «В аптеку».

Неудача Шизу озлобила. Выпасли мента, а тот оказался героем и погиб смертью храбрых. Никто бы не мог предсказать такого финала. Любой из них слил бы информацию после одного хорошего удара. Если и остались такие меты, то один на тысячу, и именно этот один ему и попался. Невезение на грани катастрофы. Все труды – псу под хвост из-за одного упертого...

Улица возле аптеки была совершенно пустой. Дина, спрятав аспирин с анальгином в карман, уже успела свернуть в узкий переулок, сопровождаемая радостно вилявшим псом. На противоположной стороне улицы возле помойки копошился бомж. Шиза повертел головой и зашел в аптеку. Трое остальных остались в джипе. Каратист сидел за рулем и уже собрался было закурить, как бомж вдруг, оторвавшись от мусорной кучи, принялся переходить дорогу, но посередине остановился, поставил какие-то боты «прощай, молодость» и двинулся дальше. Каратист выдвинулся из машины и заорал: «А ну поднял быстро и принес сюда!» Бомж испуганно вернулся к обуви, поднял и понес к машине. У машины он кротко встал. Каратист брезгливо сморщил нос:

– Че в шузах, козел?

– Так ботинки это.

Мужик начал было показывать нутро, но Каратист не дал. Он схватил того за нос и сильно прищемил:

– Ты за каким хреном их на дорогу выставил?

– Чтоб размяли, – с трудом ответил мужик, даже не пытаясь вызволить нос, – Ну, – видя, что его не понимают, он пытался объяснить: – Проедет кто по ним. А то тесные.

– Дай ему в лоб, – посоветовал Цыпа, – чтоб воздух не портил.

– За что бьешь? – заныл тот. – За что бьешь, за что? – голос звучал все пронзительней. В ближайшем доме кто-то отодвинул оконную занавеску.

– Еще и не начинали, а ты завыл. Вали отсюда, нах... Вместе с дерьмом своим...

Бомж поплелся дальше, завернул за угол, подошел к старому жигуленку, пошептался с водителем и протянул в окно черную замурзанную руку. Водитель Алика Миша молча дал бомжу купюру, и тот удалился, донельзя довольный. Миша набрал номер:

– Артур, в джипе трое, один вроде ранен. Стой у развилки, никуда не денутся.

Когда те, о ком шла речь, отъехали от аптеки и обработали рану, перевязанный Болт случайно повернул голову, увидел торопливо бегущую Зою и произнес: «Да вот же это, эта, как ее, родственница... Несется, как курица. Надо узнать, че она. Может, знает, где эта овца...» Овцу он забыть не мог. И не прочь был встретить. Таких надо давить, пока они маленькие. А то потом проблемы бывают. Как с этим ментом.

После встречи в аптеке Зоя неслась к дому, как на пожар. Вот же не повезло с родней! Валере не надо говорить, что Динку видела, только паника поднимется да начнутся попреки. Сидела бы дома, не шлялась бы по магазинам... А сколько можно сидеть за забором? Да и где тут отсидишься, дом и дом, никто ж его не охраняет. Любой калитку ногой пнул – и заходи.

Зоя не заметила, как с Лесной тихо вывернул джип «паджеро». Через минуту рот ее был залеплен скотчем, руки заломлены за спину. Через десять минут джип был уже в лесу, за поселком, она сидела на заднем сиденье полумертвая от ужаса, а чей-то голос спрашивал, не звонил ли Алик и где девочки. Спрашивали вежливо, но перед носом маячил пистолет. И еще они знали имена ее мужа и детей. Как только скотч сорвали, она сказала все сразу.

Шизе крупно не повезло с ментом. Зато с Зоей, можно сказать, наоборот! Именно тогда, когда дело казалось проигранным. Он приободрился и взялся за руль. От девчонок его отделяло теперь километров десять-двенадцать. Все, что испытывал Шиза, выходя на последний круг погони, было сильное возбуждение, похожее на то, что испытывают охотники, преследуя опасного зверя.

Дина вернулась с лекарствами и цветными карандашами, напоила Свету аспирином, накрыла тулупом и села рисовать у окна, вырвав из старой желтоватой тетради пару листков. На первом она изобразила пса Форшмака с умным лицом, ростом с Сейфуллина, и самого хозяина, поменьше, примерно ростом с собаку. Следующая картинка изображала остров с домом посреди озера и паром с огромным милиционером. Возле дома стояли, держась за руки, две принцессы, одна побольше, другая поменьше. Вокруг них, прямо по краю острова, вилась между деревьев не сразу заметная проволока, а надпись на доме гласила «Тюрьма».

Покончив с творчеством, Дина вышла на двор. Был ветер, она немного прогулялась по стариковским владеньям, но ничего интересного в его хозяйстве не обнаружила. Сейфуллин в сарае разбирался с пустой тарой.

– Ты какие-нибудь игры знаешь? – спросила Дина.

– Игры? – мужичок завертелся, как юла. Потом потрусил в дом, притащил с чердака кости.

Они уселись на плоские камни посреди двора.

– Что ставишь? – спросила Дина.

- Что ставишь? – не понял тот.
- Ну, я на деньги буду играть, – Дина высыпала из кармана мелочь. – А ты на что?
- Я на что? Я ничего не дам, – гордо заявил Сейфуллин. – У меня денег нету.
- Ставь собаку. Хороший пес, умный, – предложила Дина.
- Форшмак друг, – рассердился хозяин. – Друг! Форшмак – друг человека.
- Да ладно, чего орать-то? – пресекла выкрики Дина. – Я тебя проверяла. Давай тогда фотоальбом свой ставь.
- А-а! – закричал старик. – Зачем фотографии. Это мой, мой! Тебе не надо.
- А вот и врешь, – заметила Дина. – Не твои они, ты их украл.
- Сейфуллин впал в панику и запричитал по-татарски. Пес залаял.
- Ладно уж, – снизошла к нему Дина, переждав смятение, – давай мои деньги поделим, как будто половина твоя. Понарошку.
- Тот обрадовался. Они принялись играть, Дина мелом на камне записывала счет. Через час Света проснулась от ее возмущенных криков:
- Жулик, жулик, мухлюешь! Света, он мухлюет! Я видела, двойка была! Не было у тебя тройки, двойка была!
- Тройка, – кричал Сейфуллин. – Зачем говоришь двойка! Тройка была! – Он соорил обиженную мину: – Не жулик я, не жулик!
- Жулик! Я Александру Палычу скажу! – имя капитана действовало на Сейфуллина безотказно. Он сразу же принял вид смиренной жертвы и согласился:
- Пиши. Пиши двойка. Аллах все видит. Пиши, что хочешь.

Алик спланировал сделать все утром, еще до встречи с Палычем. Чтобы забрать Дину, нужно было одновременно договориться с Костиными пацанами, из которых реально оставалась команда Шизы. Последних вычислили, но маршрут, которым те продвигались в последний час, Алику активно не нравился: он слишком близко пролегал к месту встречи с капитаном. Алик торопился на встречу с Палычем, не зная, что опоздал: капитан в это время уже выехал на дорогу.

Мирза набрал номер Миши и осведомился, какие новости у Шизы. Миша дал координаты «паджеро», и эта информация встревожила еще больше. Джип направлялся туда же, куда и он. С Мишей и Артуром договорились встретиться у развилки. Алика беспокоила мысль, что Шиза перекупил Истратова. Тогда будет бойня, и что от кого останется, еще вопрос. Что будет с девочками? Если тех четверо, пусть даже один ранен, а их трое, то силы, считай, равны, и все дело во внезапности. Если же Истратов предупредил Шизу о месте и времени встречи, то дело плохо. Мог капитан подставить его и детей?

«А почему нет, – усмехнулся Алик. – Они же для ментов не люди, падаль. Пусть хоть все друг друга поубивают, до седьмого колена».

После развилки обе машины шли друг за другом аккуратно, держась на расстоянии. Алик ехал первым, внимательно следя за дорогой.

Он первым и увидел уазик, кривобоко торчащий возле угольной горы. Вид этой жалкой коробки многое прояснил. «Палыча просто пасли», – понял Алик и осторожно притормозил. Дождлся Миши с Артуром. Они переговорили и двинулись к уазику с разных сторон. Машина была пуста, но трава поблизости оказалась истоптанной.

– Кровь, – сказал Артур, зайдя слева.

Они, не сговариваясь, двинулись по следам, держась поодиночке и прячась за кустами. Поломанные ветки и следы возле угольных куч вели их правильно.

– Тут волоком тащили, – сказал Миша и вдруг увидел капитана.

Тот был изрешечен. В бешенстве кто-то выпустил в мертвого всю обойму. Рядом валялся железный дрын, выпавший из рук. Они сгрудились возле мертвого тела.

– Больной этот Шиза на всю голову, – сказал Артур.

– Времени нет, – невпопад ответил Алик и побежал к машине. Все последовали его примеру.

Дальше они ехали по следам «паджеро». Вначале Костины ребята повернули в сторону поселка, но потом вернулись назад.

– Ранил капитан одного, в аптеку они ездили, – пояснил Миша. – Там и засветились.

Проселочная дорога была не заасфальтирована, и рисунок шин был виден четко. Алик все увеличивал скорость, прыгая на ухабах. Неожиданно дорога начала поворачивать влево, и за деревьями блеснула река. Алик затормозил, вышел из машины и влез на холм.

Картина была как на ладони. Джип «паджеро» стоял в кустах, Шиза с компанией на всех парах плыли на пароме к хибаре на противоположном берегу, где метался мужик в каком-то балахоне. Алик увидел, как мелькнули и попали за сараем Динины ноги в белых колготках, и побелел от гнева. Он слетел с холма, вытащил нож и проколол шины «паджеро». Внутри салона ему послышался звук, но оказалось, звук шел из багажника. Алик открыл: с ртом, заклеенным скотчем, там лежала скрючившись связанная Зоя. При виде Алика она закатила глаза от ужаса. Он выволок ее из багажника, сорвал скотч и спросил:

– Быстро. Как туда добраться? – он махнул в сторону противоположного берега.

Ему казалось, что на открытом пространстве девочек отбить будет легче. Кроме того, он вообще не мог вытерпеть мысли, что девчонки хоть на секунду окажутся в руках Шизы. На что тот способен, он уже показал.

Зоя, уже выдрессированная Шизой, отвечала мгновенно:

– Слева есть брод.

Мирза побежал к дороге, куда уже подтянулись остальные.

– Девочки там, – он махнул в сторону хибары. – Шиза на пароме, через пять минут он будет у них. Тут есть брод. Один останется здесь, у джипа для страховки. Артур, остаешься один. Мы в обход.

Артур, взяв автомат, направился к «паджеро».

– Там у джипа баба, – бросил вслед Алик. – Наташкина родня.

– Понял, – ответил Артур.

Алик с Мишей уже садились в машину.

Дина кричала и возмущалась так, что Света вышла из дома посмотреть, что произошло. Старик сидел нахохлившись, а довольная Дина, разоблачив его и настояв на своем, старательно записывала тройку, высунув язык. За домом залаял пес, и Света заглянула за угол.

Спросонок она не поняла, что произошло. Просто увидела приближавшийся паром. Двое тянули веревки, двое просто стояли. Один пускал сигаретный дым. Света узнавала их медленно, как во сне, поочередно. Вначале «яичного желтка», потом причесанного, того, в которого стреляла из уазика, а потом и двух других. Форшмак залаял сильнее, из-за дома выбежала Дина.

– Опять они, – сказала Света, и Дина все поняла по ее глазам.

– Сейфуллин! – крикнула Дина. – Бандиты!

Тот, похоже, уже и сам что-то понял, потому что раздался шум, из сарая посыпались корзины и удочки, старик вылетел из-за дома со старой берданкой, громко ругаясь по-татарски.

«Вот тебе и Александр Палыч, – успела подумать Света. – Вот тебе и милиция!»

Секунду она стояла в ступоре, потом схватила Дину и потащила ее к сараю. Краем глаза она видела, как Сейфуллин, громко причитая и сбивая на ходу горшки и корзины, бежит к берегу, пытаясь зарядить ружье. Но патроны рассыпались по траве, и он принялся их собирать. У людей на пароме проступили лица, и выражение у всех было одинаковое. Деревянно-безучастное, страшней которого нет. Они сливались в одно.

Света с Диной взялись за руки, прижались к стене сарая и стояли, окаменев. Старику, наконец, удалось вставить патроны. Он залег у изгороди, прицелился и с отчаянным криком: «Аллах Акбар!» выстрелил. Грянул выстрел дуплетом, отдачей щуплого мужичка отшвырнуло метра на полтора. Он понесся обратно, попытался перезарядить, но руки его дрожали. Тогда он швырнул ружье и с криком: «Убегай, убегай!» метнулся в кусты.

Убегать было некуда. Метрах в десяти за домом, за кустами, был брод, но девочки об этом не знали. Ни Александр Палыч, ни тем более Сейфуллин, которому было поручено их сторожить, им об этом не сообщили. Они видели, как тот рванул в кусты, и сразу раздался выстрел. За кустами плеснула вода и все стихло. Паром уже был у самого берега, а причесанный, изображая удивление, заглядывал в дуло своего пистолета.

Света бросилась вперед, схватила ружье, несколько патронов, валявшихся рядом, и затащила Дину внутрь сарая. Они забрались как можно глубже, но все-таки так, чтобы быть напротив двери. Одной рукой Света прижимала к себе Дину, другой держала ружье, пристроив его на какой-то перегородке. Дина тихо плакала, глотая слезы.

– Свет, – спросила она, – теперь-то они нас точно убьют?

– Еще увидим, – ответила Света.

Она сжала приклад так, что пальцы побелели. Потом поняла, что не может целиться, потому что мешают слезы. Она вытерла их рукавом и нацелилась на дверь. Дверь была вся в щелях, сквозь нее пробивалось солнце. Еще совсем недавно Дина с Сейфуллиным играли в кости, а теперь он валяется в кустах.

Они ждали. Слух вдруг страшно обострился. Форшмак залился лаем, раздался выстрел, пес взвизгнул и смолк. Потом выстрелы защелкали подряд, кто-то вскрикнул, тяжело пробежал мимо сарая и свалился. Послышался хриплый стон и смолк. Потом снова раздалось выстрелы. Шесть, девять, считала Света. В кого они стреляют? Никого же нет.

Потом все стихло. Стали слышны шаги: кто-то подходил к сараю. Руки у Светы стали каменными. Дверь со скрипом открылась, в нее потоком хлынул

свет, и на фоне этого света возник силуэт. На секунду их ослепило, а Дина начала выворачиваться из-под Светиной руки и сбила ствол на сторону. Света хотела поправить, но Дина закричала во весь голос: «Папа!» – и бросилась к силуэту в дверном проеме.

Алик подхватил ее на руки, Света уронила ружье, села на землю и заплакала.

На дворе было тихо и пусто. Алик нес Дину на руках, прижав к плечу голову, так, чтобы она не увидела ни мертвого пса, ни Сейфуллина, ни остальных. Света шла сзади и видела всех: и «яичного желтка», сидевшего под березой с завернутой набок головой, и причесанного, упавшего в воду лицом, и психа с нервным тиком, валявшегося возле изгороди, и рыжего пса по кличке Форшмак, который так приглянулся Дине, и Сейфуллина. Кругом была полная тишина, только хлюпала вода под ногами, доходя до колен. Они переходили реку вброд.

Выбравшись из мертвого царства, они сели в машину. Все молчали, только Дина продолжала всхлипывать. Дядя Миша подмигнул Свете в зеркале, но она не улыбнулась, а тихо спросила Алика:

– А где милиционер? Александр Палыч?

– Я потом тебе скажу, Свет, – ушел от ответа Алик.

– Это он нас выдал?

– Нет, – произнес Алик. – Не он.

– Осень ведь уже, – сказал вдруг Миша, отвлекшись от дороги. – Желтое вон все. Так и не заметишь...

Дальше опять ехали молча. Дина неожиданно заснула у Алика на руках. Она не видела, как Артур освободил Зою и, объяснив ей, что и почему, посадил в свою машину, довез до развилки и отпустил на все четыре стороны.

Зоя домой не пошла. Купив по дороге поллитру, она направилась к подруге Ирке, к которой Валера ее не пускал, обзывая ту поблядушкой. Дальше они со Ирккой выпили бутылку, потом сходили еще за одной и до утра пили, пели, жаловались друг другу на мужей и детей, пока Иркин муж не заявился со станции и не заорал, что это, мол, за беспредел, бабы пьют, а он как стеклышко. Тогда Зоя попросила разрешения остаться у них переночевать и позвонить Валере, чтоб сказать, что она у них.

Разозленный Валера решил, что он ей еще покажет, где раки зимуют, но наказание прибережет до субботы, а сегодня был четверг. Проснувшись в чужом доме, Зоя и вправду почти ничего не помнила, что и требовалось. Бывают такие в жизни вещи, с которыми никак иначе поступить нельзя – только забыть. Иначе человеком себя ты чувствовать не будешь, а только скотиной, которую каждый день могут отправить на убой. Подумав об этом, она покосилась на храпящего на диване Иркиного мужа, подошла к нему на цыпочках, вытащила из-за дивана початую поллитру, которую он припрятал, и сделала глоток прямо из горла.

Эпилог

Из квартиры Алика выносили последние вещи. Миша уже сидел за рулем, бестолково суетилась бабушка, Артур перекладывал в багажнике саквояжи, стараясь сэкономить место.

Дина, стоя на кухне в новой шляпке и новом пальто, перебирала в сумочке свои сокровища: помаду из дома мертвеца, две фотографии из альбома Сейфуллина, металлическое колечко, которое дал поносить цыган, а отобрать не успел, отнял только ленту.

Наташа в длинном черном пальто, благоухая французским парфюмом, следила, чтобы ничего не забыли и разместили удобно.

– Осторожно там, на этих лыжах, – напутствовала ее мама.

– Ну перестань, мам... Мне не до лыж будет... Надо все покупать: мебель, все... Представляешь?

Наташа нервничала и немного злилась. У мамы после всех переживаний с головой было не в порядке. Она не понимала, а может, по страусиной привычке прятать голову в песок, не хотела понимать, что они уезжают совсем. Что они бегут, а может, остаток жизни будут бегать от тех, кто не простит Алику исчезновения общака. Впрочем, мама этого знать не могла, а намеков не понимала.

– А уже закончили ремонт-то? – спросила она.

– Говорят, да. Но надо же проверять. Хоть и Европа, а все то же самое...

Вспомнив о доме, за который Алик уже внес деньги, Наташа на миг почувствовала себя дамой и выпрямилась.

– А как же школа?

– Мам, там тоже есть школы, не тайга же...

Вместо того, чтобы успокоиться, Нина Григорьевна внезапно заплакала. Поняв, что сейчас тоже разревется, Наташа закрутила головой: «Где Светка-то?» Больше всего Наташа мучилась из-за Светки. Везти сразу всех на необжитое место было тяжело, да Света и не хотела.

Она скучала, тревожилась и слонялась в тоске по пустым комнатам. Дина было пристроилась рисовать, но услышала, что на улице кто-то свистит. Кто-то умело высвистывал: «Если ты меня разлюбишь, в тот же вечер я умру...» Дина влезла на окно, чтобы посмотреть, кто свистит, но тот, кто это делал, стоял слишком близко к дому.

– Света, ты же достаешь до форточки... – позвала она сестру.

Света влезла на подоконник и высунувшись из форточки, посмотрела вниз. Потом спустилась. Лицо ее стало красным, она накинула куртку и вышла из квартиры, бросив: «Я скоро!» Свист за окном прекратился, и Дина прилипла к стеклу. Вначале не было никого, Дина бегала от двери к окну: то слушала, что происходит в подъезде, то смотрела, кто ходит по двору. Но, кроме родителей, Миши, Артура и бабушки, никого не было видно.

Не хватало еще, чтобы Светка пропала. Они же уезжают! Нужно хотя бы попрощаться как следует! Она уже пятый раз выглядывала в окно, когда они, наконец, появились. Шли себе, как ни в чем не бывало, к выходу со двора, и он держал руку на Светкином плече. Конечно, как она сразу не догадалась! Дина вскочила на подоконник и принялась громко барабанить по стеклу. Они обернулись, и Дина замахала. Семен Александрович тоже махнул ей в ответ, и па-

рочка завернула за угол.

В дверь позвонили, и Дина отправилась открывать. Там стоял дядя Миша:

– Дин, ты готова? Пошли.

Дина прихватила сумочку с подоконника, вздохнула и отправилась вниз. Хорошо тут жить, конечно, но в Австрии, может быть, еще лучше будет.

Внизу бабушка сразу же обняла ее и заплакала, Дина же высматривала Светку с Семеном. Та появилась внезапно, когда Дина, уже обиженно надувшись, сидела в машине.

– На, возьми, – Света подала ей коробочку с индийскими украшениями для танцев. – Это тебе.

Дина открыла коробку и зажмурилась от радости. Это же целое сокровище! И как ей не жалко!

– Свет, может, все-таки... Поедешь с нами?

Света отрицательно помотала головой и повернулась к матери. Они обнялись, Наташа не выдержала, заплакала, а Света сдержалась.

– Может, до аэропорта с нами? А обратно на такси? – спросила Наташа.

– У меня тренировка, – был ответ, и Наташа отвернулась, вытирая слезы платком. Крепко обняла маму и решительно села в машину.

– Это твой парень? – кивнул на Семена, стоявшего неподалеку, Алик, но Света отвернулась, точно не услышала вопроса. – А что, Свет, со мной прощаться не будешь?

Но она уже шла к дому, будто оглохла. Ничего ему не простила, не смогла, а делать вид не хотелось.

– Оставь ее, – сказала Наташа. – Хватит слез. Поехали.

«Мерседес» выехал со двора, Дина, обернулась на дом, на Светку, на бабушку, и в носу защипало. Бабушка махала рукой, а Света на них даже не смотрела.

– Куда ты? – спросила Нина Григорьевна Свету, заметив, что она направляется в подъезд. – У тебя же тренировка?

– Да нет у меня никакой тренировки. Сем, пойдем поднимемся, – окликнула она парня.

Они вместе поднялись в квартиру и сели за стол в пустой кухне. Кроме стола и двух табуретов, там ничего не было. Света глядела на него:

– Как ты тут оказался?

– Я же в городе учусь. В железке.

– А адрес наш где взял?

– У Арсения на конверте остался. Еще Дина писала.

– Расскажи, как вы там.

Семен принялся рассказывать все сначала. Как хоронили Колюню, и что у Колюни не оказалось ни фотографии, ни костюма, чтобы похоронить. Что Марина вызвалась копать могилу, а Семен сам изготовил крест. Что в милиции наорали на Артемия, водителя Шуру и всех прочих за то, что труп с веревки сняли и следы затоптали, а надо было оставить, как есть.

А Зина после похорон в доме ночевать не могла, уверяла, что Колюня ей в ставни стучит, и поэтому Семен пустил ее к себе хозяйничать, но, пожив немного, она уехала в Тюмень торговать носками. Любаня выходит замуж за дембеля, и от Семена отстала. Сказала, что не нужен он ей. Остыла к нему. Да не больно-то и надо. Солдаты полковника Радченко у Артемия дом охраняют,

за что Артемий им наглядные пособия обещал нарисовать. А Янка, парикмахерша, уехала к матери, но на время, пока все не успокоится, и бандиты перестанут по шоссе таскаться туда-сюда.

– И что, перестали? – спросила Света.

– Когда отца убили... – помолчав, сказал Семен.

– Как отца? За что? – поразилась Света.

– Ни за что. Убили и все. На дороге подкараулили... Мент он был.

Света вдруг закрыла ладонями рот, уже догадавшись, но потом все-таки спросила:

– Как его звали?

– Александр Палыч. Капитан Истратов. Знаешь его?

– Господи... – только и сказала она и опустила голову.

– Чего теперь... – Семен упорно не отворачиваясь глядел в окно, – из-за характера своего погиб. Еще мать ему говорила: нарвешься на пулю...

Они помолчали.

– Брошу я эту железку. В школу милиции поступлю. Отомщу... – он покрутил лохматой головой, точно отмахиваясь от призрака отца.

«Семен беспечный, – думала Света, – грузиться не любит, забудет об отце и заживет нормально». Словно подтверждая ее мысли, он спросил:

– Свет, может, это... Ты ведь тоже совсем одна осталась. Давай вместе жить. Вместе веселее.

– Только поэтому? – спросила она. – Что я теперь одна осталась?

– Да нет, ты ж знаешь, что не поэтому. Просто мы с тобой друг друга понимаем. Разве не так?

За окном напоздали сумерки. Жизнь, как река, снова сделала поворот. Две недели прошло с тех пор, как Алик отвез их в «дом мертвеца», а сколько всего произошло, изменилось. Наташин дом опустел. Только успела Света привязаться к Динке по-настоящему, как к родной, как ту увезли. Встретила женщину, рассказавшую ей о смерти отца, и ничего не успела узнать, как ту убили. Познакомилась с самым прекрасным человеком на свете, стрелком, а он исчез, словно растворился. Как прекрасный сон.

А они с бабушкой теперь настоящие сироты.

А Семен, а Зина, разве не сироты?

А бедный Сейфуллин и ни в чем не повинный пес? А эти, которые остались лежать возле парома, у них же есть матери, сестры, жены, дети? Они все теперь сироты. Что делать с этим сиротским миром?

Она протянула через стол руки Семену, он крепко сжал ее ладони.

– Пойдем погуляем, чаю выпьем с бабушкой. Я вас познакомлю, – предложила Света.

Они спустились, заперли дверь и пошли прочь от дома. Семен принялся насвистывать «Если ты меня разлюбишь...», но Света его оборвала:

– Не свисти, вдруг денег не будет... А мстить за отца не надо, хуже будет. Хочешь, я тебя в секцию отведу? Просто нужно уметь стрелять, это я теперь точно знаю.

– Стой, погоди.

Он взял Свету за рукав и отодвинул на край асфальта, чтобы посторонилась. Навстречу им, сильно петляя, приближалась женщина в дорогом пальто. Она напоминала слепую, хотя глаза ее были открыты. Уже пройдя мимо,

они услышали, как она горько произнесла: «Сына, сына кто мне вернет?»

Это была Рита, о существовании которой Света еще не знала. Они познакомятся позже, когда Света получит на руки Алкино завещание.

Еще раз оглянувшись, они пошли дальше. Начал накрапывать дождь, в домах засветились окна, зажглись уличные фонари. Света остановилась и потрогала мыском кроссовки мокрый коричневый лист у ног.

– Осень наступила. Незаметно как-то...

Семен положил ей руку на плечо, и они зашагали дальше.

